

ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЙ СФЕРЕ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

В ТРЕХ ЧАСТЯХ

ЧАСТЬ 1

ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
Г. БЕЛГОРОД, 31 ЯНВАРЯ 2018 Г.

АГЕНТСТВО ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(АПНИ)

ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ
В НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ И
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЙ СФЕРЕ

Сборник научных трудов

по материалам
Международной научно-практической конференции
г. Белгород, 31 января 2018 г.

В трех частях
Часть I

Белгород
2018

УДК 001
ББК 72
И 66

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте:
www.issledo.ru

Редакционная коллегия

Духно Н.А., д.ю.н., проф. (Москва); *Васильев Ф.П.*, д.ю.н., доц., чл. Российской академии юридических наук (Москва); *Винаров А.Ю.*, д.т.н., проф. (Москва); *Датий А.В.*, д.м.н. (Москва); *Кондрашихин А.Б.*, д.э.н., к.т.н., проф. (Севастополь); *Котович Т.В.*, д-р искусствоведения, проф. (Витебск); *Креймер В.Д.*, д.м.н., академик РАЕ (Москва); *Кумехов К.К.*, д.э.н., проф. (Москва); *Радина О.И.*, д.э.н., проф., Почетный работник ВПО РФ, Заслуженный деятель науки и образования РФ (Шахты); *Тихомирова Е.И.*, д.п.н., проф., академик МААН, академик РАЕ, Почётный работник ВПО РФ (Самара); *Алиев З.Г.*, к.с.-х.н., с.н.с., доц. (Баку); *Стариков Н.В.*, к.с.н. (Белгород); *Таджибов Ш.Г.*, к.филол.н., доц. (Худжанд); *Ткачев А.А.*, к.с.н. (Белгород); *Шановал Ж.А.*, к.с.н. (Белгород)

И 66

Инновационные процессы в национальной экономике и социально-гуманитарной сфере : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 31 января 2018 г.: в 3 ч. / Под общ. ред. Е. П. Ткачевой. – Белгород : ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2018. – Часть I. – 192 с.

ISBN 978-5-6040676-0-4
ISBN 978-5-6040676-1-1 (Часть I)

В настоящий сборник включены статьи и краткие сообщения по материалам докладов международной научно-практической конференции «Инновационные процессы в национальной экономике и социально-гуманитарной сфере», состоявшейся 31 января 2018 года в г. Белгороде. В работе конференции приняли участие научные и педагогические работники нескольких российских и зарубежных вузов, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты, специалисты-практики. Материалы данной части сборника включают доклады, представленные участниками в рамках секций, посвященных вопросам филологии, истории, социологии, юриспруденции.

Издание предназначено для широкого круга читателей, интересующихся научными исследованиями и разработками, передовыми достижениями науки и технологий.

Статьи и сообщения прошли экспертную оценку членами редакционной коллегии. Материалы публикуются в авторской редакции. За содержание и достоверность статей ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

УДК 001
ББК 72

© ООО АПНИ, 2018
© Коллектив авторов, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»	6
<i>Chantov V.P.</i> ON THE STRUCTURE OF SOME METHODS OF EARLY FOREIGN LANGUAGE LEARNING	6
<i>Mamatov R.R.</i> DIE BEREICHERUNG DES DEUTSCHEN WORTSCHATZES DURCH WORTBILDUNG ..	10
<i>Mamatov R.R.</i> DIE BESONDERHEIT DES DEUTSCHEN WORTES IM DEUTSCHEN.....	12
<i>Mamatov R.R.</i> DIE LEXIKOLOGIE ALS BEREICH DER SPRACHWISSENSCHAFT UND ALS LEHRFACH.....	13
<i>Mamatov R.R., Rasulova F.K., Abdulbokieva X.O., Xasanov N.D.</i> ZUR ENTWICKLUNG LEXIKOLOGIE ALS WISSENSCHAFT	15
<i>Бекоев В.И., Сагаева З.Х.</i> ПЕРСОНАЖИ РУССКИХ КОЛЫБЕЛЬНЫХ ПЕСЕН В ХРИСТИАНСКОЙ НАРОДНОЙ ТРАДИЦИИ.....	17
<i>Бобоалиева З.П.</i> ЭЛЕМЕНТЫ ВОЛЬНОГО ПЕРЕВОДА В ТАДЖИКСКИХ ПЕРЕВОДАХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА	21
<i>Богомолова Е.И.</i> СЛОВЕСНЫЙ ПОРТРЕТ ДЕТЕКТИВА КАК ВАЖНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕРСОНАЖА НА ПРИМЕРЕ РОМАНОВ АГАТЫ КРИСТИ	26
<i>Волков В.В., Волкова Н.В.</i> ДВА МИРА И ДВА ЯЗЫКА В ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ ИЕРОМОНАХА РОМАНА (МАТЮШИНА-ПРАВДИНА): ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ, САКРАЛЬНОЕ И ПРОФАННОЕ	29
<i>Золотарева М.Н.</i> ИЗУЧЕНИЕ ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В ДЕРИВАЦИОННОМ АСПЕКТЕ НА ЗАНЯТИЯХ РКИ	38
<i>Зубова И.И.</i> ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В КРЕОЛИЗОВАННОМ ТЕКСТЕ	41
<i>Зулпукаров К.З., Амиралиев С.М.</i> КИТАЙСКО-КИРГИЗСКОЕ ZHÈR/ЖЕР И ЕГО СЕМАНТИКО-ЗВУКОВОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ	48
<i>Зулпукаров К.З., Амиралиев С.М.</i> ПРОБЛЕМА ЭКОНОМИИ АРТИКУЛЯЦИОННЫХ УСИЛИЙ ГОВОРЯЩЕГО И СУДЬБА КОНЕЧНОГО -P В ЭТИМОЛОГИЧЕСКИ ИДЕНТИЧНЫХ СЛОВАХ КИТАЙСКОГО И КИРГИЗСКОГО ЯЗЫКОВ	54
<i>Карелова Д.Г., Калиничев В.А.</i> ТЕКСТИЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО КАК ПОДВИД ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПОДЪЯЗЫКА СТРОИТЕЛЬСТВА	63
<i>Керимова К.Р., Курбанов И.А.</i> ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРСОНАЖА В КИНОФИЛЬМЕ «MY FAIR LADY».....	68

Кириллова Т.К.	
ОБРАЗНОЕ СРАВНЕНИЕ КАК ВЕДУЩЕЕ СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО В СКАЗОЧНОМ ДИСКУРСЕ О. УАЙЛЬДА.....	72
Колосова С.Н., Ушанкова Н.А.	
ЯЗЫК СПЕЦИАЛЬНОСТИ КАК ФАКТОР ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ УЧРЕЖДЕНИЙ СПО ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА ..	77
Легкова Е.А., Курбанов И.А.	
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РЕАЛИЙ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ НА ПРИМЕРЕ РОМАНА МАРГАРЕТ ЭТВУД «СЛЕПОЙ УБИЙЦА» И ЕГО ПЕРЕВОДА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК	81
Нелькенбаум В.М.	
СИМВОЛИЗМ ПУНКТУАЦИИ В ЛИРИКЕ Б.Л. ПАСТЕРНАКА	85
Пулатов Н.Н.	
МЕСТО АБУЛФАЗЛА АЛЛАМИ В ИСТОРИИ ИНДИЙСКОЙ ПЕРСОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVI ВЕКА	87
Рамантова О.В.	
СЕМАНТИКА ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ СО ЗНАЧЕНИЕМ «СЛУХИ» НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ	90
Сурхаби Р.В.	
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ЗАНЯТИЯХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	93
Сухорукова Ю.С.	
ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА ВО ФРАНЦУЗСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ С КОМПОНЕНТОМ COEUR	97
Умирзакова З.А.	
КОММУНИКАТИВНАЯ ТАКТИКА РЕФРЕЙМИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	102
СЕКЦИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»	106
Зеленский Ю.В.	
О ВРЕМЕНИ ПРЕКРАЩЕНИЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ ТМУТАРАКАНСКОГО КНЯЖЕСТВА.....	106
Ольшевский В.Г.	
СТОЛЕТИЕ ОКТЯБРЯ: ПАРАДОКСЫ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВА – ПАМЯТИ И НАУКИ	108
СЕКЦИЯ «СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»	119
Гаранина Л.Р.	
ТРУДОУСТРОЙСТВО ЛЮДЕЙ С МЕНТАЛЬНОЙ ИНВАЛИДНОСТЬЮ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ	119
Зуева В.Б.	
ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ОСНОВА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО РЕЗУЛЬТАТА	122
Сизиков В.П.	
СИСТЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПО ИСТОРИИ УБЫХОВ	126

СЕКЦИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»	133
<i>Архипова И.А., Магомедова Е.А.</i> ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ОСНОВНЫЕ УСЛОВИЯ ЕЁ ПОВЫШЕНИЯ	133
<i>Аулова С.В.</i> СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НАЛОГОВОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	136
<i>Васильев Ю.В.</i> ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШАЮЩЕГО МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ.....	141
<i>Грахова М.И.</i> О КОНСТИТУЦИОННОЙ ПРИРОДЕ ОГРАНИЧЕНИЙ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЦ, ОСУЖДЕННЫХ К УГОЛОВНЫМ НАКАЗАНИЯМ БЕЗ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА .	145
<i>Дорохов Н.И.</i> РОССИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛИЗМ: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ.....	148
<i>Косовский В.Б.</i> ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ.....	157
<i>Кривушин А.В., Магомедова Е.А.</i> ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В ВУЗЕ КАК ФАКТОР ПРОФЕССИОНАЛИЗМА БУДУЩИХ БАКАЛАВРОВ ЮРИСПРУДЕНЦИИ	160
<i>Куропатская Е.Г.</i> ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ЧУЖИМ ИМУЩЕСТВОМ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ	163
<i>Литучая С.Е.</i> ОСОБЕННОСТИ СТАДИЙ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ	168
<i>Магомедов Г.Б., Таилова А.Г.</i> ПСИХОЛОГИЯ ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПРЕСТУПНИКА В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ	174
<i>Пальцева Е.С.</i> ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИНТЕРЕС КАК ВАЖНЫЙ ГАРАНТ СВОБОДЫ СЛОВА	179
<i>Романов И.Е., Романова И.В.</i> ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЭФФЕКТИВНОСТИ МИГРАЦИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ВОСТОЧНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙН	183
<i>Токбаев А.А.</i> ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА ПУТЕМ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ МЕР ПО ПРЕСЕЧЕНИЮ И ВЫЯВЛЕНИЮ ФАКТОВ НЕЦЕЛЕВОГО РАСХОДОВАНИЯ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ	189

СЕКЦИЯ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

ON THE STRUCTURE OF SOME METHODS OF EARLY FOREIGN LANGUAGE LEARNING

Chantov V.P.

Head of Scientific Section Applied Linguistics / Teacher of English, PhD,
University of Library Studies and Information Technologies, Bulgaria, Sofia

In the article, a structured and partly comparative analysis of three content methods (by Helen Doron, Glen Doman Nikolay Zaytsev) was carried out on early foreign language learning, outlining their advantages and disadvantages. The peculiarities of early foreign language learning give reason to assume that the most favorable and intensive period for the expression of the foreign language of the child is the first years of their lives.

Key words: early foreign language learning, teaching methods, structural analysis, psychological-pedagogical peculiarities.

Early language learning is part of the reforms in traditional language training system at a modern stage in order to achieve the objectives of preserving cultural diversity in Europe. It is one of the main directions in the implementation of the European policy on multilingualism. In our country, the introduction of early foreign language learning has long been a question of discussion, today the question is not whether, but how to conduct foreign language learning with the youngest. Early learning of a foreign language facilitates the cognitive development of the child, while learning two languages simultaneously develops the child's cognitive abilities faster, because this expands their social contacts. In addition, learning a foreign language at an early age develops the child's ability to better understand his/her mother tongue, as language learning improves children's memory, thinking and imagination.

Let's analyse three of the more relevant methodologies of early foreign language learning.

1. *Helen Doron's method* [3]. In 1985, the British linguist and educator Doron developed a unique method of English language instruction for children from 3 months to 14 years of age based on the process of learning the native language – first by re-listening, understanding, speaking, encouraging. The method is based on the natural tendency of children to “absorb” the language of conversation from the surrounding environment. Classes offer a fun environment where, through repetition and encouragement, children learn English with the same ease with which they learn their mother tongue. They rely heavily on their visual memory, especially strong in childhood. Babies learn their mother tongue by continuously hearing the same words, sentences, songs, fairy tales and praise from their parents. Doron's method is one of the first English language education systems in the world since 1986. In 1990, the first training center was opened. Today, this method is internationally recognized on four continents and is used in a number of state and private schools. The curriculum covers children from 3 months to 14 years of age and includes both small group training and kindergarten and elementary school classes. Spoken interaction is taught to young children through games, fairy tales, dramas, flash cards, original songs, music CDs to enhance spoken English, pronunciation, and vocabulary. The training of older children includes reading, writing and grammar. “Helen

Doron” Learning Centers have been opened in Sofia since 2006. They offer courses in conversational English for children of different ages, divided into several groups.

Baby's Best Start is for infants *aged 3 months up to 22 months* and parents or grandparents. In *Baby's Best Start*, babies and toddlers learn and experience: over 550 words; fun activities important for infant development; quality time and bonding activities for lifelong love and self-esteem; emotional, cognitive, sensory and physical development activities; 24 new English songs, activities and chants; rhythms and music from around the world; Baby Sign Language!; fun, laughter and learning with other parents and babies. *Baby's Best Start* is designed to stimulate the development of: language skills; self-esteem; emotions (holding, bonding, parental attention, positive feedback); senses remote (hearing, seeing, smelling, tasting, touching) internal (muscles, vestibular system); gross motor coordination; fine motor coordination. The *Baby's Best Start Learning Set* contains: 4 Sunny Story Books teaching senses to babies; 4 Parent Text Books (to follow texts and write what baby liked best during the course); 4 CDs – including songs, rhymes, stories and vocabulary; information leaflets; a carry-case for learning materials and other items you need for class.

Children ages 15 months to 3 years learn spoken English through lots of playful rhymes and 28 original songs with musical styles from around the world. Filled with classroom conversations, fun learning activities and games, this course teaches some fascinating encyclopaedic knowledge, develops fine and gross motor skills as well as early mathematical thinking. In addition, the course offers optional early reading activities.

For young learners ages 2 to 4 years, *It's a Baby Dragon* is a joyful, musical introduction to English. Sam, the prince, Fluffy, the cat and Didi, the dragon playfully introduce very basic English language. Children learn to speak easily and naturally while learning to speak their mother tongue. *It's a Baby Dragon* is appropriate as both a beginner's course for new toddler students or as a follow-up course to children who have completed *Baby's Best Start*. Children learn over 300 words and basic structures of English sentences, they hear different music styles and participate in many activities that develop their cognitive skills, the fine and rough motorics and an interest in language. The training of children ages 4 to 5 includes the adventures of the little Paul Ward, who regularly enters the book with rhyming stories and helps Grenney Fix and Flup to fix the things they have confused in the rhymes. Their adventures are narrated in 12 cartoon programs, through which children learn about 660 words, good pronunciation, and basics of the structure of the English sentence. The course includes 25 specially written songs facilitating the perception of the material; 25 songs and 12 cartoon episodes help children build solid communication skills. The lively conversations in the group, entertaining activities and games make it easier to learn the language.

2. *Method of Glen Doman* [2]. The American physiotherapist Doman is one of the founders of the Institutes for the Achievement of Human Potential, founded in 1955. in Philadelphia. Developing a rehabilitation system for children with brain trauma, he concludes that brain development can be most effectively affected during its active growth – up to 6-7 years of age.

Doman claims that „Up to one year of age is the best period to introduce children to knowledge”. This attempt for stimulation of brain processes he transferred to his work with non-disadvantaged children. Doman's method activates and awakens the brain at an early age and stimulates its growth to its full genetic capacity. The problem with classical pedagogy is that children begin to learn to read, write and believe at the age of 6-7, when the development of the brain is completed (90% of the brain is already formed at that

age). Doman and his followers find that brain development is a dynamic process that can be stopped, slowed, but more often can be accelerated by visual, auditory and tactile stimulation. The basic idea is to help the child develop his / her overall potential. In the 1960s Doman published the results of his many years of research with children with brain damage. He is the author of numerous books that describe the systems of early development of children: "Teach Your Baby English", "How To Teach Your Baby To Read", "How To Teach Your Baby Math", "How To Give Your Baby Encyclopedic Knowledge", "How To Teach Your Baby To Be Physically Superb", "How To Multiply Your Baby's Intelligence", etc.

Using this method, children do not go through the sound-letter analysis, but remember the whole symbols. Over the years, working with children, Dohman finds it necessary to deal with them for 90 seconds a day. How does this work? The baby / child is shown words written in large red letters several times a day. The program starts with display First day of a word 3 times, second day – 2 words 3 times, third day – 3 words 3 times, 4th day – 4 words 3 times, 5th day – 5 words 3 times. Then, replacing an old word with a new one every day. At the top the cards are displayed in a row, then randomly. And each parent can practice at home with their child.

Language learning cards (English, French, Italian, Spanish, Japanese) called by Doman "Dictionary in pictures" are intended for children from 6 months onwards. Each of the 10 discs contains 150 color images (alternating every 1-2 seconds) and large captions to them, spoken by a native speaker. Discs are interchangeable, pictures and captions may be displayed individually or jointly.

There are several basic rules to be followed. The success or failure of the venture depends on them. 1) The child's best teacher is the mother / father with their care and confidence in the child. 2) Parental approach and attitude are very important – learning must be fun, be the best game, adventure, be interesting for both the child and the parent. 3) The smaller the child, the larger the size and outline of the cardboard. 4) The younger the child, the easier it is for them to study. 5) Learning for the child should be a pleasure. 6) The child must be respected and the parent trust him/her. 7) Appropriate learning environment – radio, television, and pets must be out of the room. 8) The session should be very short, in the beginning the activities are frequent and last a few seconds. The session must stop before the child wants to do this. 9) Organization and persistence – the implementation of the program should be regular and cheerful, only then will it bring maximum benefit. 10) Introducing new material frequently, enthusiastically and quickly. Changing the cards should take a few seconds to tell what is written or painted on them. 11) Without testing – kids like to learn, but hate to be assessed. The more the child is assessed, the less the child will want to learn. 12) Do not show the child's knowledge to other people unless the child wants it.

A drawback to the method of Doman is that from an active participant in the training process the child becomes an object. The emotional and cognitive development suffers as it is not possible to develop only one (in this case the visual) component. The little child is burdened with facts but he/she is not taught to think, to use the knowledge they have gained.

3. *Method of Nikolay Aleksandrovich Zaytsev* [1]. The Russian teacher-philologist N.A. Zaytsev in the fifth course of study was sent as a translator in Indonesia. There he taught Russian as a foreign language, which became a starting point in his system of reading and writing. When the child starts talking, he/she does not pronounce the letters separately. Traditional children's learning of words and sounds only hampers speech

psychomotorics. The unit in the construction of the language is neither a letter nor a syllable, but an addition (in Russian – a “sklad” /warehouse/) – a pair composed of a consonant-vowel or consonant and a hard or soft character or a letter. Zaytsev’s tables and cubes are based on the game – a natural activity for the child. The method is aimed at children over 4 years of age, adapted by the expert Elena Danilova in early childhood development for children over 1 year, but there are also options for less than 1 year. During the game the child immediately remembers the “warehouse”, the combination of letters, he/she does not stumble and quickly remembers the reading.

Zaytsev's Early Foreign Language Learning Method is based on the following:

- 1) absence of coercion – children learn during a game, they do not even suspect that they have a learning process, they do not even have to repeat the word after the teacher, everything is voluntary;
- 2) reading by “warehouse” – the children are not taught letters, but read the supplements that are recorded in tables and on the walls of the cubes;
- 3) begins with “writing” – children show in the table the necessary warehouses or find the cubes to compose the word; turn the sounds into signs (this is writing); the purpose is to show the word, not to explain how the individual letters merge into syllables, then into words;
- 4) Combining multiple receptive organs – triggering hearing, vision, and feeling.

Zaytsev Cubes includes 52 cubes (7 of which are repeated), which are divided into large and small (with hard or soft syllables), single and double (glued to each other cubes with consonants that combine), metal and wooden (with sound syllables or mute syllables). The cubes are different in color (the white cube is for punctuation, the golden cubes are vowel) and the letters on them (the vowels are sky blue, the consonants are blue, the hard and soft characters are green). The golden cubes are ringing, the iron ones are thundering, and the wooden ones thump. Sounds help children feel the difference between vowels and consonants, jingly and soft.

The drawbacks of the method are as follows: Children often “swallow” the endings and cannot understand the composition of the word because they are accustomed to remembering the words by syllables; the children will have to go through the first grade to restudy the material with the phonetic breakdown of the words.

Although different in their structure, all three of these methods show common features that characterize the following psychological and pedagogical features of foreign language learning for children at an early age: sensitivity to language learning, receptive acquisition, creative knowledge, development of language skills, significance of emotional phenomena, visual representation of the language material, using non-verbal means of communication, novelty of the material and ways of its presentation in order to generate and retain interest, simplicity of language, etc.). Early foreign language teaching must meet the needs of childhood and allow children to set their pace, to use their imagination and creativity. This works to support the deep, inborn natural attitude, faith and trust of the child and his/her attitude to the world.

References

1. Зайцев, Н.А. Письмо. Чтение. Счет. // URL: www.umnyedetki.ru/metodiki/zajcev.html (дата обращения: 20.01.2018).
2. Doman, G. Teach Your Baby English // URL: www.gentlerevolution.com/ (дата обращения: 20.01.2018).
3. Scheffler, P. Introducing very young children to English as a foreign language // International Journal of Applied Linguistics. 2015. 25 (1): 1–22.

DIE BEREICHERUNG DES DEUTSCHEN WORTSCHATZES DURCH WORTBILDUNG

Mamatov R.R.

Der Lehrer des Lehrstuhls «des Usbekischen, der Pädagogik und der Psychologie»,
die Landwirtschaft für die Andijaner Hochschule, Usbekistan, Andijan

Die Zusammensetzung, d.h. die Bildung neuer Wörter durch das aneinanderdrücken der Stamme, ist in den indoeuropäischen Sprachen eine der produktiven Arten der Wortbildung.

Die Stichwörter: Attributive Zusammensetzungen, Kopulative Zusammensetzungen, Zusammenrückung, Zusammenbildung.

Der Hauptweg der Bereicherung des deutschen Wortschatzes ist die Wortbildung, d.h. die Bildung neuer Wörter nach den für diese Sprache charakteristischen wortbildenden Modellen. Für die deutsche Sprache sind folgende Arten der Wortbildung charakteristisch: Zusammensetzung, Ableitung, Übergang in eine neue Wortart (aus einer grammatischen Kategorie in eine andere), Kürzung.

Zusammensetzung

Die Zusammensetzung, d.h. die Bildung neuer Wörter durch das aneinanderdrücken der Stamme, ist in den indoeuropäischen Sprachen eine der produktiven Arten der Wortbildung.

Die deutsche Sprache ist besonders reich an Zusammensetzungen: *Redeteil, Schlafzimmer, Dampfschiff, stattfinden*.

Die Zusammensetzung ist eine wortbildende Erscheinung, da sie in erster Linie zur Entstehung einer neuen lexikalischen Einheit führt, deren Bedeutung oft der Summe der Bedeutungen ihrer Komponenten nicht entspricht, z. B. *der Dickbauch*, ein dicker Menschen und nicht der "dicke Bauch". Das zusammengesetzte Wort als eine lexikalische Einheit unter – scheidet sich durch seine strukturelle Ganzheit nicht nur von der freien syntaktischen, sondern auch von der lexikalischen, festen Wortverbindungen, die auch eine einheitlichen Begriff ausdrückt. Die Komponenten des zusammengesetzten Wortes sind so eng verschmolzen, dass sie als selbständige Einheit aufgefasst werden. Es gibt verschiedene Prinzipien, nach denen die zusammengesetzten Wörter klassifiziert werden. Die zusammengesetzten Wörter können einer beliebigen Wortart angehören. Die Zugehörigkeit der Zusammensetzung zu einer bestimmten Wortart hängt in der Regel vom zweiten Element ab, das die grammatische Charakteristik des ganzen Kompositums darstellt. Als erstes Element kann eine beliebige Wortart auftreten. Das zusammengesetzte Substantiv kann, z.B. folgende morphologische Struktur haben:

Sub. + Sub. - Silbermütze, Hofhund; *Adj. + Sub.* - Schwarzbrot, Graukopf; *Verbalstamm + Sub.* - Schreibtisch; *Zahlwort + Sub.* - Dreieck, Zweikampf; *Pronomen + Sub.* - Ich form, Selbstgespräch; *Adv. + Sub.* - Zusammenkunft, Vorausrufe; *Präposition + Sub.* - Fürwort, Umwelt.

Das zusammengesetzte Adjektiv besteht aus: Adj. + Adj. - dunkelrot, hellblau;

Sub. + Adj. - blutrot; *Verbalstamm + Adj.* - merkwürdig; *Zahlwort + Adj.* - zweigliedrig; *Pronomen + Adj.* - selbstgefällig; *Präposition + Adj.* - überglücklich;

Das zusammengesetzte Verb besteht aus: Verb + Verb - stehenbleiben, kennenlernen, S. + V. - teilnehmen, stattfinden; Adj. + V. - freisprechen, stillstehen; Zahlw. + V. - vierteilen; Adv. + V. - weitergehen, fortfahren;

Es gibt noch eine Klassifikation der zusammengesetzten Wörter unabhängig von der Angehörigkeit des entsprechenden Wortes zu einer bestimmten Wortart; das ist die semantisch – syntaktische Klassifikation. Wollen wir diese traditionelle Klassifikation analysieren. Vom semantisch – syntaktischen Standpunkt aus unterscheiden wir vier Arten von Zusammensetzungen:

1. Attributive Zusammensetzungen (Bestimmungszusammensetzungen)

Diese Art der Zusammensetzung ist durch die attributive Verbindung der Komponenten charakterisiert – die erste Komponente bestimmt die zweite Attr. Zusammensetzungen können sowohl Substantive als auch Adjektive sein:

Schwarzbrot, Tischlampe, Tageslicht, Sonnenstrahl, dunkelrot.

2. Kopulative Zusammensetzungen, bei denen zwischen den Komponenten syntaktische Gleichberechtigung herrscht. Auf Grund dieser syntaktisch gleich – berechtigten beordnende Verbindung entwickelt sich ein einheitlicher Komplex wie *Strichpunkt*, *taubstumm*, *dreizehn*, *zweiundzwanzig* u. a.

3. Zusammenrückungen. Eine lockere Verbindung zweier und mehrerer Elemente, manchmal sogar eines ganzen Satzes, dessen Teile im Prozesse des Redens leicht zusammenrücken. Die Komponenten der Zusammenrückung behalten ihre lexikalische Selbständigkeit und sind leicht zu begreifen, obwohl der ganze Komplex manchmal umgedeutet wird: *Vergissmeinnicht*, *infolge*, *stehenbleiben*. Die Zusammensetzungen können verschiedene Wortarten angehören.

4. Zusammenbildung. Sie entstehen als Resultat zweier Prozesse der Zusammensetzung und der Ableitung, denn jede Zusammenbildung wird durch ein Suffix zu einem Wort verbunden. z.B.: *blauäugig*, *Frühaufsteher*. Als Zusammenbildungen treten Substantive und Adjektive auf. M. D. Stepanowa unterwirft die traditionelle Klassifikation der zusammengesetzten Wörter einer scharfen Kritik. Sie behauptet, dass dieser Klassifikation kein einheitliches Prinzip zugrunde liegt und schlägt ihre eigene Klassifikation vor, u. z. nach dem morphologischen Prinzip in verschiedene Wortarten eingeteilt: in zusammengesetzte Substantive, Adjektive u. s. w.

Nach dem wir die Klassifikation der Zusammensetzungen im allgemeinen betrachtet haben, gehen wir zur ausführlichen Analyse jeder der Abarten über.

5. Attributive Zusammensetzungen. Diese Zusammensetzungen bestehen aus zwei Komponenten, wobei die erste die zweite bestimmt, konkretisiert und das Bestimmungswort genannt wird; den zweiten Bestandteil nennt man Grundwort. Das Grundwort bezeichnet die grammatische Qualität der Zusammensetzung, nämlich die Angehörigkeit zur bestimmten Wortart: z.B. *die Wandzeitung*, *hellblau*; das grammatische Geschlecht und die Zahl: *der Arbeitsplan*, *die Planarbeit*, *die Sommerferien* u. a. Die Hauptbetonung fällt auf das Bestimmungswort. die Nebenbetonung aber auf das Grundwort: Die Betonung kann zuweilen als Mittel der semantischen Differenzierung dienen, z.B.: "blutarm" – "arm wie an Blut", aber "blutarm" – "sehr arm".

Die Entwicklung der Flexion bewirkt die Entstehung der attributiven Zusammensetzung, in dem der erste Teil eine flektierte Form hat: z.B.: *Tageslicht*, *Sonnenschein* u.a.

Es ist offensichtlich, dass Bahuvrihi eine Art der Metonymie sind, u. z. der metonymischen Übertragung vom Teil auf das Ganze, von dem charakteristischen Merkmal des Lebewesens auf das Lebewesen selbst, z.B.: *Trotzkopf*, *Blaustrumpf Schreihals*, *Dummkopf*.

Literaturverzeichnis

1. Зиндер Л. Р., Строева Т.В. Современный немецкий язык. М., 1957.
2. Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии. М., 1957.
3. Stepanova M. D. Sernyseva I.I «Lexikologie der deutschen Sprache». Moskau, 1975.

DIE BESONDERHEIT DES DEUTSCHEN WORTES IM DEUTSCHEN

Mamatov R.R.

Der Lehrer des Lehrstuhls «des Usbekischen, der Pädagogik und der Psychologie»,
die Landwirtschaft für die Andijaner Hochschule, Usbekistan, Andijan

Die Wörter verschiedener Sprachen weisen ähnliche Züge auf, aber eine für alle Sprachen gültige Wortdefinition zu schaffen erweist sich vorläufig als praktisch unmöglich. Der Mensch nimmt die Wirklichkeit mit Hilfe seiner Sinnesorganes wahr: dank seiner praktischen Tätigkeit entstehen im Bewusstsein des Menschen Begriffe von den Gegenständen und Erscheinungen der objektiven Wirklichkeit.

Die Stichwörter: Phonetische Besonderheiten des Wortes; die Betonung, die Hauptbetonung, die Nebenbetonung, die Konsonanten, die Vokale.

Das Wort ist die Haupteinheit des lexikalischen Systeme der Sprache, es ist gleichzeitig eine sehr einfache und höchst komplizierte Erscheinung. Einerseits kann einige (jeder Mensch, ja sogar ein Kind) Wörter voneinander abgrenzen, also bestimmen, andererseits, ist es sehr schwierig, den Begriff "Wort" wissenschaftlich exakt zu definieren.

Die Wörter verschiedener Sprachen weisen ähnliche Züge auf, aber eine für alle Sprachen gültige Wortdefinition zu schaffen erweist sich vorläufig als praktisch unmöglich. Der Mensch nimmt die Wirklichkeit mit Hilfe seiner Sinnesorganes wahr: dank seiner praktischen Tätigkeit entstehen im Bewusstsein des Menschen Begriffe von den Gegenständen und Erscheinungen der objektiven Wirklichkeit. Der Begriff ist der Gedanke von Gegenständen. Das Wort ist also die sprachliche Umhüllung des Begriffs. Der Begriff existiert im Wort als seine Bedeutung. Die Bedeutung ist der Inhalt des Wortes. Es muss aber betont werden, dass er Begriff und das Wort verschiedene Kategorien sind. Der Begriff ist eine logische Kategorie, die sich nach ihren eigenen Gesetzen entwickelt, das Wort aber ist eine sprachliche Kategorie und unterliegt den Gesetzen der Sprache.

Die materielle Hülle des Wortes kann phonetisch und morphologisch gegliedert werden: sie zerfällt in Laut und Morpheme, gerade die phonetische und morphologische Ausgestaltung des Wortes bestimmt seine Besonderheit in jeder Sprache.

Phonetische Ausgestaltung des deutschen Wortes.

Das Wort in der modernen deutschen Sprache hat folgende phonetische Merkmale:

1. Es besitzt eine morphologisch gebundene Betonung. Gewöhnlich ist sie an die erste Wurzelsilbe gebunden. Typisch für das deutsche Wort sind verschiedene Grader der Wortbetonung, Hauptbetonung, starke und schwache Nebenbetonung in einem Wort: "heilbar", "Freundschaft".

2. Die Konsonanten im Wortauslaut werden stimmlos ausgesprochen Rad (ra:t).

3. Die Laute (x) (y) (c) stehen niemals in Wortanlaut. Ausnahme: Lehnwörter, wie *Chinese*, *Chemie*, *Charkow*.

4. Die deutschen Wurzelwörter sind meist ein – oder zweisilbig.

Morphologische Struktur des Wortes.

Die moderne deutsche Sprache besitzt lexikalische (Wurzel und Derivationsmor-

pHEME) und grammatische Morpheme, die bestimmten Beziehungen zueinander stehen. Das Wurzelmorphem mit dem Derivationsmorphem bilden den lexikalischen Stamm des Wortes: (Lehr – er, täglich). Bedeutung des Wortes. Der materielle Lautkörper des Wortes ist von seiner Bedeutung nicht zu trennen. Die Bedeutung stellt ein kompliziertes Beziehungssystem dar, da sie aus drei Funktionen des sprachlichen Zeichens zusammengesetzt wird: aus der semantischen, syntaktischen und pragmatischen. Die Eigenart des Wortes zeigt, dass das Wort eine komplizierte und vielseitige Erscheinung ist. Bei der Definition des Wortes müssen seine lautlichen morphologischen Besonderheiten, seine lexikalische, stilistische und grammatische Bedeutung berücksichtigt werden.

Die Sprachwissenschaft schlägt unter Berücksichtigung aller dieser Momente folgende Arbeitsdefinition des Wortes vor:

Das Wort ist eine historisch heraus gebildete Einheit einer Bedeutung und einer materiellen Hülle, die nach den phonetischen und morphologischen Normen der betreffenden Sprache geformt ist.

Die Komponenten des zusammengesetzten Wortes sind so eng verschmolzen, dass sie als selbständige Einheit aufgefasst werden. Es gibt verschiedene Prinzipien, nach denen die zusammengesetzten Wörter klassifiziert werden. Die zusammengesetzten Wörter können einer beliebigen Wortart angehören. Die Zugehörigkeit der Zusammensetzung zu einer bestimmten Wortart hängt in der Regel vom zweiten Element ab, das die grammatische Charakteristik des ganzen Kompositums darstellt. Als erstes Element kann eine beliebige Wortart auftreten.

Literaturverzeichnis

1. Зиндер Л. Р., Строева Т.В. Современный немецкий язык. М., 1957.
2. Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии. М., 1957.

DIE LEXIKOLOGIE ALS BEREICH DER SPRACHWISSENSCHAFT UND ALS LEHRFACH

Mamatov R.R.

Der Lehrer des Lehrstuhls «des Usbekischen, der Pädagogik und der Psychologie»,
die Landwirtschaft für die Andijaner Hochschule, Usbekistan, Andijan

Als der Weg der Bereicherung des deutschen Wortschatzes gilt die Wortentlehnung aus anderen Sprachen. Die Analyse der modernen deutschen Sprache zeigt, dass ihr Wortbestand seiner Herkunft nach ungleichartig ist.

Die Stichwörter: die Entlehnung, das Fremdwort, die Lehnbildung, die Lehnprägung, das Lehnwort, der Purismus.

Der dritte Weg der Bereicherung des deutschen Wortschatzes ist Bedeutungswandel, d.h. die Veränderung der Bedeutung schon existierten Wörter. Eben darin liegt die Hauptbesonderheit der Semantik im Vergleich zu den ersten zwei Wegen (Wortbildung, Entlehnung).

Die Semasiologie (Semantik) ist ein Zweig der Lexikologie, der die Bedeutung des Wortes und deren Wandlung erforscht. Der Terminus *Semantik* ist griechischer Herkunft: Semantik – eigentlich "der Bezeichnende", "der Bedeutende". Die Semantik des Wortes ist als die Bedeutung des Wortes. Jedes Wort besitzt eine oder mehrere Bedeu-

tungen. Es muss betont werden, dass die meisten deutschen Wörter mehrere Bedeutungen haben, d.h. mehrdeutig sind. z. B. das Wort *Flügel* hat viele Bedeutungen:

- a) *der Flügel* des Vogels;
- b) *der Flügel des Gebäudes*;
- c) *der Flügel* des Fensters, der Tür des Tores.

Die ursprüngliche Bedeutung dieses Wortes ist "Flügel des Vogels", die anderen jedoch sind infolge der Veränderung dieser Bedeutung entstanden.

Die Bedeutung des Wortes lässt sich nicht als etwas Konstantes, Beständiges, als etwas für alle Zeiten und in allen Fällen Stabiles betrachten. Die Bedeutung des Wortes kann ändern: das geschieht oft gleichzeitig mit der Veränderung der Gegenstände und Erscheinungen der Wirklichkeit. Diese Tatsache wurde von Gelehrten bemerkt, und viele Linguisten beschäftigen sich mit dem außerordentlich wichtigen Problem des Bedeutungswandels. Außer den äußern Ursachen des Bedeutungswandels wie Entwicklung des gesellschaftlichen Lebens, Veränderungen der Gegenstände usw. ist aber auch die große Rolle verschiedener sprachlicher Prozesse und Erscheinungen viel zu übersehen. In dieser Hinsicht sind hier folgende innere sprachliche Ursachen des Bedeutungswandels zu erwähnen.

- a) Einfluss der Form Veränderung auf den Bedeutungswandel des Wortes;
- b) Abhängigkeit des Bedeutungswandels von der Veränderung der grammatischen Funktion und manchmal zugleich auch der lautlichen Form des Wortes.

Übertragung der Namensbezeichnung.

Es gibt folgende Arten des Bedeutungswandels:

- 1) Übertragung der Namensbezeichnung, metaphorische und metonymische, die zum Bedeutungswandel des Wortes führen;
- 2) Bedeutungserweiterung – und Verengerung des Wortes;
- 3) Wertsteigerung und Wertminderung der Bedeutung;
- 4) Übertreibung und Abschwächung der Wortbedeutung (Hyperbell und Litotes);
- 5) euphemistische Veränderungen der Bedeutung (Euphemismen).

Es muss betont werden, dass der Bedeutungswandel nicht nur in einzelnen Wörtern, sondern auch in Wortverbindungen und sogar in Sätzen stattfinden.

einen Korb geben – übertragene Bedeutung.

Als Hauptart des Bedeutungswandels gilt die Übertragung der Namensbezeichnung (der Benennung des Gegenstandes) von einem Gegenstand auf einen anderen, von einer Erscheinung auf eine andere.

Es gibt zwei Arten der Übertragung:

- auf Grund der Ähnlichkeit – metaphorische Übertragung;
- auf Grund des logischen Verhältnisses – metonymische Übertragung. Die Übertragung der Namensbezeichnung auf Grund der Ähnlichkeit zwischen den Gegenständen oder Erscheinungen, die miteinander verglichen werden, nennen wir metaphorische Übertragung; das Wort selbst mit der neuen metaphorisch übertragenen Bedeutung ist die Metapher; Das Wort Metapher stammt aus dem Griechischen: *meta* – Lieber; *phere* – trage, eigentlich "Übertragung". Die ursprüngliche Bedeutung des Wortes heißt die eigentliche, direkte Bedeutung oder die Grundbedeutung.

Es gibt zwei Arten der Metapher:

- a) die poetische (stilistische) Metapher;
- b) die lexikalische Metapher.

Die poetische Metapher ist viel ausdrucksvoller, bildhafter als die lexikalische. Sie fällt gleich auf, wird leicht empfunden: *die Flamme der Liebe*; *der Busen der Nairn* usw.

Die poetische Metapher schafft keine neue Bedeutungen der Wörter. Sie dient nur stilistischen Zwecken, hilft dem Autor, verschiedene Schattierungen der Gedanken und der Gefühle feiner, genauer, bildlicher auszudrücken und seine Gedanken vielgestaltig wiederzugeben. Die poetische Metapher wird von der Stilistik behandelt. Die Lexikologie aber beschäftigt sich mit der lexikalischen Metapher, denn eben durch diese Metapher kann das Wort eine neue Bedeutung bekommen und dadurch den Wortbestand der Sprache bereichern, z.B. das Wort *Flügel* als Bezeichnung des Flugzeuges, eines Gebäudes, einer Armee, eines Tores ist eine lexikalische Metapher.

Als der Weg der Bereicherung des deutschen Wortschatzes gilt die Wortentlehnung aus anderen Sprachen. Die Analyse der modernen deutschen Sprache zeigt, dass ihr Wortbestand seiner Herkunft nach ungleichartig ist. Neben dem einheimischen Wortgut lassen sich im Deutschen fremde lexikalische Elemente außerdem. Diese Erscheinung ist gesetzmässig und lässt sich historisch erklären.

Literaturverzeichnis

1. Зиндер Л. Р., Строева Т.В. Современный немецкий язык. М., 1957.
2. Щерба Л. В. «Опыт общей теории лексикографии». М., 1957.
3. Stepanova M. D. Sernyseva I.I. Lexikologie der deutschen Sprache. Moskau, 1975.

ZUR ENTWICKLUNG LEXIKOLOGIE ALS WISSENSCHAFT

Mamatov R.R., Rasulova F.K.

Die Lehrer des Lehrstuhls «des Usbekischen, der Pädagogik und der Psychologie»,
die Landwirtschaft für die Andijaner Hochschule, Usbekistan, Andijan

Abdurbokieva X.O., Xasanov N.D.

die Studenten für Agronomie, die Landwirtschaft für die Andijaner Hochschule,
Usbekistan, Andijan

Viele Gelehrten haben an der Lexikologie gearbeitet. Die Lexikologie ist ein Bereich der Wissenschaft der Sprachen, der sich mit der Erforschung des Wortschatzes befasst. Die Lexikologie als Lehre vom Wortschatz einer Sprache untersucht den Wortschatz als System.

Die Stichwörter: Lexikologie, lexikalisch-semantic System, die Struktur des Wortschatzes, Stratifikation.

Die Lexikologie ist ein Bereich der Sprachwissenschaft, der sich mit der Erforschung des Wortschatzes befasst. Die Lexikologie als Lehre vom Wortschatz einer Sprache untersucht den Wortschatz als System. In diesem Fall handelt es sich um das lexikalisch-semantic System, das ein Teilsystem oder Subsystem der Sprache bildet. Als zentrale Bereiche der lexikologischen Forschung sind zu nennen:

- das Wort als eine grundlegende Nominative Spracheinheit im lexikalisch-semantic System, seine strukturellen Wesensmerkmale und seine Bedeutung,
- die Struktur des Wortschatzes als System und die Beziehungen zwischen seinen Elementen,
- die Stratifikation bzw. Schichtung des Wortschatzes aus der linguistischen und funktionalen Schicht,
- kommunikativ begründete Veränderungen des Wortschatzes. Die Quellen der Wortschatzerweiterung.

Die methodologische Grundlage der Lexikologie bildet die Betrachtung der Sprache als eine gesellschaftliche Erscheinung und das konkret – geschichtliche Herangehen an die Analyse der Existenzformen und des Funktionierens der Sprache. Die Lexikologie gehört zu den relativ jungen Bereichen der Theorie der deutschen wie auch anderer Sprachen. Obwohl sich die Lexikologie erst Mitte unseres Jahrhunderts als selbständiger Wissenschaftszweig herausgebildet hat, gingen ihr jedoch viele wichtige Untersuchungen voraus, die ihren Werdegang bestimmten. Die diachrone Sprachbetrachtung, die die ersten Perioden der deutschen Sprachwissenschaft kennzeichnete, erweckte das besondere Interesse für die Entwicklungsgeschichte des Wortbestandes. So wurde die Wortbildung als einer der wichtigsten Wege zur Bereicherung des Wortschatzes eingehend untersucht; bereits J. Grim, den H. Paul mit Recht als deren "eigentlichen Schöpfer" nennt, später H. Paul selbst und auch andere bekannte Vertreter der junggrammatischen Richtung lenkten auf die Wortbildung ihr besonderes Augenmerk. Die dem Wortschatz eigenen semantischen Gesetzmäßigkeiten wurden ebenfalls untersucht, und zwar primär aus der Sicht seiner Entwicklung, wobei das klassische Werk von H. Paul "Prinzipien der Sprachgeschichte" auf die weitem Untersuchungen einen entscheidenden Einfluss ausgeübt hat. Auch spätere Arbeiten betrachteten die Semasiologie als "Bedeutungslehre" meist im prozessualen Aspekt. Vom Standpunkt der Entwicklungsgeschichte des deutschen Wortschatzes wurde auch die Entlehnung untersucht: Die territoriale und sozial – berufliche Differenzierung des Wortbestandes erweckte ebenfalls schon um die Jahrhundertwende das Interesse der Sprachforscher. Am wenigsten wurden Probleme der Phraseologie untersucht: Die festen Wortverbindungen wurden entweder vom Standpunkt der "Isolierungstheorie" den Zusammensetzungen gleichgestellt oder in der Syntax als Abarten der Wortfügungen betrachtet. Das Werk von F. Seiler über die Idiomatik des Deutschen blieb im Laufe eines halben Jahrhunderts die einzige bedeutende Arbeit zu diesem Problem. Was die Theorie des Wortbestandes von verschiedenen Gesichtspunkten aus betrifft, so muss die Rolle der klassischen meist etymologisch ausgerichteten Wörterbücher erwähnt werden, die aber teilweise auch als erklärend zu betrachten sind. So wurde die Entstehung eines speziellen, der Beschreibung und der Analyse des Wortschatzes gewidmeten Bereiches der deutschen Sprachwissenschaft allmählich durch mehrere grundlegende Arbeiten im 19. und Anfang des Jahrhunderts vorbereitet. Als eines der ersten Werke, das mehrere lexikologische Aspekte zusammenfasst, ist die "Etymologie der neuhochdeutschen Sprache" von H. Hirt zu nennen. Der Verfasser gibt eine ausführliche etymologische Beschreibung des deutschen Wortschatzes und seiner Bereicherung. Im ersten Viertel des 20. Jahrhunderts erscheint eine Art Lehrbuch der Lexikologie von E. Wilke, das verschiedene Aspekte der Behandlung des deutschen Wortbestandes umfasst, das Buch hat aber keinen theoretischen Wert und spiegelt außerdem die chauvinistischen Tendenzen des Purismus in der deutschen Sprache nach dem ersten Weltkrieg wieder. Positiv zu werten waren die Arbeiten, die seit Ende der 50er Jahre zu erscheinen begannen und den Problemen des deutschen Wortschatzes und im besondern dessen semantischen Charakteristika gewidmet waren. Darunter waren z.B. Bücher, die praktische Ziele des Sprachunterrichts verfolgten, aber auch in diesen Werken waren die Verfasser bemüht, die neuen Ergebnisse der Linguistik zu nutzen. Was die deutsche Sprache betrifft, so sind die Arbeiten folgender Verfasser zu nennen: L. Salesky, L. R. Zinder und T. W. Strojewa, K. A. Lewkowskaja, M.D. Stepanova. In den letzten Jahren werden – sowohl in der allgemeinen Sprachwissenschaft als auch in einzelnen Sprachen – lexikologische Probleme immer intensiver untersucht. Folgende Grundprobleme rücken in den Vordergrund: Probleme der sprachlichen Nomination, das Wort, seine Bedeutung und seine Beziehung zu dem von ihm bezeichneten Begriff; verschiedene Aspekte der Zeichentheorie; die semantischen Geset-

massigkeit innerhalb des Sprachsystems; die Wege der Wortschatzentwicklung die Wortbildung als einer dieser Wege und als Lehre von der Wortstruktur; die lexikalischen Entlehnungen als kommunikativpragmatisches Phänomen; das phraseologische System und seine Stellung im Satzbau; soziolinguistische Aspekte der Stratifikation des Wortbestandes. Dabei unterscheidet sich die theoretische Grundlage der heutigen lexikologischen Forschung grundsätzlich von der "klassischen" Wortlehre.

In einem 1971 erschienenen Werk versucht L. Weisgerber seine Grundideen zu entwickeln, indem er gegen "den naiven Realismus" auftritt, der in "der Sprache nur Benennungen Ursachen sieht: Abgesehen davon, dass diese Aussage sich auf keine wissenschaftliche Sprachtheorie stützen kann, muss betont werden, dass sich die methodologische Grundlage von Weisgerbers Anschauungen nicht geändert hat. Was einige neuere praktische Hinweise zur konkreten Sprachanalyse betreffen, so werden sie in den entsprechenden Abschnitten erörtert.

In den letzten Jahren ist die Einseitigkeit der rein formalen Sprachbetrachtung, die in den Werken einiger Forscherkollektive vorherrschte, in der gegenwärtigen Sprachlehre im allgemeinen überwunden. Das Wort wird als strukturelle und semantische Einheit betrachtet: Es entwickeln sich semantische Theorien in ihrer Verbindung mit den objektiven Methoden der Analyse des lexikalisch-semantischen Systems. Besondere Aufmerksamkeit wird dem funktionalen – kommunikativen, pragmatischen und soziolinguistischen Aspekt des Wortschatzes geschenkt. In diesem Zusammenhang sollten folgende Linguisten erwähnt werden, deren Arbeiten lexikologischen Problemen gelten: R. Grosse als Erforscher der dialektalen und sozialen Differenzierung der Lexik, W. Fleischer, dessen Werken verschiedene Aspekte der Lexikologie umfasst, W. Schmidt, Th. Schippan, E. Agricola, als Verfasser der semantischen Arbeiten. W. Schmidt ist auch besonders zu erwähnen im Zusammenhang mit seinen Arbeiten auf dem Gebiet der funktional kommunikativen Sprachbeschreibung.

Literaturverzeichnis

1. Зиндер Л.Р., Строева Т.В. Современный немецкий язык. М., 1957.
2. Stepanova M.D. Sernyseva I.I. «Lexikologie der deutschen Sprache». Moskau, 1975.

ПЕРСОНАЖИ РУССКИХ КОЛЫБЕЛЬНЫХ ПЕСЕН В ХРИСТИАНСКОЙ НАРОДНОЙ ТРАДИЦИИ

Бекоев В.И.

профессор кафедры русской и зарубежной литературы, д-р филол. наук, доцент,
Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова,
Россия, г. Владикавказ

Сагаева З.Х.

студентка второго курса магистратуры факультета русской филологии,
Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова,
Россия, г. Владикавказ

В статье рассматриваются происхождение и значение народной колыбельной песни. Определяются место и роль персонажей христианской традиции. Также раскрывается ценность охранительных заговоров и защитных оберегов.

Ключевые слова: колыбельная песня, оберег, заговор, обряд, младенец, Божественные персонажи.

Общеизвестно, что матери и бабушки поют колыбельные песни младенцам. Эта практика известна во всем мире, и мы это воспринимаем как должное. Считалось, что с помощью этих песен младенец познает окружающий его мир. Первые колыбельные не просто рассказывали малышу о мире, в который он попал, они были предназначены и для того, чтобы «выстроить» ребенку счастливое будущее.

С первых дней жизни ребёнка сопровождала материнская колыбельная, которая, по поверьям обладала магическими свойствами, несла функцию своеобразного оберега. Многие века они пелись всем малышам независимо от знатности или богатства родителей. Бедные крестьяне не могли себе позволить много времени проводить с ребенком, но те редкие минуты общения с малышом, когда мать укачивала его, использовались ею в полной мере. В связи с этим обстоятельством колыбельные приобретали весьма важное и судьбоносное значение.

Чтобы малыш быстрее уснул, придумали специальную кровать – зыбку. Под влиянием обрядовых песен, в колыбельных появляются описания идеальной колыбели, у нее: «рог золотой», «подушечка перинка», «одеяльце соболье». Колыбель для младенца в доме занимала особое светлое место, и традиционно обставлялась множеством таинств [1, с. 47].

Прежде чем впервые положить новорожденного в колыбель совершались обряды, которым надлежало защитить его от «дурных» глаз. Например, ножницы, топор, иголки – считались оберегами от порчи, а огонь и все производные от него – защитным средством.

Для того чтобы защитить ребенка от «нечистой силы» проделывались разные хитрости. К примеру, в течение дня нужно было натянуть нитки, выткать из них холст, в который должны были принять младенца. Соломенный матрасик или толстый слой соломы, положенный на дно колыбели, служил ему постелью. Младенца клали в зыбку обычно через пару дней после рождения. Над колыбелью совершались различные таинства – окропляли святой водой с молитвой. Нож и чеснок должны были защитить его от нечистой силы, их клали под матрац. Чтобы защитить младенца от яркого света и насекомых, над колыбелью установили полог из темного ситца [3, с. 116].

Существует несколько групп основных тем колыбельных: к первой можно отнести песни, где рассказывается о самом младенце, его сон, игры и тому подобное. Следующая группа песен связана с чувствами и мыслями матери. Часто, напевая колыбельную, мать импровизировала и таким образом рассказывала ребёнку о прошедшем дне, о случившихся событиях. Основной акцент падает на эмоциональность и искренность материнских чувств. Последняя группа песен является повествовательной, которая знакомит маленьких слушателей с животными и их приключениями. Колыбельные существовали на протяжении всей истории человечества, и некоторые из них мы исполняем по сей день.

Есть точки зрения, что колыбельные присутствовали и в жизни первобытных людей. Творцами и носителями колыбельных песен, как правило, являются женщины – матери, бабушки, няньки – пестуни, укачивающие ребенка сидя у колыбели или баюкая на руках. Усыплять ребенка считалось настоящим искусством. «Колыбать, колебать, качать, зыбать» – именно к таким глаголам восходят славянские названия колыбельных песен. Колыбельные песни также назывались «байками», от байкать, убаюкивать. Древнее значение этого слова – «шептать, заговаривать». Колыбельные песни произошли из охранительных заговоров, которые вхо-

дили в обряд «первого укладывания ребенка в колыбель», так считают в частности этнографы [1, с. 89].

Колыбельные должны были защитить младенца от бессонницы, болезней, действий враждебных сил. Они осмысливались как знахарский текст, цель которого поправить здоровье ребенку и сберечь от чужого негативного воздействия. При этом необходимо подчеркнуть, что и в колыбельных песнях, и в заговорной поэзии особый тип исполнения, схожая структура, магические элементы.

В старину ребёнка в первый раз в колыбель клали с особой молитвой: «Молитва, дитя в колыбель класти», которая была внесена в старинные Требники [1, с.56]. Внутри колыбели размещали маленькие иконки или кресты. Колыбель тщательно готовили – окропляли святой водой с молитвой: «Господи благослови. Дай Бог святой час. Пошли господи ангела Святого хранитель» [2, с. 90].

В данном случае мы видим, что в колыбельных мотив призыва данных успокоителей не случаен. Ярче всего защитная функция проявляется там, где призывают Божественных персонажей. Как правило, такими являются: Бог, Христос, Богоматерь, Ангелы, архангелы и др. Их призывают сохранять здоровье и благополучие ребенка.

Персонажем, изгоняющим бессонницу, выступает Богородица. Богородица (Богоматерь, Матерь Божия, Дева Мария) – главный, особо почитаемый священный персонаж русских колыбельных. Причин такому явлению много, достаточно сказать, что у Богородицы особая роль в крестьянском пантеоне святых. Милосердная и отзывчивая, защитница от бед и страданий, заступница, отзывчивая к любому несчастью и облегчающая боль. В народных молитвах, заговорах и заклинаниях обращаются именно к ней. Богородица является не только покровительницей рожениц, но и заступницей детей на этом и том свете, поэтому имеет особое значение в контексте рождения младенца [4, с. 68].

«Богородица Мария, уложи дитя скорее на всю темную ночь, на весь белый день» [3, с. 117-118].

В данном случае мы видим, что заботы о младенце поручали выполнять Богородице.

Охранительная функция также осуществлялась призывом Ангела. Ангел – Божий посланник, посредник между людьми и небом. Общеизвестным фактом в традиционной культуре является сравнения ребенка с Ангелом. Согласно преданиям, пока у грудного младенца не зарастет темя, он общается с Ангелом. Когда это случается, он все забывает и начинает говорить с людьми.

Распространённым является точка зрения, что Ангел присутствует при рождении ребенка и именно он приносит его душу. В день первых именин на окошко ставят Ангелу воду. Если ребенок умирает, то «... до семилетнего возраста пойдет непременно в рай, а младенец двух или трех лет может даже поступить в Ангелы» [4, с. 28].

Ангелы имеют свой язык общения, в частности известно «общение» младенца с ангелом. Считается, что если ребенок во сне улыбается, смеется, то с ним ангелы беседуют, если плачет – думают, что ребенок во сне видит буку.

Мать активно подключает их к уходу за ребенком. Она поручает заботу о младенце Ангелам и Архангелам: «С неба ангелы летите, сон Ванюше принесите» [3, с. 91]. В христианских представлениях Архангел является старшим ангелом.

Святые христианского пантеона призваны оберегать ребенка. Именно с образами христианского мира связывается появление ребенка на свет.

Херувимы, Серафимы вьются,
вьются над тобой, над твоей головой,
А-баю-баю-баю, Баю-баиньки-баю [2, с. 92].

Здесь уместно обратить внимание на то, что в ангельской иерархии серафимы находятся выше, чем рядовые ангелы. Они являются приближёнными к престолу Бога и его прославляют.

Серафимы пламенеют любовью к Богу и других возбуждают к такой же любви, как показывает и само их имя, ибо «Серафим» в переводе с древнееврейского языка означает: пламенеющий. Херувимы – следующий после серафимов ангельский чин. Вместе с серафимами являются самыми близкими к Богу. [4, с. 313]

Сегодня былого сакрального значения этим образам не придается, однако они сохранились во многих колыбельных. Колыбельная песня ограждала малыша от проблем, бед, болезней и сглаза. Таким образом, она выполняла функцию оберега. Именно поэтому главные мотивы колыбельных песен – это пожелание сна, здоровья, хорошей жизни. Колыбельная обладала особой магией. Люди верили, что различные ритуальные вещи уберегут их детей и помогут малышу вырасти сильным, крепким, здоровым, удачливым.

На основании всего вышесказанного мы можем констатировать, что особая роль принадлежит христианским персонажам. Представители христианской традиции в основном призываются для исполнения функций защиты и заботы о ребенке. Они и усыпляют младенца, и защищают его во сне, и являются причиной его появления на этом свете. В сюжетах Божественного происхождения младенца, появления его с «того» света высшие покровители поручают, передают его людям.

Колыбельные песни – это и заклинание, и предупреждение. В таких песенках слышится тревога матери за будущее ребенка. Поэтому она и обращается за покровительством к Богу, Богородице, Ангелам. Мать верила, что они помогут малышу вырасти сильным, крепким, здоровым, удачливым.

Список литературы

1. Аникин В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М., 1957. 240 с.
2. Капица О.И. Детский фольклор: песни, потешки, дразнилки, сказки, игры. Л., 1928. 114 с.
3. Капица Ф.С., Колядич Т.М. Русский детский фольклор. М., 2011. 315 с.
4. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М.: Международные отношения, 2014. 512 с.
5. Соколова В.К. Заклинания и приговоры в календарных обрядах // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. №14. С. 14.

ЭЛЕМЕНТЫ ВОЛЬНОГО ПЕРЕВОДА В ТАДЖИКСКИХ ПЕРЕВОДАХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА

Бобоалиева З.П.

заведующая кафедрой романо-германских языков, кандидат филологических наук,
Таджикский государственный институт языков имени Сотима Улугзода,
Таджикистан, г. Душанбе

Статья посвящена анализу перевода повести «Прощай, Гулсары!» и романа «Плаха» знаменитого кыргызского писателя Чингиза Айтматова на таджикский язык с русского текста. Автор рассматривает в ней проблемы вольного перевода в таджикских текстах переводов данных произведений Ч. Айтматова, осуществленных переводчиками Фазлиддином Мухаммадиевым и Истадом Касымзаде.

Ключевые слова: Чингиз Айтматов, Фазлиддин Мухаммадиев, Истад Касымзаде, перевод, повесть «Прощай, Гулсары!», роман «Плаха», вольный перевод, русский язык, таджикский язык.

Перевод художественной литературы в советский период можно считать особым этапом в истории литературы. Именно в этот период переводческое дело в таджикской литературе становится самостоятельной ветвью литературной деятельности. Произведения писателей и поэтов разных народов в большом количестве переводятся на таджикский язык, и влияние этой переводной литературы на развитие самой современной таджикской литературы является огромным и продуктивным.

В Таджикистане среди писателей бывших союзных республик одним из самых переводимых был прославленный кыргызский писатель Чингиз Айтматов. Из всего собранного и исследованного нами материала выясняется, что почти всё творчество этого писателя переведено на таджикский язык. Однако, к сожалению, о переведенных на таджикский язык произведениях Ч. Айтматова в таджикском литературоведении нет ни одного монографического исследования, также ни одно переведенное произведение Ч. Айтматова, ни с точки зрения языкознания, ни с точки зрения литературоведения, не получило должной оценки. Отрадно, что по проблеме переводов художественных произведений на таджикский язык есть что сказать как языковедам и литературоведам, так и переводоведам. Ещё в 1989 году один из литераторов-критиков и исследователей переводов Западной художественной литературы на таджикский язык Шокир Мухтор, подняв вопрос о невнимательности критиков к переводам прозаических произведений, писал: «В таджикском литературоведении существует одна не совсем приемлемая тенденция: наши ученые не обращают серьезного внимания на переводы прозаических произведений. Думают, что перевод прозаических произведений очень легкий труд и потому нет нужды в их исследовании. Но проза, как и стихи, имеет метр и рифму, свою, присущую ей, мелодику. Перевод прозы с одного языка на другой – это очень кропотливая работа. Всегда перед переводчиками прозы встают трудности. Иногда из-за одного выражения или пословицы переводчики проводят бессонные ночи» [6, с. 9].

При переводе художественного произведения на другой язык возникает вопрос о правомочности внесения переводчиком каких-то изменений в оригинальный текст. «Уже Пушкин считал, что выраженное автором должно быть перевыражено переводчиком; Гоголь предлагал иногда «отдаляться от слов подлинника нарочно для того, чтобы быть к нему ближе»; А. К. Толстой думал, что «не следует переводить слова, и даже иногда смысл, а главное – надо передавать впечатление!»; К. И. Чуковский призывал «переводить смех – смехом, улыбку – улыбкой» [5, с. 5].

Мы также считаем, что даже при наличии каких-либо элементов вольного перевода, конечный результат должен быть адекватным с точки зрения особенностей стиля оригинала и средств передачи на языке перевода.

Исследовав переведенные тексты произведений Чингиза Айтматова на таджикский язык, мы пришли к выводу, что иногда перевод невозможен без внесения незначительных изменений в виде сокращений или добавлений. Но талантливые, серьезные переводчики могут добиться заметных успехов на этой основе, хотя на их творческом пути может возникнуть много трудностей, потому что успеха добивается тот переводчик, который с пониманием относится к национальным особенностям, самобытности почерка и стиля автора, а также к содержанию оригинала, и старается сохранить в своем переводе все нюансы оригинала.

К примеру, в переводе повести «Прощай, Гульсары!», выполненном таджикским писателем Фазлиддином Мухаммадиевым, относительно сокращений и добавлений переводчика в нижеприведенном отрывке нами обнаружено следующее: Ф. Мухаммадиев, признавая и уважая культуру, обычаи и традиции современного ему читателя, словосочетание «бусы из гвоздики» переводит как «*каланфури гардан*» – «бусы из перчиков». Хотя перевод, на наш взгляд, не совсем точен, с давних времен в Средней Азии, в том числе и среди таджиков, гвоздика знакома как пряность, но замена её на «*каланфур*» («перчики») не нарушила смысла текста, только текст стал более понятен. В целях подтверждения своих высказываний, сравним оригинал текста и его перевод:

«Он знал ее фигуру, походку, улавливал даже своим тонким нюхом какой-то странный, диковенный запах незнакомой травы, исходящий от нее. То была гвоздика. Она **носила бусы из гвоздики**» [1, с. 296].

«Вай каду комат ва рафтори ўро аз дур мешинохт, бўи альби ӯайратангези кадом як гиёҳеро, ки аз ин зан меомад, бо димоғи ӯассос тафовут мекард. Ин гиёҳ **каланфури гардан** буд. Зан аз он шаддае ба гардан ӯамел карда буд» [2, с. 165].

Как видно из отрывка, в оригинале мы наблюдаем словосочетание «бусы из гвоздики», но переводчик перевел его как «*каланфури гардан*» («перчики»). Переводчик не зря поступает таким образом, потому что в недалеком прошлом таджикские женщины на шее носили бусы из ароматной травы, которую называли «*каланфур*». В данном случае, переводчик решил использовать это выражение для того, чтобы таджикскому читателю было понятнее, использовать в переводе местный вариант бус, это никак не привело к нарушениям духа, стиля и содержания повести.

Нужно отметить, что Ф. Мухаммадиев при переводе бережно сохраняет структуру, форму и содержание произведения, однако иногда изменяет стилевые элементы изображения Ч. Айтматова, вводя в них чисто таджикские понятия, которые отвечают его взглядам, природной проницательности и традициям народа. Насколько видно из переведенных Ф. Мухаммадиевым произведений, вышеизложенные изменения не нарушают основной дух и содержание произведения, замысел и цели автора. Вышеприведенный пример подтверждает высказанную мысль: введенные переводчиком элементы лишь приблизили и сделали повесть кыргызского писателя более понятным таджикскому читателю.

Однако, к сожалению, народную поэму «Песня старого охотника» Ф. Мухаммадиев перевел не полностью. Во-первых, события поэмы писатель пересказывает прозой, плач отца переводит стихами, что оказалось, действительно, очень воздействующим для передачи внутреннего состояния Танабая; во-вторых, он тем самым обостряет коллизию событий, протекающих в произведении. Нужно упомянуть, что этот стиль в таджикско-персидской классической литературе считается

одним из распространенных и обычных приёмов повествования. Здесь в качестве примера уместно вспомнить, «Гулистон» («Цветущий сад») Саъди Ширази, «Баъористон» («Весенний сад») Абдурахмона Джами и «Баъориёт» («Весна») Сайидо Насафи. Нам показалось удивительным, что Ф. Мухаммадиев, несомненно, хорошо знакомый с классической персидско-таджикской прозой, не использовал этот стиль, чтобы пересказать поэму в прозаической форме, а начинает перевод с плача отца по сыну – Карагулу, поэтому для таджикского читателя содержание поэмы остается неизвестным и непонятным. Мы обратились к первому изданию (1968 года) повести «Прощай, Гульсары!», а также к переводу Ф. Мухаммадиева на таджикский язык. К сожалению, и в том переводе рассказ старого охотника пропущен. В обоих изданиях в поэтической форме переведена только элегия:

«Убил я тебя, сын мой Карагул.
Один остался я на свете, сын мой Карагул,
Судьба покарала меня, сын мой Карагул.
Судьба наказала меня, сын мой Карагул...» [1, с. 214].

Худам туро куштам-ой, писарам Карагул,
Ман бекасу кўям-ой, писарам Карагул.
Дод аз дастаки марг-ой, писарам Карагул,
Бедод аз фалак-ой, писарам Карагул...» [3, с. 292].

Хотя в элегии отец горько и печально стонет о том, что своими руками убил сына, но для таджикского читателя остается непонятной причина такого поступка отца. Автор повести в прозаической части поэмы рассказывает о причине убийства отцом своего сына Карагула. Это произошло невольно, но в плаче отца об этом ничего не сказано. По нашему мнению, сокращение столь важного и интересного фрагмента немного снизило художественную и эмоциональную красоту произведения.

Надо отметить, что элегия в оригинале состоит из 15 строк и 7 бейтов (двустийший), первая строка её повторяется в четырнадцатой строке. Ф. Мухаммадиев в этот текст, введя добавочную строку, довел её до 16 строк и 8 бейтов. Хотя в переводе Ф. Мухаммадиева даёт также четыре строки: 1, 2, 3 и 4 повторяются в другом сочетании, это не мешает основному содержанию, мелодике и другим компонентам стиха. Перевод элегии Ф. Мухаммадиевым выполнен на высоком художественном уровне и весьма успешно. Важнее всего то, что, по нашему мнению, переводчик смог вместить в своём переводе все художественные особенности оригинала. Образец перевода Ф. Мухаммадиева ещё раз подтверждает очень серьезное отношение писателя к переводческой работе. По поэтическому переводу можно констатировать и немалый поэтический талант у прозаика Ф. Мухаммадиева, что подтверждается сравнением песни-плача старого охотника и перевода её на таджикский язык.

Сокращение прозаического текста рассказа, хотя и немного снизило ценность перевода, но в основном, можно сказать, что поэтический перевод привел Ф. Мухаммадиева к большому успеху.

Важнее всего то, что, по нашему мнению, переводчик смог вместить в своём переводе все художественные особенности оригинала. Образец перевода Ф. Мухаммадиева ещё раз подтверждает очень серьезное отношение писателя к переводческой работе. По поэтическому переводу можно констатировать и немалый поэтический талант у прозаика Ф. Мухаммадиева, что подтверждается сравнением песни-плача старого охотника и перевода её на таджикский язык.

По неизвестным причинам Ф. Мухаммадиев сократил очень интересные места произведения, которые автор привел специально в целях разъяснения и ясного показа внутреннего состояния героев. Это мы наблюдаем в отрывке, в котором из-

лагаются внутреннее и душевное состояние Танабая. В этом отрывке Танабай вспоминает свое прошлое, когда сводного брата Кулибая он объявил кулаком, что стало причиной ссылки того в Сибирь, но, к сожалению, этот отрывок не был переведен, был сокращен. Начало этого отрывка имеется как в оригинале повести, так и в переводе на таджикский язык. Однако затем, после следующего абзаца, пропущены пятнадцать сложных предложений и пять других абзацев в таджикском переводе, хотя в них повествуется о весьма важных событиях. В результате сокращений, произведенных переводчиком, местами разорвана логическая связь между частями повести.

В переводе романа «Плаха» на таджикский язык переводчиком Истадом Касымзаде в тексте перевода также встречаются сокращения и лакуны. В изучаемом романе приведены два бейта (двустихия) с пометкой Ч. Айтматова «изречение какого-то восточного поэта» [2, с. 37] и таджикский переводчик заменил их рубаятами знаменитого персидско-таджикского поэта – классика Омара Хайяма. Для наглядности приведем оригинал интересующего нас отрывка и следом рубаи, заменившие оригинальный текст:

«Ему припомнилось полузабытое изречение какого-то восточного поэта: «И среди тысячной толпы-ты одинок, и, находясь с собой наедине, – ты одинок» [2, с. 37].

«Як катраи об буд, бо дарё шуд,
Як зарраи хок бо замин якто шуд.
Омад-шуди ту андар ин дунё чист?
Омад магасе падида нопаидо шуд» [4, с. 59].

Подстрочный перевод¹:

Одна капля воды была, уплыла в море,
Горсточка пыли смешалась с землей,
Что для этого мира значат твой приход и уход?
Прилетела муха, была видна, но, улетев, невидимой стала.

При сравнении обоих текстов стало ясно, что переводчик привел это рубаи Омара Хайяма не к месту, потому что, по нашему мнению, в бейте, приведенном Ч. Айтматовым, речь идет об одиночестве, а рубаи Омара Хайяма имеет философский подтекст «о незначительности человека в этом мире, он – пылинка, он – капля в море, для мира будет незаметен и твой приход, и твой уход из него». Но если бы переводчик попытался поискать в богатом поэтическом наследии наших классиков и даже современников соответствующее по содержанию стихотворение, он обязательно нашел бы. Так, у основоположника персидско-таджикской классической поэзии Абуабдуллаха Рудаки мы нашли бейт, точно соответствующий смыслу двустихия, приведенного Ч. Айтматовым. Приведем и сравним русское двустихие из романа и двустихие Рудаки:

Двустихие из романа:

«И среди тысячной толпы-ты одинок,
И, находясь с собой наедине, – ты одинок» [2, с. 37].

Двустихие Рудаки:

«Бо сад ызор мардум танъої,
Бе сад ызор мардум танъої» [5, с. 355].

Подстрочный перевод:

Со ста тысячами людей – ты одинок,
Без ста тысяч людей – ты одинок.

¹ Здесь и далее подстрочные переводы стихотворных отрывков принадлежат автору статьи

В канву сюжета романа Ч. Айтматов ввел ещё одно двустишие, также заметив «того же восточного поэта». Вновь таджикский переводчик заменяет двустишие Ч. Айтматова с рубаи Омара Хайяма, также не подходящим к ситуации, описанной в романе и не отвечающий смыслу, который имел в виду писатель:

«Теперь ему наконец открылась справедливость парадоксальных слов все того же восточного поэта, над которым он прежде посмеивался, не верил, что можно утверждать: «Пусть не полюбится тому, кто истинно любить предрасположен...» Что за чушь!» [152, 38].

«Ва нињоят Һамин лаъза маънои суханони Һикматомези шоири Шарк барояш рӯшантар аён гардид, ки қаблан ў ин афкорро писанду манзур намекард, Һатто меҳандид, мазон медошт вақте ки чунин мисраъоро меҳонд, ин чӣ Һарза меғуфт:

Аз омадану рафтани мо суде ку?
В-аз тори умеди умри мо пуде ку?
Чандин сару пойи нозанирони лаъон
Месўзаду хок мешавад, дуде ку?» [175, 60].

Подстрочный перевод:

От нашего прихода и ухода польза где?
И от основы надежд нашей жизни плоды где?
Сколько голов и станов красавиц мира
Сгорают, превращаясь в пепел, дым от них где?

По нашему убеждению, это философское рубаи, темой которого является размышление поэта о предназначении человека в этом мире и о его смертности, совершенно не подходит к тексту Ч. Айтматова и не передает смысл приведенной им строки.

Таджикский литературовед Ато Хамдам в предисловии перевода данного романа по поводу использования переводчиком рубаи Хайяма высказался так: «В начале романа имеются намеки на «мудрые бейты». Там использовано рубаи великого Хайяма, которое соответствует русскому оригиналу романа» [2, с. 6]. Однако, на наш взгляд, не надо прилагать больших усилий, чтобы понять, что приведенные рубаи не соответствуют ни содержанию стихов оригинала, ни той мысли, которую имел в виду автор романа.

Вышеприведенные интерполяции текста оригинала в таджикском переводе, конечно, недопустимы. Эти моменты искажают смысл и содержание произведения, от них страдает также художественный замысел автора.

Таким образом, анализ показывает, что, хотя Ф. Мухаммадиев и И. Касымзаде при переводе вышеназванных произведений на таджикский язык допускают некоторые вольности, тем не менее, в целом им удалось сохранить в своих таджикских переводах основной дух и стиль произведений такого известного кыргызского писателя, как Чингиз Айтматов.

Список литературы

1. Айтматов, Чингиз. Прощай, Гульсары! Повесть / Чингиз Айтматов – М.: Молодая гвардия, 1967. – 205 с.
2. Айтматов Чингиз. Плаха. И дольше века длится день: Роман и повесть / Чингиз Айтматов. – Рига: Лиесма, 1986. – 606 с.
3. Айтматов, Чингиз. Алвидоъ, Гулсарӣ! Повест. Аз русӣ дар тарҷумаи Фазлиддин Муъаммадиев / Чингиз Айтматов. – Душанбе: Ирфон, 1968. – 255 с.

4. Айтматов, Чингиз. Киёмат. Роман. Тарљумон Истад Ќасимзода / Чингиз Айтматов. – Душанбе: Адиб, 2006. – 474 с.
5. Влахов, С. И. Непереваемое в переводе / С. И. Влахов, С. П. Флорин. – Изд. 4. – Валент, 2009. – 306 с.
6. Мухтор, Шокир. Замон ва тарљумон / Шокир Мухтор. – Душанбе: Адиб, 1989. – 208 с.
7. Рӯдакӣ, Абӯабдуллоҳ. Ахтарони адаб / Абӯабдуллоҳ Рӯдакӣ. Ҷ. 1. – Душанбе: Адиб, 2007. – 413 с.

СЛОВЕСНЫЙ ПОРТРЕТ ДЕТЕКТИВА КАК ВАЖНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕРСОНАЖА НА ПРИМЕРЕ РОМАНОВ АГАТЫ КРИСТИ

Богомолова Е.И.

Оренбургский государственный педагогический университет, Россия, г. Оренбург

В данной статье словесный портрет персонажа рассматривается как важная составляющая характеристики образа детектива. Писатели наделяют своих персонажей уникальной внешностью, характером и манерой разговора. Точное описание внешности, привычек, поведенческих особенностей литературного героя позволяет читателю представить образ персонажа, усилить интерес по отношению к герою.

Ключевые слова: лингвистика, лингвостилистический анализ, языкознание, стилистика, художественный образ, филология.

Такой литературный жанр, как детектив, является одним из самых востребованных и любимых у читателей по всему миру. Большой интерес к детективным историям обусловлен тем, что людей всегда увлекает таинственность истории, а желание дойти до разгадки тайны не отпускает читателя до конца книги. Само слово «детектив» происходит от латинского «detectio» – раскрытие. Детектив – преимущественно литературный и кинематографический жанр, произведения которого описывают процесс исследования загадочного происшествия с целью выяснения его обстоятельств и раскрытия загадки. Таким загадочным происшествием обычно является какое-либо преступление, которое детектив должен раскрыть. Детективное произведение вызывает особенный интерес, если преступление необычное и запутанное. Чем больше трудностей в течение расследования преследуют детектива, тем больше читатель «погружается» в чтение. Он заинтригован до самого завершения расследования, ведь все обстоятельства происшествия раскрываются только в конце повествования, так читатель имеет возможность самому включиться в процесс расследования дела, внимательно собирая факты в процессе чтения и пытаясь строить собственные возможные версии случившегося происшествия.

Но такой популярностью детективы обязаны не только загадкам и запутанным сюжетам, но и не менее интересным и неординарным персонажам, а именно самим детективам, которые своими привычками и поведенческими особенностями влюбились в себя миллионы людей. Писатели прилагают немало усилий, чтобы создать необычный и запоминающийся образ главного героя. Возьмём, к примеру, всеми известного Шерлока Холмса, прототипом которого считается доктор Джозеф Белл, сослуживец Конан Дойла, работавший в Эдинбургском королевском госпитале и славившийся способностью по мельчайшим деталям угадывать характер и прошлое человека [3]. Холмс представляется нам курящим трубку, высоким и худым человеком, с ост-

рым, пронизывающим взглядом и тонким орлиным носом. Он физически силен. Доктор Ватсон говорит о Холмсе: «I am not quite so bulky, but if he had remained I might have shown him that my grip was not much more feeble than his own» [3].

Нельзя не упомянуть персонажей английского писателя и журналиста Гилберта Честертона. Это отец Браун, который впервые появляется в рассказе «Сапфировый крест» и является центральным персонажем 51 детективного произведения Г. Честерсона и Хорн Фишер из сборника «Человек, который знал слишком много».

Отец Браун – католический священник, низкий толстоватый с неприметной внешностью, рассеянный и иногда смешной, но человек с острым умом, умеет понять мотивы других людей. При расследовании дела ставит себя на место преступника, но преступников наказывает не всегда, часто ограничивается исповедью или поучением.

Второй персонаж Г. Честерсона – Хорн Фишер. Скептик, детектив-отшельник, который сам называет себя «человеком, который слишком много знает» о преступлениях сильных мира сего. Он хранит в себе печальную и бесполезную мудрость.

Английская писательница Агата Кристи, которая известна по всему миру своими многочисленными детективными историями, создала не мало персонажей-детективов, каждый из которых по-своему интересен. Самой известной героиней произведений А.Кристи является Мисс Марпл, которая впервые появилась в рассказе «Тринадцать загадочных случаев», а в романе «Убийство в доме викария» она становится главной героиней. Мисс Марпл – милая старушка, которая постоянно что-то вяжет, у неё сильный характер, великолепный аналитический ум и превосходное знание человеческой натуры. Любит разгадывать разные загадки и необычные случаи, которые она встречается на своём жизненном пути. Её речь бывает несвязной, в своих объяснениях она перескакивает с одного на другое. Её внешность и поведение приятной старушки дают ей возможность беседовать на различные темы, задавать вопросы о личной жизни, родственниках, денежных делах и получать на них ответы, не вызывая никаких подозрений.

Эркюль Пуаро – не менее известный и интересный персонаж произведений А. Кристи, портретную и речевую характеристику которого мы рассмотрим более подробно.

Чтобы ознакомить читателя с персонажем, представить его, автор описывает его образ и манеры поведения. О.А. Мальцева именуется описание образа персонажа словесным художественным портретом. Он понимается как одно из средств создания образа, в узком смысле понимается дескриптивная цепочка, в языковом выражении «непрерывная описательная цепочка, объемом в одно предложение и более» [2, с. 5]. По её мнению, для формирования словесного художественного портрета писатели чаще всего используют такие части речи, как прилагательные, существительные, глаголы и наречия. Особая роль при создании портрета персонажа отводится имени прилагательному из-за его признакового характера.

В первом романе про Эркюля Пуаро «The Mysterious Affair at Styles», где писательница впервые знакомит читателей с бельгийским детективом, Мсье Эркюль Пуаро предстаёт перед нами, как «an extraordinary looking little man», «quaint dandyfied little man», «a dear little man» [4]. К примечательным внешним признакам персонажа можно отнести также форму его головы, замечательные густые усы и аккуратность в одежде:

- 1) «His head was exactly the shape of an egg...»;
- 2) «He looks as foot...»;
- 3) «He was hardly more than five feet, four inches...»;
- 4) «A ridiculous-looking little man...»;
- 5) «His moustache was very stiff and military...»;
- 6) «The incredible neatness of his attire...» [4].

Писательница старается таким словесным портретом расположить читателей к своему персонажу, акцентируя внимание на его невысоком росте и часто используя определения «little» и «extraordinary». Персонаж невысокого роста, гордящийся своими роскошными пышными усами, всегда тщательно одетый и опрятный (his incredible neatness) не может не вызывать доверия. Как и в случае с Шерлоком Холмсом, Пуаро является удивительной личностью со своими особенностями и чудаковатостью: «an extraordinarily rum little beggar», «an odd little man», «a ridiculous-looking little man». Ещё английский классик Ч. Диккенс заметил, что читатели с теплотой и любовью относятся к не вписывающимся в рамки мира, «безумным для мира сего» персонажам. Именно такие чудаковатые герои становятся идеальными для читателя. К положительной оценке персонажа можно также отнести определения «marvelous», «wonderful», «magnificent». Эркюль Пуаро воспитанный человек, он очень вежлив «very agreeable in his manner», «very affable». Он ценит аккуратность во всём: «Admirable! What symmetry!... their neatness rejoices the eye. The spacing of the plants, also, is perfect [4]».

У Пуаро голова яйцевидной формы, для описания формы его головы Агата Кристи применила сравнение: «His head was exactly the shape of an egg...». Сравнение – сопоставление объектов с целью выявления их сходства или различия [1, с. 512]. Цель сравнения – выявить в объекте сравнения новые, важные, преимущественные для субъекта высказывания свойства. Также не стоит забывать, что Эркюль Пуаро – бельгиец, который говорит по-французски, и, хотя он хорошо владеет английским языком, он может забывать некоторые английские слова, и в его речи часто слышен акцент (иногда специально, как, например, в романе «Three Act Tragedy», где Пуаро говорит с сильным акцентом, чтобы его приняли за простого иностранца и не спугнуть преступника). Писательница вводит в речь детектива французские слова в тех случаях, когда они точнее выражают суть, чем английские. Например, «Take time, mon ami», «Eh bien, eh bien!», «Voilà» и т.д. Это относится к речевой характеристике персонажа. Чаще всего в его речи можно встретить обращение на его родном языке: «mon ami» – «мой друг», это используется для усиления выражения доброжелательного отношения Пуаро к человеку, к которому обращается. Пуаро спокойный и рассудительный, к нему прислушиваются, и никто не смеет ему возражать (He speaks with an authority and a certainty of being obeyed).

Но Эркюль Пуаро не абсолютно положительный персонаж. Он такой же человек, как и читатели Агаты Кристи, не только со своими многочисленными достоинствами, но и недостатками. Несмотря на адекватную оценку своих возможностей, он самоуверен (thinks a lot of himself) и тщеславен (conceited). Скромностью он не отличается и высоко оценивает себя, как детектива, хотя он, действительно, является неподражаемым сыщиком:

- «the greatest detective in the world»;
- «I do not permit myself to fail»;
- «...I know everything...»;
- «My theory is the truth» [4].

Расследование дела Пуаро старается завершить драматическим финалом с театральными элементами, собрав всех и выдержав паузу, он оглашает истину.

Таким образом, Агата Кристи, создавая словесный портрет персонажа-детектива, наделяет своего персонажа уникальной, запоминающейся внешностью, определённым характером со свойственными персонажу привычками и манерой разговора. Детектив отличается оригинальностью мышления, своим поведением, эксцентричностью. Читатель может представить образ героя, опираясь как на портретные, так и на речевые его характеристики.

Список литературы

1. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. Институт научн. информации по общественным наукам РАН. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – 1600 стб.
2. Мальцева, О.А. Лингвостилистические особенности словесного художественного портрета в современном английском романе: дис. канд. филол. наук. Л., 1986. – 16 с.
3. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Шерлок_Холмс (дата обращения: 09.10.2017).
4. URL: <http://liteka.ru/library/read/117/33> (дата обращения: 09.10.2017).

ДВА МИРА И ДВА ЯЗЫКА В ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ ИЕРОМОНАХА РОМАНА (МАТЮШИНА-ПРАВДИНА): ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ, САКРАЛЬНОЕ И ПРОФАННОЕ

Волков В.В.

профессор кафедры русского языка, д-р филол. наук, профессор,
Тверской государственный университет, Россия, г. Тверь

Волкова Н.В.

доцент кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества, канд. филол. наук, доцент, Тверской государственный университет,
Россия, г. Тверь

В статье на базе технологий филологической герменевтики интерпретируются феномены сакрального (религиозно-мистического) и профанного (светского, мирского) в поэзии иеромонаха Романа (Матюшина-Правдина). В религиозно-мистической, сакральной составляющей поэтического дискурса разграничиваются собственно сакральные и сакрализованные элементы, в мирской составляющей – духовно-сакральные и характерные для современной культуры профанные элементы, по отношению к которым поэт-иеромонах выступает с позиций духовной критики.

Ключевые слова: иеромонах Роман (Матюшин-Правдин), духовный реализм, сакральное, профанное, филологическая герменевтика, православное мирозерцание.

Введение. Постановка проблемы

Горнее и дольнее... Вечное и бренное. Высокое, высшее, небесное, Божественное как противоположность земному, обыденному – отзеркаливаются в языке и словесном творчестве как сакральное и мирское, а в экстремальном варианте мирского – как профанное, проявляются в любой человеческой деятельности либо в устремленности «вверх», к Небесному и вечному, несказуемому – либо в пленен-

ности бременным «низом», мещанской привязанностью «к месту», к здесь-и-сейчас существованию, без помышления о бытии в Вечности.

Это онтологический, собственно бытийный аспект того «двойного бытия», в котором пребывает каждый земной житель, о котором очень точно сказал Ф.И. Тютчев (1851):

О вещая душа моя!
О, сердце, полное тревоги,
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..

Так ты – жилища двух миров,
Твой день – болезненный и страстный,
Твой сон – пророчески-неясный,
Как откровение духов... [17, с. 75]

Крайние точки на этой оси противоположностей – с одной стороны, собственно духовная поэзия, с такими вершинными творениями, как богодухновенные библейские псалмы, с другой стороны – бульварная литература, рассчитанная на невзыскательный вкус, склонная всячески потрафлять таким интересам читателя-покупателя, которые каузируются сугубо витальными потребностями.

Это противоречие – не только в литературе, но в каждой душе, о чем – в заключительной строфе цитированного стихотворения Ф.И. Тютчева:

Пускай страдальческую грудь
Волнуют страсти роковые –
Душа готова, как Мария,
К ногам Христа навек прильнуть.

Эпистемический аспект «двойного бытия» – в сакральном (церковно-религиозном) и мирском (обиходном, включая секулярный научный) языке, в сакральных и профанных текстах, в том числе поэтических, ориентированных соответственно на горнее и на дольнее, а точнее, в первом случае – на свидетельство о горнем, на прозрение горнего в дольном, во втором – исключительно на мирское как «вещь-для-себя», как существование, не узревающее возможности *пакибытия*, которое в религиозном обиходе трактуется как «новое бытие, возрождение, обновленная жизнь; иногда крещение» [18, с. 218].

Поэтическое творчество иеромонаха Романа – весть о горнем и дольном не как о взаимонепроницаемых измерениях / пластах бытия, но как о мирах, сопряженных многочисленными «точками перехода», для фиксации которых используются специальные языковые / текстуальные средства, филологически опредмечивающие реальности религиозного сознания (поскольку только этому типу сознания доступно понимание глубинной взаимосвязи горнего и дольного).

Отсюда – необходимость обращения как к онтологическому, так и к эпистемическому направлениям взгляда на творчество поэта-иеромонаха. Избираемый нами в данной работе понятийный инструментарий связан с терминами *сакральное* и *профанное* – словами, которые напрямую в поэтическом творчестве иеромонахом Романом не используются, но носимые этими словами смыслы, вне всякого сомнения, составляют основу его художественной картины мира.

Об исходных терминах

Сакральное и *профанное* – эти термины применимы лишь к эпистемическому аспекту «двойного бытия», то есть к тем текстам и тому языку, которые исполь-

зуются для филологического опредмечивания двух бытийных миров – горнего и дольного. Но даже в таких рамках термины *сакральное* и *профанное* нуждаются в специальных пояснениях ограничительного характера, суть которых сводится к следующему: во-первых, собственно *сакральный* язык / тексты специально предназначен / предназначены для опредмечивания той реальности, которая доступна лишь религиозному сознанию; во-вторых, *профанными* в строгом смысле слова являются лишь язык / тексты, которые пытаются говорить о сакральном с позиций сугубо мирского сознания, которому сакральное как таковое неведомо и недоступно (наиболее показательный пример *профанного* – тексты «воинствующего» или даже «научного» атеизма, авторы которых вовсе не доказывают, что «Бога нет», но лишь свидетельствуют, с одной стороны, о полном отсутствии у себя способности воспринимать Божественную реальность, с другой стороны, о своей непоколебимой неоязыческой вере в «само...» – в способность материального мира самоорганизовываться, самоуправляться и саморазвиваться – вне какого-либо направляющего воздействия извне).

Поясним данные общие соображения несколько подробнее.

Прилагательное *сакральный* (из лат. *sacer, sacrum* ‘посвященный, предназначенный; священный, святой; магический, таинственный’) обычно используется как синоним прил. *священный* либо в широком религиозном контексте в значении «обладающий святостью, божественный по своей природе», либо в узком церковно-религиозном значении «относящийся к религиозному культу и ритуалу, обрядовый».

Лексика сакрального характера – это такие слова и другие языковые единицы, которые используются в специфических религиозно-мистических значениях и смыслах, предназначены именно для их выражения, отражают ключевые элементы вероучения, входят в ядро лексико-семантического поля «Религиозная лексика» (например: *Евангелие, спасение, страх Божий, благодать, святой, святость*), занимают центральное место в текстах Священного Писания, Священного Предания и в церковно-религиозном дискурсе в целом.

Церковнославянский язык, основывающийся на церковно-религиозной лексике, – это сакральный вариант русского языка, специально предназначенный для богослужения, для передачи в книжной традиции религиозно-мистических значений и смыслов православного вероучения. «Профанным (мирским) языком на Руси были живые восточнославянские говоры, а позднее и русский литературный язык, сакральным – церковнославянский, в морфологическом отношении южнославянский по своему происхождению, а в семантическом – в значительной мере греческий...» [12, с. 10]. Из этого следует, что «ядро» сакральной лексики Православия – это прежде всего лексика церковнославянская. Такую лексику – в целях противопоставления *сакрализованной* – целесообразно характеризовать как *собственно сакральную* или *узуюльно-сакральную*, подчеркивая тем самым, что ее сакральный характер обуславливается церковно-религиозным узусом – сложившейся церковно-религиозной вероучительной и богослужебной практикой. Узуюльный характер собственно сакральной лексики удостоверяется ее фиксацией в профильных словарях религиозной лексики – энциклопедических, лексикографически раскрывающих основные понятия и феномены Православия (например: [13]), и филологических, фиксирующих церковнославянскую лексику (например: [5], в том числе в паронимическом со- / противопоставлении смежным общеупотребительным словам [12].

Сакрализованная в религиозном отношении лексика – это общеупотребительная лексика, приобретающая в специфических контекстуальных условиях

условно сакральный характер за счет вхождения в ассоциативно-семантические отношения с собственно сакральной (собственно религиозной) лексикой, например: *рабство* в смысле «пленение грехом», *смерть* в значении «переход в мир иной», *прелесть* – «самообман, самообольщение».

Антоним *сакрального* – **профанный** (из лат. *profanus* ‘лишенный святости, непосвященный; непросвещенный, темный, нечестивый, кощунственный’ – от прист. *pro-* в значении «заместитель, исполняющий обязанности, замещающий» + *fani* ‘освященное место, святилище, святыня, храм’, то есть как бы «замещающий» истинно *священное* чьими-либо обыденными представлениями в силу неосведомленности, что хорошо видно из основного значения сущ. *профан* – человек, совершенно несведущий в какой-л. области, но нередко берущийся о ней судить с позиций своего невежества, что ведет к **профанации** (из лат. *profanare* ‘лишать святости > осквернять, позорить’ – от *profanus* ‘лишенный святости, непосвященный; непросвещенный, темный, нечестивый, кощунственный’), то есть к произвольному или намеренному искажению, извращению чего-л. высокого невежественным, оскорбительным, непочтительным обращением, именовани-ем и т. п.

В специальной литературе (теологической, философской, психологической и др.) используется также терминологическое прил. **нуминозный** (из лат. *numen* ‘кивок, знак согласия; воля, повеление > воля, могущество богов; божество, Бог’) как синоним прилагательного *священный*, отягощенного самыми разнообразными смыслами и в силу этого способного провоцировать разного рода «непонимания», о чем идет речь. Термин *нуминозное* ввел немецкий теолог Рудольф Отто (1869–1937) в книге «Священное» (1917). По Р. Отто, *нуминозное* (а следовательно, и *священное*) принадлежит к числу «первичных понятий», не поддающихся логическому определению, но доступных лишь истолковывающему разъяснению. «Пониманию нуминозного можно помочь, указав на тот пункт, куда следует направить свой дух слышащему это слово, дабы он сам мог осознать, откуда оно истекает» [10, с. 14].

Соответственно субстантиваты **сакральное (нуминозное), профанное** выступают в обобщенно-собирательном значении «(всё) то, что отличается свойствами, названными соответствующим прилагательным», то есть *сакральное* – «(всё) то, что отличается свойствами *сакрального*» и т. д.

Для последних столетий европейской культуры в целом, а для нашей страны в советские годы особенно, характерна последовательная **десакрализация** (лат. прист. *de-* в значении «отделение, удаление», «вниз»), или, иначе, **обмирщение, секуляризация** (из лат. *saecularis* ‘мирской, светский’ – от *saeculum* ‘род, поколение, средний человеческий век’) традиционных религиозных ценностей и, соответственно, десакрализация значений лексем, лингвистически опредмечивающих эти ценности, – использование сакральных лексем в секулярных, обиходных значениях (*семантическая секуляризация*). Наиболее очевидный пример десакрализации, секуляризации христианства – сведение христианского учения к правилам морали, а самого Христа – к «учителю нравственности».

В последние десятилетия, однако, в связи с духовно-религиозным возрождением нашей страны, фиксируется **ресакрализация** (лат. прист. *re-* в значении «обратное действие», «возобновление») лексем, изначально связанных с традиционными религиозными ценностями, – возвращение сакральных религиозных смыслов и коннотаций, и, более того, **сакрализация** таких лексем, которые в типичном слу-

чае, то есть вне религиозно-мистического контекста, выступают как носители сугубо секулярных («светских, мирских») значений. Такую дискурсивную ситуацию связывают с понятием «религиозная метафорика», как традиционная библейская и богослужебная, так и новая (см., например: [8]).

Однако поэтическая практика иеромонаха Романа свидетельствует, что в специфических контекстах религиозно-поэтического дискурса сакрализованным может оказываться едва ли не каждое слово, обрастая особыми смыслами, вписываясь в целостную сакральную ассоциативно-вербальную сеть:

Мы призваны не ради слов затёртых,
Не Вечность в этом мире угашать.
Господне дело – воскрешать из мертвых,
А человецье – души возвышать.

По устремлению и воздаянье.
Не отдавай и малого греху.
Не превращай призванье в наказание,
Дары Царя меняя на труху [6, с. 195].

Некоторые ключевые слова в цитированном стихотворении:

Призваны (однокоренные: *призвать, призвание*). *Призвание* в мирском значении – всего лишь «склонность, способность к какому-либо делу, профессии», в расширительном смысле – «предназначение» [9, с. 978]. У иеромонаха Романа – с актуализованной внутренней формой (корень как в *зов, звать*), отсылающей к представлениям о Божьем *зове, призыве* к человеку следовать Божьим путем, о котором подробно – практически в любой книге Священного Предания, в любом наставлении Святых Отцов.

«Не ради слов затертых», – то есть не ради слов и дел только и слишком человеческих, но чтобы следовать Христу как *Слову* (по православному вероучению, второе Лицо Святой Троицы – *Бог Слово*); в греческом оригинале Евангелия от Иоанна Бог – это *Λόγος, Логос*, в рус. переводе – *Слово*, ср.: «ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ λόγος...» – «В начале было Слово...» (Ин 1: 1).

Вечность – контекстуальный синоним *Царства Небесного*, которое, по апостолу, «внутри человека», только нужно вход в него найти: «Быв же спрошен фарисеями, когда придет Царствие Божие, отвечал им: не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: вот, оно здесь, или: вот, там. Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть» (Лк 17: 20–21).

Дореформенное написание *мир*, через «*i* десятеричное», отсылает к представлениям о земном – в противоположность нетварному, Небесному.

Воскрешать. Естественно, это слово не в мирском медицинском значении «реанимировать» или общеупотребительном «вызвать внутреннее обновление, вернуть силы, бодрость, жизнелюбие» [Там же, с. 151], но в значении «возвращать к жизни духовной», поскольку человек, живущий только жизнью тела – мертв еще при (физической) жизни.

Душа. По секулярным представлениям – «внутреннее состояние, моральная сила человека, коллектива» или «внутренний мир человека, мир его чувств, переживаний, настроений и т.п.» [Там же, с. 290], что радикально отличается от сакрально-религиозного: «Нематериальное, божественное начало в человеке, наделенное бессмертием» [13, с. 138].

Как принято говорить, когда в разумный срок сколько-нибудь исчерпывающе осветить вопрос невозможно: и так далее...

Два мира и два языка

«Двоемирие» – устойчивый принцип отображения действительности, связанный с самыми разными направлениями и стилями. Современная литература духовного реализма, понимаемая в типовом случае как литература, основывающаяся на ценностях религиозного сознания [2], в том числе поэтическое творчество иеромонаха Романа, тоже основывается на представлениях о многомерности бытия, – однако, в отличие от других литературных традиций, духовный реализм опирается на представление о двоемирии не как на литературный принцип, предполагающий акцентировку разрыва между земным и небесным, не как на художественное доказательство их непримиримого противоречия, но как на живое ощущение, непосредственное свидетельство их таинственной связи, которая усматривается внутренним, духовным зрением, когда в преходящем земном видится отсвет вечности, когда вечное свидетельствует о себе в бренном: «Природа – наш нерукотворный Храм, / Мир первозданный не таил угрозы... / Зеленый свет струится по ветвям, / Светоликуют майские березы! // Добрó в потоках света предстоять, / Что на творенье милостиво льются. / И деревья вбирают благодать, / Чтоб радостью делиться с боголюбцем» («В лесу и в поле боголюбец свой...» [6, с. 175]). Здесь особое состояние сознания: молитвенное предстояние перед Создателем через природу – как Его отображение, как нерукотворную икону; не поклонение самой природе, как у язычников, но благодарное усмотрение Творца – в его творении, *сквозь* его творение. Налицо «литургизация пейзажа» [3] – как у многих русских поэтов, в Новое время начиная, например, с М.В. Ломоносова и Г.Р. Державина, далее в особенной степени, наверное, у Ф.И. Тютчева, И.А. Бунина и С.А. Есенина и мн. др.

Историко-литературная аналогия. В порядке творческой саморефлексии Ф.М. Достоевский характеризовал свой метод как «реализм в высшем смысле»: «Меня зовут психологом: неправда, я лишь реалист в высшем смысле, то есть изображаю все глубины души человеческой» [4, с. 65]. Многочисленные попытки литературоведов найти подходящий терминологический «ярлычок» к этой описательной самохарактеристике (религиозный, христианский, евангельский, символический, онтологический, психологический, социально-психологический, метафизический, мистический, духовный... реализм) оказываются неудачными. Следовательно, вопрос не в однословном ярлычке, а в некотором наборе философских, лингвистических, теоретико-литературных, психологических и иных гуманитарных понятий, совокупность которых могла бы служить «понятийно-терминологической перифразой» цитированной афористичной самохарактеристике писателя.

К.А. Степанян, специально изучивший вопрос о творческом методе Достоевского как «реализме в высшем смысле», характеризует его, в частности, следующим образом: «Это такое художественное воссоздание мира, которое дает возможность читателю *увидеть* метафизическую и эмпирическую *реальности* в их подлинном бытии и *взаимопроникновении*. Весь наш мир воссоздан и показан в его полном объеме – как мир, определяющим центром и источником существования которого является Бог; Священное Писание и Священное Предание есть основа человеческой истории, совершающееся на Небесах и на земле происходит в едином смысловом и временном пространстве, духовные сущности всех уровней зримо присутствуют в жизни и судьбах людей – иными словами, реальность *видна* читателю во всей своей метафизической глубине. И человек тоже изображен в его подлинном бытии – как образ и подобие Божии, и эта основа личности (“человек в че-

ловеке”), ее противостояние внешнему и внутреннему злу, движение к Богу или от Него определяют *все существование каждого*» [15, с. 28].

Думается, эта характеристика едва ли не в большей степени относится к иеромонаху Роману, чем к Достоевскому; если все-таки задаться целью найти некий однословный терминологический «ярлычок» к методу «реализм в высшем смысле», то наиболее подходящим, помимо двусловного термина *духовный реализм*, представляется отнюдь не новое слово *теоцентризм* – усмотрение в центре мира Творца, а себя – в числе его многочисленных и многообразных, удивительно гармонично сочетающихся друг с другом творений, как, например, в открыто-декларативном хрестоматийном стихотворении М.В. Ломоносова «Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния» (1743) или в стихотворении Г.Р. Державина «Истина» (1810): «Есть Бог! – я чувствую Его / Как в существе моем духовном, / Так в чудном мире сем огромном, / Быть не можем без Него» [14, с. 62].

Поэт-иеромонах Роман органично вписывается в эту поэтическую традицию, – но развивает ее так, что для читателя, оказывающегося вне контекста сакрального мира, с сугубо мирской точки зрения его стихи иначе как некие «загадки» воспринять трудно. Читателю необходимо, как обычно говорят современные филологи, находиться в определенном «культурном контексте», владеть минимально необходимыми «фоновыми знаниями», легко идентифицировать некоторые «прецедентные тексты», с которыми религиозная поэзия иеромонаха Романа оказывается в «интертекстуальных переключках». Пример:

Без Божьей воли нам не распознать
Ни цену жертв, ни меру воздаянья.
Убить убийцу? Смертью смерть поправить?
Но прибавленье смерти – не поправенье.

Злу от огня с мечом не умереть.
Воззри на Крест и за Христом последуй:
Своею смертью побеждают смерть,
Выковывая житием Победу! [6, с. 193]

Минимально необходимые для понимания стихотворения прецедентные тексты:

О «мере воздаянья». В Ветхом Завете: «Кто сделает повреждение на теле ближнего своего, тому должно сделать то же, что он сделал: перелом за перелом, око за око, зуб за зуб; как он сделал повреждение на *теле* человека, так и ему должно сделать» (Лев 24: 19–20). В Новом Завете: «Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую...» (Мф 5: 38–39). Действительно, «без Божьей воли» никак «не распознать» «меру воздаянья», ибо Сам Христос сказал: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить» (Мф 5: 17).

«Убить убийцу? Смертью смерть поправить?» Первое вопрошание представляет собой разработку предыдущего мотива («око за око, зуб за зуб»), второе вопрошание отсылает к Пасхальному тропарю, афористически раскрывающему суть праздника Пасхи как Воскресения: «Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ, и сущим во гробех Жизнь даровав». В человеческом ли праве «попырать» смерть жертвы убийством убийцы?

Церковнославянский глагол *попирати* / *попрати* используется в значениях «топтать ногами, втоптать во что-л., скрывать, спрятать, одолевать» [18, с. 231]. производное сущ. *попрание* – «сор, презренная вещь, которую ногами топчут» [5, с. 457], однокоренное *пря* – «тяжба, спор, ссора» [18, с. 258]. Следовательно, дееспричастный оборот *смертию смерть поправ* следует трактовать как «одолев смерть, победив ее, так что к ней теперь можно относиться как к сору, вещи, заслуживающей презрения».

«Но прибавление смерти – не попоранье». Исходя из предыдущего, ясно, что «прибавление “сора” (смерти)» не может быть ее преодолением.

Разгадка этой лингвогерменевтической головоломки – во второй строфе цитированного стихотворения. Правда, в ней есть еще одна загадка («Злу от огня с мечом не умереть», – утверждает поэт, а как же тогда слова Христа: «...Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч...» (Мф 10: 34)?), а разгадку необходимо искать в сакральных смыслах слов *смерть*, *житие* и *Победа*.

Профанация сакрального в мире носит не только языковой характер (общезвестные примеры: междометие *спасибо* совсем не воспринимается в этимологически исходном смысле «Спаси Бог!», существительное *благодать* известно по преимуществу в употреблении «о чём-либо очень хорошем, доставляющем наслаждение, радость и т.п.» [9, с. 81], а не в исконном сакральном «...Божия помощь и защита, даруемые каждому христианину в его повседневной жизни» [13, с. 55]), но и социальный, когда сакральные одежды Истины надевает ложь, о чем предупреждал Христос: «...берегитесь, чтобы кто не прельстил вас, ибо многие придут под именем Моим, и будут говорить: “Я Христос”, и многих прельстят» (Мф 24: 4–5); «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные» (Мф 7: 15). Поэтическая разработка этой темы у иеромонаха Романа основывается на нехарактерном для него приеме морфосемантического повтора, а именно – «нанизывания» одноструктурных слов с префиксоидом *лже-*: «Лжесхимница читает лжеакафист, / Лжечад уводит в чад лжедуховник. / Воинствуйте, ревнители, покамест / Безумью повинуется язык. // И множатся дорожки завитые, / Указами беду не запретить... / Лжестарцы, лжемонахи, лжесвятые – / Лжецерковь рвётся Церковь упразднить» [6, с. 184]. Поэт-иеромонах здесь, как и во многих других своих стихах, не ограничивается простым сожалением об углублении падения мира, но и как борец, – словом и Словом посильно этому падению препятствующий, следующий сакральному и обличающий профанное – именно как профанное, то есть мнимое, ложное.

Вместо заключения

Множество похвальных слов сказано о русском языке. Пожалуй, самое известное – хрестоматийное стихотворение в прозе И.С. Тургенева «Русский язык»: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, – ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя – как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!» [16, с. 507].

Не менее известна оценка М.В. Ломоносова в его «Российской грамматике»: «Карл Пятый, римский император, говаривал, что испанским языком с богом, французским – с друзьями, немецким – с неприятелями, итальянским – с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, ко-

нечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашел бы в нем великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка. (цит. по: [11, с. 14]).

Следуя И.С. Тургеневу, можно бы пояснить: русский язык «поддержка и опора» не сам по себе, но благодаря каким-то особым смыслам, которые заключены в его словах и формах, часто скрытых от непосредственного наблюдения, но бессознательно нами ощущаемых.

Следуя М.В. Ломоносову, можно бы добавить: глубинное семантическое ядро любого языка так или иначе связано с сакральными представлениями, однако в случае русского языка сакральное ядро оказывается «двойным», поскольку сакральные представления общеиндоевропейского и общеславянского характера в нем существуют одновременно с христианскими, пришедшими вместе со старославянским языком из греческого (языка Нового Завета) и до сих пор активно поддерживающимися в его живой современной церковнославянской версии. Сочетание богатства «светского» русского языка в его различных стилистических разновидностях и сакрального церковнославянского, который – хотим мы того или нет – «просвечивает» даже в обиходном употреблении, делает русский язык в семантическом отношении особенно глубоким.

Именно это обстоятельство позволяет иеромонаху Роману в стихотворении «Родная речь» называть наш язык не просто русским – *святорусским*: «Родная речь – Отечеству основа. / Не замути Божественный родник. / Храни себя: душа рождает слово – / Великий святорусский наш язык!» [7, с. 147]. Современная культура, в том числе литература, должна помнить о необходимости выполнять свои традиционные *учительные* функции [1], как было на протяжении многих веков развития отечественной словесности.

Святая Русь – как Русь православная – не где-то в далеком прошлом, она в нашем современном языке и в современной литературе «духовного реализма», одно из ярких живых свидетельств чего – поэтическое творчество иеромонаха Романа.

Список литературы

1. Волков В.В., Волкова Н.В. Вестники и провидцы: учительство и профетизм как типологические особенности русской словесности // Культура. Духовность. Общество. 2017. № 28. С. 83-91.
2. Волков В.В., Волкова Н.В. «Ренессанс русской литературы»: национальный менталитет и литература духовного реализма в преподавании русской словесности // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 3. С. 147-157.
3. Гордиенко Н. Литургизация пейзажа в произведениях С.А. Есенина и иеромонаха Романа (Матюшина): к проблеме духовной преемственности русской поэтической традиции // Современное есениноведение. 2007. № 7. С. 110-115.
4. Достоевский Ф.М. Записи литературно-критического и публицистического характера из записной тетради 1880-1881 гг. // Достоевский Ф.М. Полное собр. соч.: В 30 т. Т. 27. Л.: Наука, 1984. С. 42-87.
5. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. М.: Изд. отдел Моск. патриархата, 1993. 1120 с.
6. Иеромонах Роман (Матюшин-Правдин). Единственная Радость: Стихотворения. СПб.: Пальмира : Книга по требованию, 2017. 207 с.
7. Иеромонах Роман (Матюшин-Правдин). Последний снег: Стихотворения. СПб.: Пальмира : Книга по требованию, 2017. 254 с.

8. Кондратьева О.Н. Религиозная метафорика в художественном дискурсе // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2016. № 7 (172). С. 21-26.
9. Новейший большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт; М.: РИПОЛ классик, 2008. 1536 с.
10. Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. 272 с.
11. Русские писатели о языке: Хрестоматия / Под общ. ред. А.М. Докусова. Л.: Учпедгиз, 1954. 460 с.
12. Седакова О.А. Церковнославяно-русские паронимы: Материалы к словарю. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2005. 432 с.
13. Складаревская Г.Н. Словарь православной церковной культуры. М.: Астрель: АСТ, 2008. 447 с.
14. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: В 9 т. Т. 3. СПб.: Имп. Аккад. наук, 1866. 784 с.
15. Степанян К.А. Явление и диалог в романах Ф.М. Достоевского. СПб.: Крига, 2010. 400 с.
16. Тургенев И.С. Русский язык // Тургенев И.С. Собрание сочинений: В 12. т. Т. 8. М.: Худож., лит., 1956. С. 507.
17. Тютчев Ф.И. Полное собр. соч. Письма. В 6 т. Т. 2. М.: Классика, 2003. 640 с.
18. Церковнославянский словарь: для толкового чтения св. Евангелия, часослова, псалтири и других богослужебных книг / Сост. прот. А. Свирелин. М.: Даръ, 2016. 384 с.

ИЗУЧЕНИЕ ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В ДЕРИВАЦИОННОМ АСПЕКТЕ НА ЗАНЯТИЯХ РКИ

Золотарева М.Н.

доцент кафедры русского языка, канд. филол. наук,
Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана,
Россия, г. Москва

Иностранные учащиеся, обучающиеся в российских технических вузах, сталкиваются с определенными трудностями при изучении русской терминологической лексики по специальности. В статье рассматривается возможность представления технических терминов в деривационном аспекте на занятиях русского языка как иностранного. Комплексное изучение лексики необходимой тематической направленности позволит иностранцам систематизировать полученные знания и быстрее усвоить язык своей специальности.

Ключевые слова: термин, словообразовательное значение, словообразовательная модель, словообразовательное гнездо, русский язык как иностранный.

Иностранные студенты, обучающиеся в технических вузах России, сталкиваются с трудностями освоения терминологической лексики при изучении предметов по специальности на русском языке. Иногда термины являются интернациональными, имеющими в своей основе радикасы или аффиксы греческого и латинского происхождения. Такие термины могут быть в какой-то степени понятны учащимся. Большинство же технических терминов, по нашим наблюдениям, являются русскими производными словами. Такие термины представляют определенные трудности для освоения. Без понимания того, как построены данные слова, из каких частей они состоят, иностранным учащимся сложно их запомнить и тем более употреблять в речи.

Поэтому одной из задач преподавателя РКИ в техническом вузе на занятиях русского языка, на наш взгляд, должно быть изучение технической терминологии тех специальностей, по которым обучаются иностранные студенты.

Русские технические термины, созданные посредством словообразования, представляют собой достаточно многочисленную группу. Как отмечают ученые, преобладание русской производной лексики объясняется самой природой русского языка. Например, Е.А. Земская отмечает, что «производные слова в количественном отношении намного превышают непроизводные» в русском языке [2, с. 181]. Кроме того, если значение непроизводных слов не связано с их звуковым составом, не мотивируется их строением, то есть имеет знаковый характер, то значение производных слов определяется их строением и мотивируется значением соответствующего производящего слова. «Значение слов с производной основой всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующей первичной основы» [1, с. 421]. Специфика же производных слов в семантическом отношении состоит в том, что «в них более ярко, более отчетливо, чем в словах непроизводных, обнаруживается системный характер лексики» [2, с. 182]. Это еще раз подтверждает необходимость на занятиях РКИ при изучении языка специальности особое внимание уделять словообразованию терминологической лексики.

Многими специалистами в области методики преподавания РКИ неоднократно отмечалось, что обучение русскому языку с учетом особенностей словообразовательной системы является наиболее эффективным. Во-первых, системный подход к словообразованию русского языка «способствует развитию навыков языковой догадки» [3, с. 5]. Во-вторых, изучение различных словообразовательных явлений в комплексе необходимо в педагогической практике, поскольку «представляет собой важный мнемонический прием, существенно увеличивающий возможности усвоения структуры слов, закономерностей их образования» [7, с. 200].

Таким образом, при изучении терминов на занятиях РКИ, как нам кажется, для прояснения механизма построения русского слова, необходимо предъявлять иностранным учащимся словообразовательные модели, по которым образуются изучаемые термины, с толкованием словообразовательных значений аффиксов.

Для пояснения данного тезиса обратимся к анализу некоторых технических терминов по специальности «Робототехника». Например, в терминологическом словосочетании *захватное устройство* имя прилагательное *захватный* образовано при помощи присоединения к основе отглагольного существительного *захват* суффикса *-н-* со значением признака. Как нам кажется, целесообразно для прояснения механизма создания русского слова предъявлять всю словообразовательную цепочку, начиная от непроизводного слова, в системе:

хватать – *за-хватить* – *захват*Ø – *захват-н-ый*.

Для более точной семантизации непроизводного слова необходимо обращаться к словарю (*хватать* – «брать резким, быстрым движением руки или зубов, рта» [4, с.892]). Далее толкование значений производных слов возможно через пояснение словообразовательных значений аффиксов. Так, в глаголе сов. в. *захватить* префикс *за-* обозначает «совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом» [5, с. 361], полностью, со всех сторон. В субстантиве *захват*, образованном при помощи нулевого суффикса, данный нулевой суффикс Ø имеет значение процессуальности. С подобными суффиксами, обозначающими действие, иностранные студенты сталкиваются очень часто, поэтому необходимо пояснить, что в подобных случаях не происходит изменения значения

слова, меняется только форма (часть речи): глагол – имя существительное. И далее в слове *захватный* суффикс *-н-* обозначает «служащий, предназначенный для выполнения действия». Таким образом, поясняя значения аффиксов, можно выйти на семантизацию термина: *захватное устройство* – устройство, которое быстрым движением совершает хватательное действие, захват объекта со всех сторон.

Если позволяет материал, возможно предъявлять терминологическую лексику еще более системно, в соотнесении со словообразовательными гнездами русского языка. Такой подход дает возможность наглядно показать иностранным учащимся, что слова русского объединяются в семьи. Например, среди устройств в области робототехники есть так называемые «схваты», поэтому полезно представить это слово в рассмотренном уже словообразовательном гнезде с вершиной «хватать»:

хватать – за-хватить – захват \emptyset – *захват-н-ый*
– с-хватить – *схват \emptyset*

Префикс *с-* глагола *схватить* передает значение «совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом», [5, с. 371]. В существительном *схват* нулевой суффикс \emptyset , в отличие от подобного суффикса в существительном *захват*, передает значение – «предмет, механизм».

Как видно из приведенных примеров, системное предъявление терминов-derivатов и их производящих основ наглядно демонстрирует иностранным учащимся возможности образования форм и значений русских лексических единиц, что позволяет освоить основные закономерности образования производных слов русского языка, познакомиться с разнообразными значениями единиц русского словообразования. Такое представление лексического материала поможет студентам в дальнейшем самостоятельно семантизировать неизвестные слова лишь по формальным признакам.

Кроме того, на примере словообразовательной терминологической лексики можно продемонстрировать деривационный потенциал современного русского языка. Комплексное изучение терминологической лексики необходимой тематической направленности позволит иностранным учащимся систематизировать полученные знания, а также быстрее усвоить язык своей специальности.

Список литературы

1. Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М., 1996. 784 с.
2. Земская Е.А. Язык как деятельность. М.: Флинта, Наука, 2014. 896 с.
3. Красильникова Л.В. Уроки по русскому словообразованию для иностранных учащихся. М.: Изд-во МГУ, 2001. 55 с.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992. 960 с.
5. Русская грамматика. Т.1. М.: Наука, 1980. 783 с.
6. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2 т. М.: Астрель, 2008. 941 с.
7. Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М.: Рус. яз., 1996. 204 с.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В КРЕОЛИЗОВАННОМ ТЕКСТЕ

Зубова И.И.

доцент кафедры информатики и прикладной лингвистики, доцент,
Минский государственный лингвистический университет, Республика Беларусь

В статье рассматриваются способы создания комического эффекта в англоязычных карикатурах как разновидности креолизованного текста. Отмечается, что в текстах подобного типа можно выделить разные виды отношений между вербальной и невербальной (изобразительной) составляющими. На конкретных примерах показано, что эти отношения влияют на особую интерпретацию таких текстов адресатом и позволяют формировать комический эффект.

Ключевые слова: вербальный компонент, иконический компонент, карикатура, комический эффект, прием, средство.

В современной лингвистике текста большое внимание уделяется изучению креолизованного текста, то есть текста, состоящего из знаков разных семиотических систем – вербальной и невербальной, прежде всего, изобразительной (иконической). Тесно взаимодействуя друг с другом, вербальный и иконический компоненты текста формируют его целостность и связность, создают определенную коммуникативную направленность. Многие комические тексты, например, комиксы, карикатуры, шаржи являются креолизованными, так как эффект комического зачастую достигается посредством использования в них невербальных компонентов. Основное отличие креолизованного комического текста от обычного заключается в том, что между его вербальной и изобразительной частями возникают различные отношения, что в дальнейшем определяет особую интерпретацию данного текста и позволяет достичь комического эффекта.

Материалом настоящего исследования послужили 180 англоязычных карикатур, взятых из оригинального печатного издания [2], а также глобальной сети Интернет [1]. Все отобранные карикатуры обязательно содержат вербальный компонент и относятся к текстам с полной креолизацией, поскольку между их вербальными и иконическими компонентами устанавливается неразрывная связь. При этом вербальная составляющая полностью зависит от изобразительного ряда, а само изображение выступает в качестве обязательного элемента данного типа текста.

Любой креолизованный текст является семиотически осложненным типом текста, поэтому изучение способов создания комического эффекта в англоязычных карикатурах проводилось в несколько этапов. На первом этапе исследования были выявлены особенности соотношения вербального и изобразительного компонентов. Так, в данном типе креолизованного текста изображение чаще всего преобладает над вербальным компонентом (87% текстов). В большинстве случаев вербальная часть представляет собой подпись под рисунком, неразвернутые реплики персонажей, идентификационную надпись в виде названия, имен и т.д. Равноправное соотношение вербального ряда и изобразительного компонента, а также преобладание вербального ряда над изобразительным компонентом встречаются значительно реже, что объясняется высокой ролью изображения при адекватной интерпретации смысла. В данном случае вербальный ряд лишь дублирует изображение, дополняет информацию, представленную рисунком, и содержит фрагмент комму-

никации персонажей карикатуры либо пояснительный текст-комментарий к карикатуре. Основная цель карикатуры – передать адресату определенную комическую мысль посредством изобразительного ряда. Добавление к карикатуре, как к элементу изобразительного жанра, некоторых лингвистических средств достижения комического эффекта помогает в достижении этой цели.

На втором этапе исследования англоязычных карикатур была сделана попытка выявить особенности вида вербального компонента и его расположения по отношению к изобразительной части. Результаты анализа свидетельствуют о том, что в большинстве случаев вербальный компонент встречается в виде слов персонажа, которые не включены в изображение, а находятся за его границами (чаще всего под изображением; 33% случаев). Это объясняется тем, что с помощью данного расположения вербального и изобразительного компонентов можно привлечь оптимальное количество внимания адресата к карикатуре. Просмотрев изобразительную часть, человек переводит взгляд на вербальный компонент, который полностью объясняет ситуацию, в которой находятся персонажи карикатуры. Такое раздельное расположение двух разнородных компонентов в карикатуре очень удобно, поскольку оно не вызывает путаницы и растерянности при выборе первого компонента для интерпретации. Например, в одной из карикатур изображена приемная, в которой секретарь обращается к своему начальнику, который видит, что какой-то человек спит на диване, сняв с себя одежду: *He came in for an interview 3 hours ago, and I made the mistake of telling him to make himself comfortable*. Комический эффект достигается за счет слов персонажа, которые вынесены за рамки изображения и используются в качестве комментария к изображенной ситуации. Без данного вербального компонента смысл изображения был бы неясен или мог бы быть неправильно истолкован. Поэтому в исследованном материале довольно часто встречаются карикатуры, в которых вербальный компонент представлен текстом-комментарием к изображению, не включенным в изображение. Например, под изображением упитанного ангела, который съедает ореол второго ангела, находящегося рядом с ним, расположена фраза: *Fat angel eating halo like a doughnut*. В данной карикатуре адекватная интерпретация смысла была бы невозможна без текста комментария, в котором поясняется, что ореол съедается, как знаменитая американская булочка, которая очень похожа на него по внешнему виду. Что касается такого вида вербального компонента, как текст-комментарий к изображению + слова персонажа, то его использование в карикатурах также достаточно распространено. Например, фраза *Keep that door shut. I'm not paying to heat the whole neighborhood* – это слова персонажа, расположенные под изображением, на котором дьявольские существа с рожками стоят в огне возле открытой двери с надписью *Hell*. Без одного из вербальных компонентов адекватная интерпретация смысла карикатуры была бы невозможна. Относительно редко вербальный компонент представлен в виде текста-комментария к изображению, включенного в изображение, вместе с текстом-комментарием к изображению, не включенным в изображение. Это можно объяснить некоторой избыточностью информации, представленной в разных видах вербального компонента и в различных частях карикатуры, что препятствует быстрой концентрации произвольного внимания на одном из компонентов и усложняет интерпретацию комического смысла карикатуры. Например, в одной из карикатур есть фраза *Spam in Hell* (текст-комментарий под изображением), а также фраза *Have some compassion – Free Trial Offer* (текст-комментарий непосредственно в самом изображении: надпись на мониторе компь-

ютера, за которым сидит дьявольское существо с рожками). В данном случае автор карикатуры решил не ограничиваться текстом-комментарием в самом изображении и включил в карикатуру еще один вербальный компонент, вынесенный за рамки изображения, без которого иконический компонент не может быть правильно истолкован.

На третьем этапе исследования было проанализировано употребление различных лингвистических приемов и средств создания комического эффекта в карикатурах. Рассмотрим подробнее некоторые из них. Довольно часто для достижения комического эффекта используются такие приемы как преувеличение (15% текстов), неожиданное сближение и сопоставление явлений (15% текстов) и мнимое объединение абсолютно разнородных явлений (10% текстов). В общем плане, преувеличение является одним из основных приемов создания комического. Для карикатуры данный прием особенно удобен, так как позволяет деформировать различные явления: внешность персонажа, его поведение, изображенную ситуацию и т.д. Например, на карикатуре изображен молодой человек с падающими в танце штанами, а текст-комментарий гласит: *Break Dance Competition*. В данном примере четко выражено преувеличение, основанное на гиперболизации одной из черт внешнего вида танцора брейк-данса, а именно, на преувеличении размера его штанов, которые в результате падают. Как отмечалось выше, в англоязычных карикатурах часто используется сопоставление различных или даже взаимоисключающих друг друга явлений. Например, на карикатуре изображена принимающая ванну с мыльной пеной свинья, а текст-комментарий к этому изображению гласит: *Dirty pig dreaming of a lovely bath!* В данном случае описываемый прием используется в своем классическом варианте. В карикатуре проводится сравнение между человеком, которому свойственно принимать ванну, и свиньей, которая живет в грязи, но мечтает о ванне. Такое сравнение между человеком и животным выходит за пределы обычных сравнений. Прием мнимого объединения абсолютно разнородных явлений по своим функциям похож на прием неожиданного сближения и сопоставления явлений. Его суть заключается в создании ситуации, в которой поведение героя не соответствует выполняемой им деятельности. Например, карикатура содержит слова судьи женского пола, обращенные к подсудимому: *Your next court date is two weeks from today. Pick me up at eight*, а также слово *Candy*, написанное на коробке конфет, лежащей на столе у судьи рядом с букетом цветов. В данном случае поведение судьи не согласуется с обычной ситуацией и выполняемой ею деятельностью. В реальной жизни подсудимый не имеет права подвозить судью на слушание дела и подкупать ее подарками. Для достижения комического эффекта в исследованных карикатурах относительно часто используется ирония (9% текстов). Этот прием создания комического достаточно популярен, так как зачастую в вербальной части карикатуры выражается одно понятие, а подразумевается другое. Адекватная интерпретация другого понятия возможна благодаря иконической части карикатуры. Например, на карикатуре изображен продавец продуктов питания со знаком «радиация», одетый в специальный защитный костюм. Карикатура содержит текст-комментарий *Fresh Farm Products*. В данном случае эффект комического достигается с помощью нарушения постулата истинности, на котором строится ирония. На словах высказывается мнение о положительных качествах продуктов, а подразумевается абсолютно другое. Ложное противопоставление (9% текстов) – очередной лингвистический прием создания комического, основанный на псевдоконтрасте. Например, *I feel ill, Mum. I think it's the pesticides in the veges. From now on I'm going*

to have to eat chips, burgers and pizzas – слова персонажа (лежащего в постели больного мальчика). Заключительная часть приведенного выше высказывания по форме будто бы противоречит начальной части, а на самом деле усиливает ее: действительно, полезнее есть пиццы и гамбургеры, чем овощи с пестицидами. Рассмотрим пример создания комического эффекта с помощью намека, который часто является сознательным нарушением постулата истинности. *Theory of Evolution – Revised and Updated* – это текст-комментарий к изображению пяти фигур, средняя из которых является человеком, а первая и последняя – обезьянами. В этом примере истинная цель высказывания скрыта. Однако автор карикатуры полагает, что, не удовлетворившись прямым смыслом высказывания, адресат восстановит основной смысл карикатуры, опираясь на изображение. В ряде англоязычных карикатур комический эффект достигается с помощью использования каламбура, основанного на полисемии. Например, карикатура включает следующий текст:

– *Johnny, name the four seasons.*

– *Football, basketball, baseball, and soccer.*

В данном примере каламбур основан на двух значениях слова *season*: пора года и спортивный сезон. Прием противоречия также используется в исследованных карикатурах для достижения комического эффекта, поскольку основывается на недопустимости присутствия в тексте двух противоречащих друг другу явлений. Например, в одной из карикатур текст-комментарий к изображению элегантного изысканного стула гласит: *Electric Chair*. В данном случае адресат сталкивается с противоречием между формой и внешним видом стула и его назначением – осуществлять смертную казнь. Ложное усиление также является одним из лингвистических приемов создания комического в англоязычных карикатурах. Его суть состоит в том, что заключительная часть высказывания по форме подтверждает или даже усиливает начальную, а по существу опровергает ее. В качестве примера рассмотрим следующий текст:

– *What cures earache, Ted?*

– *A divorce.*

Заключительная часть данного высказывания, то есть ответ адресата, якобы подтверждает начальную, но на самом деле это не так, поскольку развод не может вылечить ушную боль.

Наконец, на четвертом этапе исследования была предпринята попытка определить лингвистические приемы и средства выражения комического в англоязычных карикатурах с разными видами вербального компонента и его различным расположением по отношению к изобразительной части. Так, в случае, когда вербальная часть представлена словами персонажа, не включенными в изображение, чаще всего для достижения комического эффекта используется такой прием, как ложное противопоставление (20% текстов). Он построен на псевдоконтрасте, который довольно просто отразить в карикатуре. Например, в одной из карикатур представлено следующее обращение банковского работника к клиенту: *You borrowed \$27,000 over the years to study computer sciences. According to our files, you now owe us \$1,83.* В данном случае заключительная часть высказывания, где содержится указание на маленькую сумму денег, по форме противоречит началу высказывания. Однако на самом деле происходит ее усиление, так как клиент банка настолько хорошо смог изучить компьютер, что ему удалось изменить сумму своего долга. Прием преувеличения также часто встречается в исследованных карикатурах вышеуказанного типа (16% текстов). Это можно объяснить тем, что посредством карикатуры можно

легко деформировать какое-либо явление, в чем и заключается суть преувеличения. Например: *Though we understand your feelings towards your automobile, we aren't able to approve your application to marry it.* Автор данной карикатуры явно преувеличивает любовь владельца к своему автомобилю. С таким же процентным соотношением в исследованном массиве англоязычных карикатур используется мнимое объединение абсолютно разнородных явлений. Например: *My attempt to be a male supermodel didn't pan out as well as I expected. Can I have my job in accounting back?* В данной карикатуре наблюдается несоответствие поведения героя выполняемой им деятельности: бухгалтер не самой привлекательной наружности пытается стать моделью.

Рассмотрим подробнее случаи создания комического эффекта, когда вербальная часть представлена текстом-комментарием к изображению, не включенным в изображение. В англоязычных карикатурах данного типа чаще всего используется такой прием создания комического, как намек (27% текстов), поскольку истинный смысл текста-комментария часто опускается. Предполагается, что с помощью изобразительного компонента адресат может сам восстановить основной смысл высказывания. Например, одна из карикатур содержит следующий текст-комментарий к изображению человека в окружении множества свободных стульев: *Group therapy for the socially retarded.* В данном случае делается намек на то, что даже на занятиях по психологической адаптации в обществе люди, отвергнутые обществом, остаются в одиночестве. Ирония также является достаточно распространенным лингвистическим приемом формирования комического эффекта в англоязычных карикатурах рассматриваемого типа (13% случаев). Например, на карикатуре представлено изображение стоящего у открытого холодильника полного мужчины, на которого надеты странные приспособления, а текст-комментарий гласит: *There it was: the same piece of cake he ate yesterday. His time-machine really worked. Think of the possibilities. He could have his cake and eat it too.* В данном случае используется один из самых распространенных видов иронии, который основывается на переосмыслении известного выражения: *You can't eat your cake and have it too.*

В случаях, когда вербальная часть представлена текстом-комментарием к изображению и словами персонажа, наиболее часто используемым лингвистическим средством достижения комического эффекта является мнимое объединение абсолютно разнородных явлений (19%). Так легче объединить явление, выраженное в одной вербальной части карикатуры, с противоречащим ему явлением, выраженным в другой вербальной части креолизованного текста. Например: *Oh, please! Just who does Jerry thinks he's kidding with that censor strip?!* (разговор двух женщин на нудистском пляже, обсуждающих проходящего рядом мужчину с далеко не самой привлекательной фигурой). В данном случае наблюдается объединение двух разнородных явлений: непривлекательной внешности человека и желания ее обладателя путем обмана доказать, что на самом деле это не так. В англоязычных карикатурах рассматриваемого типа довольно часто встречается прием неожиданного сближения и сопоставления явлений (19% случаев). Например: *Because I'm worth it!* (слова кролика, которому закапывают в глаза жидкость из бутылки с надписью *Shampoo*). В данном примере используется неожиданное сравнение девушки, проносящей этот слоган в рекламе средства для ухода за волосами, с кроликом, который произносит тот же лозунг, но в то время, когда на нем испытывают качество данного средства. В исследованных англоязычных карикатурах реже встречается

такой лингвистический прием создания комического, как преувеличение (13% текстов). Например: *I've got a ticket here somewhere! Honest... (The disadvantages of combat pants)*. Данная карикатура построена на преувеличении, основанном на гиперболизации определенной особенности внешнего вида человека – на штанах с огромным количеством карманов. В англоязычных карикатурах рассматриваемого типа популярно использование такого приема достижения комического эффекта, как ирония (13% текстов). Очень часто основной смысл высказывания не подается прямо, а читается между строк. Например: *Dial 911. And change that to a table for three* (разговор клиентов перед рестораном с табличкой *Please, wait to be seated*, ожидающих свободное место, после того, как один из клиентов упал в обморок). В данном примере видно, как на словах выражается забота о человеке (просьба вызвать скорую помощь), а внутри возникает радость, что на одного человека в очереди стало меньше. С таким же процентным соотношением в исследованных англоязычных карикатурах с целью создания комического эффекта используется прием парадокса. Например:

– *Didn't you see the sign? It says, "No Fishing".*

– *I'm not fishing. I'm teaching these worms how to swim.*

Парадокс в данной карикатуре заключается в том, что маленький мальчик пытается доказать, что учит червей плавать, хотя на самом деле это не имеет никакого смысла.

Рассмотрим наиболее частотные случаи создания комического эффекта, когда вербальная часть представлена текстом-комментарием к изображению, включенным в изображение. Одним из самых распространенных лингвистических приемов достижения комического в данном виде карикатур является ирония (30% текстов). Очень часто в текстах-комментариях, включенных в изображение, выражается одно понятие, а подразумевается другое, которое можно понять лишь с помощью изобразительного компонента. Например, табличка на вешалке со смиренными рубашками гласит: *Overactive Wear*. В этой карикатуре словами выражается то, что продается одежда для очень активных людей, а под понятием «очень активные» подразумеваются люди с психическими расстройствами. Довольно часто в исследованных англоязычных карикатурах используется прием преувеличения. Было выявлено большое количество карикатур, в которых содержание вербальной части не соответствует изобразительному ряду, в котором преувеличивается какое-либо явление. Например, надпись на экране компьютера, адресованная сидящему перед ним пользователю, гласит: *Nice tie*. В данном случае преувеличиваются возможности компьютера и его роль в жизни человека.

В случаях, когда вербальная часть в карикатуре представлена словами персонажа, включенными в изображение, наиболее часто используемым лингвистическим средством достижения комического эффекта является каламбур, основанный на полисемии (25% текстов). Очень часто встречаются карикатуры, в которых высказывания персонажей двусмысленны, за счет чего и достигается комический эффект. Например, в одной из карикатур приводятся следующие слова матери, которая видит, как ее дочь уходит с очень худым молодым человеком: *For the life of me, Ted, I don't know what she sees in him!* В данном каламбуре комический эффект достигается за счет разных значений глагола *to see*: видеть и находить что-либо особенное в ком-то, чем-то. Практически с аналогичной частотой в англоязычных карикатурах рассматриваемого типа используется прием преувеличения (24% текстов). Например: *Yes, Mr Wilson, face transplants are a theoretical possibility... And*

no, you can't have Brad Pitt's. В данной карикатуре комический эффект достигается с помощью преувеличения желания поклонника быть похожим на своего кумира. В исследованных англоязычных карикатурах примерно в два раза реже используется такой прием создания комического эффекта, как ложное противопоставление (13% текстов). Например, в одной из карикатур приводится жалоба мужа жене: *You complain when my toenails are too long, then you complain when I trim them! There's just no pleasing you, is there?!* В данном случае заключительная часть высказывания, в которой муж говорит о невозможности угодить своей жене, по форме подтверждает начальную, а по существу опровергает ее, так как грызть ногти – плохая привычка.

Наконец, рассмотрим случаи создания комического эффекта в карикатурах, когда вербальная часть представлена текстом-комментарием к изображению, включенным в изображение, и текстом-комментарием к изображению, не включенным в изображение. В ходе исследования были обнаружены три лингвистических приема создания комического эффекта, которые употребляются почти с одинаковой частотой. Одним из приемов является преувеличение (34% текстов). Например, на одной из карикатур изображены стоящие на кухне автоматы с надписями *Pop. Snacks. Coffee*. На них смотрит ребенок, думая при этом: *Both parents work. Neither likes to cook*. В этом примере комический эффект построен на преувеличении роли продуктов быстрого питания в жизни человека. Примерно с такой же частотой в англоязычных карикатурах используется прием противоречия (33% текстов). Например, в одной из карикатур комический эффект достигается с помощью угрюмых и несчастных лиц мужчин, на которых надеты галстуки с радостными надписями: *Kiss me, I'm a Dad!; #1 Dad; Dads Rock (The day after Father's Day)*. Прием мнимого объединения абсолютно разнородных явлений используется в исследованных карикатурах с той же частотой, что и прием противоречия. В качестве примера рассмотрим карикатуру со следующим вербальным компонентом: *Fun House. Potato in the Fun House sees himself as a Chip*. В данном случае наблюдается несоответствие поведения героя его сущности: идет перенос присущих человеку элементов поведения на растение, за счет чего и достигается эффект комического.

Таким образом, для достижения комического эффекта в исследованных англоязычных карикатурах используются различные логические и лингвистические приемы, среди которых чаще всего употребляются неожиданное сближение и сопоставление явлений, мнимое объединение абсолютно разнородных явлений, преувеличение и ирония. Отмеченные приемы необходимо учитывать при формализации взаимосвязей вербального и изобразительного компонентов карикатуры с целью порождения данного типа креолизованного текста компьютером.

Список литературы

1. CSL Cartoonstock. URL: <http://www.cartoonstock.com> (дата обращения: 15.12.2017).
2. Stamper, J.B. 101 Super sports jokes [Text] / J.B. Stamper, D. Orehek. – New York : Scholastic INC, 1988. – 96 p.

КИТАЙСКО-КИРГИЗСКОЕ *ZHÈR/ЖЕР* И ЕГО СЕМАНТИКО-ЗВУКОВОЕ ВАРИИРОВАНИЕ

Зулпукаров К.З.

доктор филологических наук, профессор,
Ошский государственный университет, Киргизия, г. Ош

Амиралиев С.М.

кандидат филологических наук, доцент,
Ошский государственный университет, Киргизия, г. Ош

Статья посвящена характеристике семантических вариантов и фонетических трансформ китайско-киргизского общего слога *zhèr/жер*, аргументации его этимологической идентичности.

Ключевые слова: китайский язык (ханью), киргизский язык, общие слова, древнейший звуковой облик слова, семантические варианты, полисемия.

Известно, что в древнекитайском языке было много слогов с конечным *-р*. В процессе его исторического развития происходит выпадение этого звука в финальной части слога и превращение закрытого слога в открытый [3, с. 27; 2, с. 19; 1, с. 496-511].

Необходимо отметить, что не во всех случаях конечный звук *-р* выпадает в китайских слогах, а сохраняется. В этом случае киргизско-китайские общие слова проявляют сходство и в финальной части. Например, киргизский корень с чередующимися начальными согласными *жер-йер-* в словах: *бу жерде/буйерде/биерде* «здесь, тут» (форма с начальным *й-* употребляется в интерпозиции в составе сложных слов, форма с начальным *ж-* – в самостоятельных словах) имеет аналог в китайском языке в виде слога *zhèr* «здесь, тут, в этом месте». Сравнимые слова двух языков имеют общий фонетический облик и близкое значение. Значение китайского слога абстрактное, эгоцентрическое и отражает позицию говорящего лица. Киргизское же слово *жер* полисеманлично и содержит в себя многочисленные значения: «точка, орган человека, линия, земля, почва, грунт, участок, могила, кладбище, место, местность, территория/область владения и пользования, сторона, там (+где, куда, откуда), берег, земная поверхность, плоскость, пространство (в противоположность небу), населенный пункт, село, район, область, край, страна, государство, регион, суша (в противоположность водному пространству), Земля, реальность, здравый смысл, бранный мир, этот свет». В этом списке представлены наиболее продуктивные значения данного слова. На конкретных примерах проиллюстрируем некоторые из этих значений: *чеккен жерим кычышып жатат* «чешется там, где был сделан укол», *Азия менен Европа чектешкен жер* «там, где граничат Азия и Европа», *маркумду жерге беришти* «похоронили усопшего, отдали в землю», *ал кай жерден болот – Таластанбы, Нарынданбы?* «Откуда он родом – таласский или нарынский/из Таласа или из Нарына?», *морьяктарга жер көрүндү* «морякам виднелся берег», *сиз кызматка кетип бараткан жерде мен туулганмын* «я родился там, куда вы едете на работу» и т.д. По происхождению с киргизским словом *жер* связано китайское *zhèr* «здесь, тут, в этом месте». Следует отметить прономинальный характер китайского слога: его значение эгоцентрическое, отражает позицию и видение говорящего. Именно говорящее лицо определяет местонахож-

дение предмета и место происхождения события. По значению этот слог очень напоминает местоименное значение киргизского слова *жер* в сложноподчиненных предложениях с придаточным места. Правда, в традиционном синтаксисе киргизского языка конструкции с «прономинативом» *жер* определяются как простые предложения с осложненной структурой. Мы понимаем эти предложения по-другому, относя их к сложным синтаксическим образованиям с придаточным места. В приведенном предложении синтагма *сиз кызматка кетип бараткан* предикативна и имеет в своем составе подлежащее-субъект *сиз* «вы» и аналитическое сказуемое *кетип бараткан* «едете» (*кызматка* «на работу» является обстоятельством места). Главным предложением здесь выступает синтагма *мен туулганмын* «я родился» с дублирующими признаками первого лица единственного числа. А чем же является слово *жерде* «там, куда»? Оно, конечно, союзное слово в функции обстоятельства места, весьма близкое по местоименному значению к китайскому слогу *zhèr* «здесь, тут, в этом месте». Таким образом, приобретая союзную функцию между двумя предикативными образованиями, слово *жерде* связывает между собою придаточное и главное предложения в рамках одной сложной конструкции.

Сравнивая семантику киргизского и китайского слов, мы приходим к выводу о том, что киргизское слово полисеманлично и только на периферии своей семантической парадигмы соотносится с китайским слогом, имеющим узкое и конкретное значение. Корреляция этих двух лексем, восходящих к одному протокорню, для наглядности может быть представлена в виде схемы.

Семы	Кирг. язык	Кит. язык
«точка»	+	-
«орган человека»	+	-
«линия»	+	-
«земля»	+	-
«почва»	+	-
«участок»	+	-
«могила»	+	-
«место»	+	-
«сторона»	+	-
«там (+где, куда, откуда)»	+	+
«берег»	+	-
«земная поверхность»	+	-
«пространство (в противоположность небу)»	+	-
«населенный пункт»	+	-
«государство»	+	-
«суша»	+	-
«Земля»	+	-
«здравый смысл»	+	-
«этот свет»	+	-

Содержание таблицы свидетельствует о том, что киргизское слово *жер*, в отличие от китайского *zhèr*, представляет собою лексическую единицу с разветвленной семантической парадигмой. Семантика китайского слова соотносится только с одним членом этой парадигмы. Китайское *zhèr*, как и его киргизский эквива-

лент, сохранило в своей финальной части конечный звук *-p*, но его варианты в виде открытых слогов продолжают передавать все семантическое многообразие своего архетипа. В данном случае речь идет о фонетических дериватах пракорня **жер*, которыми являются в ханью 1) *zhèr*, 2) *zhài/zhè/zhāi*, 3) *zài* (с чередующейся инициальной *zh/z*), а в киргизском – *жер* и *жай*. Второй вариант киргизского номинанта функционально идентичен с китайскими однокорневыми слогами.

Все данные рефлексии древнего **жер* выступают в качестве экспонентов значения места.

Локативность – универсальное явление в языке-мышлении. Это объясняется тем, что любая вещь, любое качество или действие существует в пространстве-времени, определяется относительно других вещей, качеств и действий по местонахождению и местоположению. Нет вещей, качеств и действий, не обладающих свойством бытийности и расположенности в мире.

Мы считаем, что одним из важнейших способов передачи локативности и локализованности в ханью является группа слогов, имеющих общее происхождение:

1) *zài* «жить, существовать, быть/остаться в живых, быть дома, быть налицо; обитать в, жить в, находиться в, проживать в, быть расположенным в, занимать место/пункт в/на; входить в (компетенцию), зависеть от, решаться, быть/будучи на месте, (находясь) в положении, быть в числе, являться, быть; там, где»; *zàizài* «повсюду, везде, повсеместно, везде и повсюду»;

2) *zhài/zhè* «жилище, квартира, резиденция, усадьба; могила, кладбище; участок земли, земельная площадь; жить в (доме, квартире), обосноваться/обитать/поселиться в, занимать место, основать, заложить»;

3) *zhāi* «дом, кабинет, общежитие, магазин».

Вторые два слога допускают взаимозамену. Их семантика более субстантивирована, чем смысловой объем первого слога, и менее субстантивирована, чем значение третьего слога. В содержании слога *zài* преобладает значение бытийности и расположенности, значение бытия и существования в пространстве. В графическом изображении названных слогов использовано четыре иероглифа. Что является общим для всех этих слогов? Все они имеют константное значение «место пребывания предмета», которое в реальном речевом употреблении варьируется и приобретает конкретное значение. **Каждый слог имеет свою парадигму семантики**, т.е. множество сем с общим и частными признаками. В речи в соответствии с ситуацией и потребностью общения из этого множества значений выбирается и употребляется самое подходящее.

Такой концентрированности мы не находим в их киргизском эквиваленте. Киргизский язык имеет слово *жай* «место, местоположение, местонахождение, местожительство, жилье, жилище, могила, кладбище ...», которое этимологически и функционально связано с китайскими слогами, приведенными выше. Соответствия *z* = *ж*, *zh* = *ж* мы находим и в других примерах: 1) *zài* «ноша, груз, нагрузка» = *жүк* «груз, вьюк, ноша, нагрузка»; *zàn* «сопровождать, сопровождение» = *жандоо* «сопровождать, сопровождение»; 2) *zhǎng* «толстый, грузный» = *жоон* «толстый, грузный»; *zhǎng* «ладонь, лапа» – *жаң* «жест (движение рукой)» и т.д. Финальные соответствия в виде *ай* = *ай* и *е* = *ай* также находят аналогию: 1) *cǎi* «выбирать, избирать» = *сайлоо/шайлоо* «выбирать, выборы»; 2) *chāi/chè* «разлагать на части, разбивать, разрывать, прорастать (о зерне)» = *чайлоо* «буйно прорастать, разрастись (о зерне), дружно покрыться зеленью или всходами (о земле)».

Таким образом, этимологическая связь между китайскими и киргизскими номинантами значения «место пребывания предмета» налицо и не вызывает никаких сомнений.

Теперь мы покажем, с какой степенью рассредоточенности передается эта сема в составе гнезда словоформ, организующим центром которого является корневая морфема *жай* с константным значением «место пребывания предмета».

1. Слово *жай* в номинативной функции. Оно номинирует различные объекты: предметы, явления, их свойства. В этой функции словоформа передает разнообразные семы без участия аффиксальных морфем. Перечислим основные семы этого слова:

- а) «место»: *эл орношкон жай* «населенное место»;
- б) «жилье»: *турак жай* «жилье, жилище»;
- в) «квартира»: *биз турган жай экинчи кабатта* «квартира, где мы живем, на втором этаже»;
- г) «дом»: *жай салдык* «мы построили дом»;
- д) «мастерская»: *бут кийим оңдоочу жай* «мастерская по ремонту обуви»;
- е) «могила»: *жай казышты* «рыли могилу»;
- ж) «кладбище»: *жай аркылуу өттүк* «прошли через кладбище»;
- з) «заведение, предприятие»: *өнөр жай* «промышленное предприятие», *окуу жай* «учебное заведение»;
- и) «отрасль жизнедеятельности»: *жеңил өнөр жай* «легкая промышленность»; в последних трех примерах допускается вариативность: *жай/жайы*;
- к) «дом, имущество и семья, вместе взятые»: *уй жай кандай?* «как семья, дом, имущество?»;
- л) «покой, успокоение»: *көңүлү жай алды* «на душе (у него) стало спокойно, он успокоился; (букв. «душа получила покой/успокоение»); *жаны жай таппайт* «не знает покоя»;
- м) «мир»: *чын жай/аркы жай* «загробный мир» (букв. «настоящее/то место»);
- н) «медленно, медленный»: *жай кадам* «медленный шаг», *жай сүйлө* «говори медленно»;
- о) «спокойно, спокойный»: *жай кабыл алды* «принял спокойно, встретил спокойно»; *жай жооп* «спокойный ответ»; *жайма-жай* «спокойно, не спеша»;
- п) «свободно, свободный»: *жай чарба* «свободное (частное) хозяйство»; *жай киши* «свободный (частный, посторонний) человек»;
- р) «основа, основание»: *сөгүшкө жай жок* «нет оснований для выговора»;
- с) «расправа»: *далай жоону жай кылган* «учинил расправу над множеством врагов; прикончил много врагов»;
- т) «без цели, без забот»: *жай баратам* «иду бесцельно», *жайбаракат* «беззаботное состояние»;
- у) «стели, расстилай, развешивай, распускай, раскрывай»: *кир жай* «развешивай белье», *чачыңы жай* «расплетай волосы» и т.д. Эти и многие другие значения лексемы-слога *жай* напоминают словоупотребление в китайском языке: она используется в начальной номинативной форме. Ее семантическая парадигма для каждого контекста выделяет одну сему, отличную от других. Совокупность всех сем образуют одну смысловую парадигму с инвариантным значением. Каждая сема – элемент парадигмы, содержит в себе общее и индивидуальное значения.

2. Слово *жай* в релятивной функции. С помощью аффиксов слово входит в дискурс, в речь. В этой функции оно принимает дополнительную нагрузку, входит в состав морфологически осложненного слова и становится начальной частью комплекса морфем. Семантика корня приобретает дополнительное содержание и конкретный контекст, допускаемые его смысловой валентностью и парадигмой. Отметим некоторые агглютинативные морфологические образования, начальным структурным элементом которых выступает корневая лексема *жай*:

а) лично-посессивное словоизменение: *турак жайым бар* «у меня есть жилье», *турак жайың барбы?* «у тебя есть жилье?», *турак жайы барбы?* «есть у него жилье?», *турак жайыбыз бар* «у нас есть жилье», *турак жайыңар бар* «у вас есть жилье», *турак жайыңыз бар* «у Вас (одного, уважаемого) есть жилье», *турак жайыңыздар бар* «у Вас (многих, уважаемых) есть жилье», *турак жайы бар* «у них есть жилье» (формы ед. и мн. ч. 3-го лица омонимичны); во всех случаях субстантив в лично-посессивной форме является субъектом высказывания, обладатель заключается в лично-притяжательных аффиксах;

б) падежное словоизменение: субстантив *жай* в атрибутивной и адвербиальной позициях имеет начальную форму, подвергается склонению двух типов – нейтрального и лично-посессивного; формы нейтрального склонения: *турак жай бар* «имеется жилье, жилище» (номинатив), *турак жайдын ээси* «хозяин жилья» (генитив I), *документтер турак жайдыкы* «документы относятся к жилью» (генитив II), *турак жайдык маселе* «вопрос, касающийся жилья» (генитив III), *турак жайлуу болдук* «мы приобрели жилье; мы обладаем жильем» (обладательный падеж), *турак жайсыз калдык* «мы остались без жилья, лишились жилища» (лишительный падеж), *турак жайды сатты* «продал жилье» (винительный падеж), *турак жайга муктаж* «нуждается в жилье» (дательный падеж), *турак жайдан ажырады* «лишился жилья» (исходный падеж), *турак жайдай кенен* «просторно как жилище» (сравнительный падеж), *наркы турак жайча жок* «стоимость не сравнить с жилищем» (уравнительный падеж), *турак жайда ремонт болбогон* «не было ремонта в жилье» (местный падеж), *турак жайдагы ызы-чуу* «скандал в жилье» (местный II) и т.д.; отметим, что лично-посессивное словоизменение само допускает изменение по падежам: *турак жайымы/жайымды көрдүң* «ты увидел мое жилье» (винительный падеж), *турак жайымын/жайымдын абалы* «состояние моего жилья» (родительный падеж I) *турак жайыман/жайымдан башка* «кроме моего жилья» (исходный падеж) и т.д.;

в) приобретение значения мн. ч. при помощи аффикса -лар: *турак жай* – *турак жайлар кымбаттады* «дороже стало жилье – стали жилья» (именительный падеж), *турак жайдын* – *турак жайлардын наркы* «стоимость жилья – квартир» (родительный падеж I) и т.д.;

г) образование новых слов: глаголов, существительных, прилагательных и других разрядов лексем.

Глаголообразование: спряжение глаголов *кой жайам* «пускаю овец на пастьбу», *кой жайасың, жайасыз, жайат, жайабыз, жайасыңар, жайасыздар, жайышат*; *кой жайдырам* «заставлю пасти овец», *жайдырасың, жайдырасыз, жайдырат, жайдырабыз, жайдырасыңар, жайдырасыздар, жайдырышат* и т.д. по формам залога, склонения, времени и пр., а также деепричастий (*жайа* «растоптавая», *жайлаша* «располагаясь», *жайнай* «рассыпаясь широко и во множестве», *жайыла* «распространившись, развернувшись»; *жайдыра* «заставляя развешать» и

др.), причастий (*жайчу* «расстилающий, развешивающий», *жайган* «развешавший» и др.) с формами спряжения.

Образование субстантивных слов: *жайыт* «пастбище, пастьба, простор, раздолье, ширь», *жайкана* «кладбище», *жайлоо* «летовка, летнее пастбище» и пр.; прилагательных: *жайма* «распростёртый, разбросанный, распушенный», *жайык* «раскинувшийся, распростёртый, широкий», *жайылуу* «разостланный, распростёртый, раскинутый, распушенный», *жайылма* (то же самое), *жайпак* «плоский» и т.д. и наречий: *жайынча* «просто без причины» (*жайча/жайынча эле* «да так себе»; это форма уравнительного падежа), *жайкысын/жайында* «летом, в летнее время» и др.

Здесь приведены только отдельные примеры. У нас просто нет возможности даже бегло проанализировать соответствующие факты. Формообразование корня-слога *жай*, способы расширения его семантики – отдельная тема для разговора. В данном случае мы попытались показать, как растворяется единая сино-киргизская сема слова-слога *zhài/zhè/zài/zhāi/жай*, возводимая к семантике пракорня **жер/zhèr*, в многообразных агглютинативных образованиях киргизского языка. Она присутствует в значении начальной морфемы слова *жайгаштырдыңыздарбы / жайлаштырдыңыздарбы?* «вы (его) обустроили?», которое состоит из корня *жай* и аффиксов *-гаш/-лаш* со значением совместного действия, *-тыр* со значением полнудительности, *-ды* со значением результативного прошедшего времени, *-ң* со значением 2 лица в значении «ты», *-ыз* со значением уважительности к собеседнику (*-ң+ыз* «Вы» в ед. ч.), *-дар* со значением мн. ч. (усиливает значение уважительного отношения ко 2 лицу), *-бы* со значением вопроса. Некоторые из этих аффиксов находят отдаленные сходства с китайскими слогами. Звуковая гармония и смысловое единство объединяют эти морфемы в рамках слова. Инвариантный смысл «место пребывания предмета» присутствует только в семантике первого компонента. А остальные части слова, последовательно сочетаясь между собою в соответствии с законами киргизской агглютинации, координируясь и дополняя друг друга, расширяют значение корня и, развертываясь в рамках его сочетательной валентности, вводят слово в речевую цепь. Подобные образования составляют специфику киргизского языка и представляют сравниваемые языки как морфологически разнотипные.

Исходя из вышеизложенного, считаем, что в сравниваемых языках сохранился пракорень *zhèr/жер*, который на базе китайского языка имеет прономинативное (местоименное) значение, а на базе киргизского языка получил качество многозначности. Под воздействием закона компрессии и открытого слога китайское *zhèr* преобразуется в полисемантические открытые слоги *zhài/zhè/zhāi/zài*, состав значений которых почти идентичен смысловой системе киргизского слова *жер*.

Список литературы

1. Зулпукаров К.З. Введение в китайско-киргизское сравнительное языкознание. – Бишкек, 2016. – 768 с.
2. Румянцев М.К. По поводу эризации в китайском языке // Разыскания по общему и китайскому языкознанию / Ред. С.Е. Яхонтов. – М., 1980. – С. 16-25.
3. Яхонтов С.Е. Древнекитайский язык. – М., 1965. – 158 с.

ПРОБЛЕМА ЭКОНОМИИ АРТИКУЛЯЦИОННЫХ УСИЛИЙ ГОВОРЯЩЕГО И СУДЬБА КОНЕЧНОГО -*р* В ЭТИМОЛОГИЧЕСКИ ИДЕНТИЧНЫХ СЛОВАХ КИТАЙСКОГО И КИРГИЗСКОГО ЯЗЫКОВ

Зултукаров К.З.

доктор филологических наук, профессор,
Ошский государственный университет, Киргизия, г. Ош

Амиралиев С.М.

кандидат филологических наук, доцент,
Ошский государственный университет, Киргизия, г. Ош

В статье сравниваются китайско-киргизские общие лексемы, которые имеют идентичное происхождение. В ней доказывается, что киргизские слова сохранили древнейший фонетический облик слова с конечным -*р*, утраченным в китайском языке.

Ключевые слова: китайский язык (ханью), киргизский язык, общие слова, древнейший звуковой облик слова, конечный -*р*.

В естественных языках существует общая тенденция к экономии времени и артикуляционных усилий, называемая компрессией. Компрессия предполагает передачу большого объема информации при меньшем числе языковых знаков. Именно на ней базируется появление в языке разнообразных аббревиатур и эллиптических синтаксических образований. Эта тенденция широко действует в китайском дискурсе. Вместо того, чтобы сказать *Русь*, *Россия*, *русский*, *российский* и т.д., китаец употребляет односложную лексему *лу*, заключая в ней семантику всех названных слов и дифференцируя их различия в контексте. Он вместо труднопроизносимого дрожащего *р*- использует *л*-, а остальные части слов заменяются гласным звуком -*у*, подвергаясь сильному «сжатию». Односложное *лу* соответствует природе китайского языка, где действует закон открытого слога и звук *р* встречается крайне редко.

В древнекитайском языке звук *р* был продуктивным в инициальной части слога. Вместо него в этой позиции появляется звук *ж* [1, с. 313-320; 2, с. 99]. Звук *р* сохранился в отдельных южных диалектах китайского языка и в родственных ему языках Евразии, в том числе в тюркских.

Этот звук был распространенным и в конечной части слога. В этой позиции он выпал под действием закона благозвучия, рифмовки и открытого слога. Например, древний слог *lur* «гром» в современном языке звучит просто и почти открыто в виде *lei* [6, с. 27; 4, с. 98-104]. Мы ниже приведем киргизские исходные корневые морфемы, которые, по нашему предварительному предположению, сохранили в конечной части лексической единицы звук *р*, и рассмотрим целый ряд киргизских слов, которые имеют на конце звук -*р* и которые соответствуют в китайском языке открытым слогам.

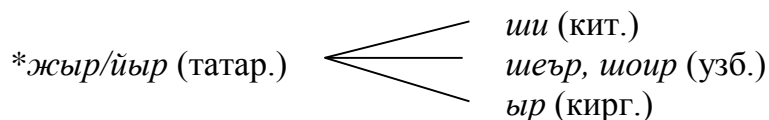
Киргизские слова *шыр* «быстро, ловко, без запинки, без остановки» (*шыр жооп кайтарды* «ответил ловко»), *шар* «быстро, бегло, без запинки, без остановки» (*шар окуйт* «читает бегло», *шарт бурулду* «повернулся быстро и резко», *шаркыратма* «водопад») имеют общий фонетический облик, состоят из трех звуков – гласных *ы* и *а*, обрамленных идентичными согласными по формуле *ш...р* и обладают свойствами синонимии. Они по форме и значению очень напоминают

китайские слоги *shù* «быстрый, поспешный, мгновенный, мимолетный; быстро, поспешно, мгновенно» и *shǐ* «быстрый, скорый; мчаться, скакать, быстро двигаться; гнать, подгонять, править, управлять». Из этих двух слогов первый семантически идентичен с киргизскими словами, а второй характеризуется полисемией и содержит не только адъективную и адverbиальную, но и глагольную семантику. Исходя из положения, высказанного С.Е. Яхонтовым, мы можем предположить об этимологической тождественности киргизских и китайских слогов-корней, допуская о вероятном выпадении конечного *-p* в китайских примерах и его сохранности в киргизских словах.

В киргизском и китайском языках аналогичных примеров немало. Например, киргизское слово *шаар* (узбекское и таджикское *шахар* с эпентетическим звуком *x*) «город, город-крепость, городская стена» семантически соотносительно с китайским многозначным слогом *shì* «город, городской, рынок, базар, рыночный, покупной, людное место, городская площадь, место сборищ, публичный; сборник, толпа, рой». И в данном случае мы можем утверждать об идентичности приведенных из двух языков лексем по происхождению. Данный пример по закону аналогии поддерживает этимологическую тождественность и следующих пар примеров.

Киргизское *шир-* в словах: *ширин* «сладкий, приятный», *шире* «сироп, навар, сладкий сок», *ширелуу* «сочный, приятный на вкус» легко сравнивается с китайским слогом *shì* «любить на вкус, любить (что-либо), иметь склонность (пристрастие) к», содержащим в своей семантике процессуальность, в отличие от киргизского слова с предметно-определятельным значением. Сравнимые примеры имеют общую сему «приятный вкус». В тюркологической литературе корневая морфема *шир-* считается заимствованием из иранских языков. Мы сомневаемся в том, что она проникла в киргизский, узбекский и другие тюркские языки из пехлевийского (мертвого), таджикского или какого-либо другого языка иранской ветви индоевропейской семьи языков.

Мы можем возвести к одному пракорню киргизское слово *ыр* «песня, стихотворение, стихи» (*ыр ырдоо* «петь песню», где мы имеем дело с типологически сходным повтором в киргизском и русском языках) и китайские *shī* «стих, стихотворение, стихи, поэзия; стихотворный, поэтический, поэма», *yǐ* «песня, наслаждение» с чередующимися инициальными звуками (*sh/y*, т.е. *ш/й*). На первый взгляд, в киргизском и китайских примерах отсутствуют общие звуки, имеется только общий смысл. Обращение к фактам других тюркских языков позволяет заключить, что в киргизском слове *ыр* выпал начальный звук, соответствующий китайской инициали *sh-/y*: казах. *жыр*, татар. *жыр/йыр* «песня» (*ж/й*), узб. *шеър* «стихотворение», *шоир* «стихотворец, поэт», казах. *жырау* «певец», кит. *shīrén* «поэт, стихотворец». Примеры других тюркских языков служат основанием для реконструкции архетипа **жыр/йыр*, сохраненного в татарском языке, лишившегося инициального консонантного звука в киргизском языке и финального дрожащего звука в китайском. Факты языков подтверждают распространенность чередования *ш/ж/й* в тюркских и сино-тибетских языках. Схематически происхождение киргизского слова *ыр* в следующем виде:

Как видим, примеры четырех сравниваемых языков соотносятся друг с другом по-разному. По нашему предположению, в татарском примере сохранена форма, в узбекском межконсонантный гласный преобразован в сочетание двух гласных, в китайском выпал конечный *-p*, в киргизском – начальный согласный. Данное сравнение поддерживается еще несколькими примерами. Киргизское слово *шер* «лев, львиный; храбрый, отважный, смелый» в контексте сравниваемой группы лексико-фонетических соответствий может быть легко идентифицировано с китайским слогом *shī* «лев, львиный, свирепый», демонстрирующим факт выпадения конечного *-p*.

Киргизское слово *жар* «клич, оповещение, извещение, объявление (через глашатая)», встречающееся в корневой части слов *жарлык* «указание, указ, распоряжение (правителя, хана, руководителя)», *жарыя* «объявление, оповещение» и в составе идиомы *жар айтуу* «сделать оповещение, объявлять, сообщать народу (о свадьбе, пире, начале войны и т.д.)», по нашему предположению, находится в этимологической связи с китайским слогом *shì* «выражать, изъяслять, показывать, демонстрировать, проявлять; сообщать, объявлять, доводить до сведения; учить, поучить, намечать, обучать; указание, директива, объявление, извещение, уведомление», сжато и объемно передающим целый комплекс значений, которые соответствуют семантике корня, производных слов и идиомы в киргизском языке. В данном случае мы можем говорить о возможности киргизской лексемы расширяться направо, агглютинироваться и выражать новые значения с помощью суффиксов и постпозитивных лексем (в идиомах и словосочетаниях), о способности китайского слога компрессионно заключать в себя разнообразные смыслы.

Есть основание для сравнения киргизского слова *саар* «рассвет, раннее утро» с китайским слогом *shǐ/shù* «рассвет, заря, утро, утренний, в одно прекрасное утро». В этих примерах инициальные звуки двух языков представляют собою чередование *с/ш*. Такое чередование не является исключительным в этимологически идентичных словах сравниваемых языков. Его мы встречаем в целом ряде примеров как в китайском языке, так и в китайско-киргизских соответствиях. Чередование *с/ш* имеет место в китайских слогах: *sòu* «промывать, подмывать» и *shuǐ* «вода, водоем, водоемы, река, течение, водный; водная стихия, наводнение, потоп; жидкость, сок, жидкий, сочный; аква-, гидро-, ватер-», которые сравниваются с киргизскими словами *суу* «вода, река, речная долина; сырой, влажный, мокрый (фонетические варианты *сув/суй/сы/су*)», *суу/сууш* «охлаждаться, становиться холодным, остывать; становиться поджарым, подтянутым в результате систематического и обильного выпота (о коне, тренируемом к скачкам); охладевать, отчуждаться», *сугар-/сугаруу* «поить (животных), орошать, поливать; закалять (железо); полив, орошение, поение, закаливание (железа)», *суюк* «жидкий, редкий, беспутный»; *суюлуу* «разжижаться, становиться редким». А в следующем примере китайскому начальному *ш*- в киргизском соответствует начальное *с*-: китайское *shun* «послушный, покорный, почтительный, согласный; соглашаться, одобрять, охотно подчиняться, слушаться, придерживаться; считать послушным (почтительным), дарить благосклонностью, любить, относиться с любовью (ласково)» – киргизское *сонун* «хороший, замечательный, интересный, приятный» (*сонун киши* «хороший человек, интересный человек», *сонун көрүнөт* «хорошо видно, кажется приятным, представляется интересным, забавным»; *сонун болду* «получилось прекрасно, прошло замечательно»; *сонун тосуп алды* «встретил замечательно, принял с почтением»). Следовательно, мы считаем этимологически тождественными китайские слова на *ш*- и киргизские на *с*-.

В нашей картотеке имеются примеры, этимологически соотносительные с китайскими, но под действием процессов диерезы и эпитезы получившие совершенно иной фонетический облик. Киргизский прономинатив *нары/ары* «туда, дальше, по ту сторону; тот, та, то, те» (*нары/ары жак* «та сторона»), употребляемый в атрибутивной и адвербиальной функциях, допускает сравнение с китайским наречием *nàr* «там, в том месте» (ср. *nà* «тот, та, то»). В отличие от последнего, киргизский прономинатив, используемый в двух звуковых вариантах, имеет в своем составе эпитетический звук *-ы*. При этом второй вариант подвергся диерезе, лишившись начального согласного. Как видим, в сравниваемых примерах китайский слог проявляет заметную фонетическую устойчивость относительно киргизских соответствий.

Киргизский связанный корень *кор-*, представленный в словах: *коро-/короо* «уменьшаться, убавляться, расходоваться напрасно, тратиться зря; бесполезный расход, пустая трата», *коромжу* «ущерб, напрасная трата, бесполезный расход, потеря», *корот-/коротуу* «уменьшать, наносить ущерб, истощать добро, расходовать напрасно, тратить зря; уменьшение, нанесение ущерба, напрасные расходы, потеря» и т.д., имеет явную этимологическую связь с китайским слогом *hào* «уменьшаться, пустеть, приходить в упадок, упадочный, скудный, бедный; иссякать, исчерпывать, истощаться, кончаться, амортизироваться; утриска, утечка, амортизация; тратить, расходовать, опустошать, истощать, изнашивать, снашивать, потреблять, амортизировать», который, вероятно, в древности обладал финалью на *-р*. Данное предположение поддерживается и другими аналогичными фактами в двух языках. Например, киргизское слово *куу* «сухой», варьирующийся корень *куур-/кур-* в словах: *куура-/кууроо* «засыхать, иссякать, уничтожаться, истощаться (о земле, почве), изматываться, обессилевать, доходить до изнеможения; засуха, истощение, изнеможение», *куурат-/кууратуу* «привести к засыханию, истощению, изматыванию, истощению», *куру-/куруу//курга-/кургоо* «сохнуть, высыхать, усыхать, иссякать, истощаться, вымирать, уничтожаться, изничтожаться; захиреть, заплошать; высыхание, усыхание, истощение, вымирание», *кургат-/кургатуу* «сушить, высушивать», *курут* «высушенные шарики из творога», *куруган жер* «высохшая почва», *кургур* «бедный, жалкий, истощенный (о человеке)» и другие, и фонетически, и семантически сопоставимо с китайскими слогами: 1) *hě/hào* «высыхать, пересыхать; высохший; застывать, замерзать, высушивать, осушать»; 2) *gāo* «сухой, высохший, сушеный, высыхать, засыхать»; 3) *kū* «увядший, пересохший, иссякший, высохнуть, пересохнуть, сухостой». По аналогии с предыдущими сравнениями и в данном случае мы вправе допустить наличие конечного *-р* в древнекитайской форме этих слогов и реконструировать их общий архетип в виде **kur*, который, на наш взгляд, в неизменной форме сохранен в киргизском языке. С этим архетипом, вероятно, связано киргизское *куур-* в словах: *куурдак/куурма* (в говорах) «жаркое, жаренное мясо» (*-ма* в слове *куурма* ср. с кит. *tǒ* «измельчаться, размалываться; измельчать, размалывать»); *куур-/куруу* «жарить, поджаривать, жестоко обращаться, быть беспощадным, не щадить», формально и по смыслу соответствующее двум китайским словам: 1) *hǒu* «огонь, пламя, очаг, жаровня, внутренний жар, пыл, гнев; жечь, палить, подвергать действию огня, гневаться, сердиться»; 2) *kǎo* «жарить, поджаривать, печь (на огне), жареный, печеный».

Киргизский суффикс *-кыр* в словах: *кыйкыр-/кыйкыруу//кычкыр-/кычкыруу* (в говорах) «кричать, окрикивать, вопить, голосить, петь (о петухе), окликать, звать; провозглашать, громко бранить, страшить; крик, окрик, возглас, вслух, пение

(о петухе)», *кыйкырып окуу* «читать вслух»; *кыйкырт-/кыйкыртуу//кычкырт-/кычкыртуу* (в говорах) «заставить кричать, заставить громко бранить», *кыйкырык* «крик, гневный крик, окрик, громкая брань» сравним с китайскими слогами *hào* «кричать, вопить, жаловаться, громко плакать, рыдать, голосить, петь (о птицах), запевать, реветь, рычать, выть, окликать, звать, взывать к; называть, давать прозвище, прозвище, название, наименование» и *hè/hē* «кричать, выкрикивать, провозглашать, возвещать, называть во всеуслышание, гневно кричать, громко бранить, страшать, орать; крик, возглас, гневный крик, окрик», а также с русским звукосоотнесением *кр-* в словах *кричать, крик*, которое встречается во всех славянских языках.

В контексте сравниваемых примеров заслуживает внимания соответствие киргизского связанного корня *кар-* в словах: *кара-/кароо* «смотреть, глядеть, осматривать, обращать внимание, смотреть за, следить за, ухаживать за, навещать, проводивать, заботиться о, ждать, ожидать, исследовать, осматривать, изучать, разведывать; осмотр, ухаживание, изучение»; *карай* «по направлению к, к», *ата-энесин карабайт* «не заботится о родителях» и т.д. в китайском языке, в котором слог *hòu/hǒu* выражает значения «навещать, справляться о здоровье, ухаживать за, встречать и провожать, ждать, ожидать, чаять; разведывать, следить за, высматривать, исследовать, осматривать; гадать о, предугадывать; разведчик, лазутчик, разведка». И здесь китайский слог является открытым и лишенным древнего финального звука *-р*, сохраненного в киргизском эквиваленте. С этой позиции интересна этимологическая связь киргизских корней 1) *кур-* в словах: *курбу/курдаш* «ровесник, сверстник, единомышленник, друг, ровня, люди одного возраста или социального положения; супруг, супруга», *курбу-курдаш* «ровесники вместе взятые, люди одного возраста, вместе», *курдаштык* «чувство, связывающее сверстников и единомышленников»; 2) *кор-* в словах: *кору-/коруу* «охранять, беречь, защищать, ухаживать за; охрана, защита», *корут-/корутуу* «заставить, защищать, беречь», *коргон-/коргонуу* «защищаться, обороняться, укрываться от преследования; защита, оборона» и китайских слогов 1) *hù* «свита, сопровождающие, челядь, клеврет, наемник, слуга, конюх; сопровождать, составлять свиту, обслуживать, сдерживать, останавливаться», 2) *hù* «защищать, беречь, охранять, прикрывать, сопровождать, брать под защиту, покровительствовать, принимать сторону, не выдавать, ходить за, ухаживать за, вести за собой, предводительствовать, руководить». Эти киргизско-китайские лексемы имеют общую семантику «охрана», которая вбирает в себя понятийное содержание киргизского корня *кор-* в словах: *коргон* «крепость, твердыня, защита, высокая глинобитная стена (вокруг дома, могилы), загон для скота», *короо* «двор, дворовой, хозяйство, стадо овец, овечий загон», *корук* «ограда, огороженное место, охрана, защита», который легко сравнивается с китайским слогом *hù* «двор, хозяйство, дворовый, подворный, семья, род, отверстие, вход, нора, пещера, логово» (ср. русские слова *крепость, город, ограда, похоронить, хранить*, в которых первые звуко сочетания в виде *кре-, гор-, гра-, хор-* и *хра-* очень напоминают киргизские, если допустить перестановку звуков – переход межконсонантного гласного на постпозицию в трех случаях и одновременное возникновение стечения согласных в начале корней).

Среди киргизских колеронимов только одна группа лексем с корнем *кар-*, представленным в словах: *кара* «черный, вороной, темный, брюнет, бурый (о верблюде), темный», *караңгы* «темный, темнота, ночной, ночь, непросвещенный, глупый, тупой, непонятный, непонятно», *көзү караңгылады* «в глазах потемнело» и т.д., имеет аналогичное соответствие в китайском языке, котором варьируемый

слог *hēi/hē* передает значения «черный, чернеть, темный, темнеть, меркнуть; тайный, нелегальный, преступный, темный, непросвещенный, глупый, тупой, ошибочный; чернота, черный цвет, зло, неправда, темнота, потемки, ночь, вечер, вечерний, потемнело (в глазах), чувствовать головокружение». Ясно, что признание этимологической идентичности сравниваемых корней позволяет высказать предположение о том, что китайский пракорень был закрытым и имел на конце звук *-p*.

Киргизское слово *жар* «обрыв, яр, крутой берег, обрывистый, скалистый» соответствует двум китайским открытым слогам: 1) *yái/yā* «скала, утес, выступ, обрыв; обрывистый, скалистый, крутой берег (реки), береговой; край, пределы, рамки»; ср. уйгур. *йа/йар*, лобнор. *йай*, хакас. *чар*, чув. *сыр*, якут. *сыыр*, туркм., казах., кара-калп., узб. диал. *жар*, тур., караим., кумык., ног., татар., башк., узб. *йар*; 2) *qí/qī* «крутизна, обрыв, неровности; крутой, обрывистый, опасный». Первый китайский слог, произносимый в двух вариантах, проявляет идентичность с уйгурским *йа* и лобнорским *йай*. Носители последних двух тюркских языков живут в тесном контакте с ханзу и под влиянием китайского языка в их названиях обрыва произошло упрощение, выпал конечный *-p*, сохраненный в других тюркских языках. Эти примеры представляют собою переходный случай между тюркскими и китайскими номинантами обрыва, что хорошо демонстрируется вариативностью уйгурского названия: закрытый слог сохранил древнейший фонетический облик слова, а открытый слог отражает тенденцию к компрессии и благозвучию. Что касается второго китайского слога, то он только дополняет предыдущее сравнение, потому что начальное тюрко-китайское чередование *ж/й/у/ч* является характерной особенностью идентичных инициалей в сравниваемых языках. Например, китайский слог *qī* «класть кровлю, накрывать, покрывать; чинить, ремонтировать (дом), соединять, связывать, собирать вместе» может быть отождествлен с киргизскими корневыми морфемами: 1) *жап-/жабуу* «крыть, покрывать, закрывать, затворять, покрыть сплошь» (ср. узбекское *йоп-* в том же значении); 2) *жый-/жыйуу* «собирать, собрать в кучу, накапливать», *жыйна-/жыйноо* «собирать», *жыйын* «собрание» (ср. узбекское *йык-* в говорах в том же значении). В данном случае мы имеем дело с чередованием *ч/ж/й* в трех языках, совпадающим с чередованием инициалей и в следующих примерах: китайские слоги: 1) *qīng* «легкий, легковесный, налегке; слабый, легко, слегка, тихо, слабо, бледно; облегченный, нетрудный, простой; непринужденно, свободно; облегчать, смягчать, уменьшать, недооценивать, низко ставить»; 2) *qīng* «поверхностный, неглубокий, легкомысленный, опрометчивый, ветреный, несерьезный, необдуманный; поверхностно, сверху, неглубоко; проворный, подвижный, ловкий, легкий, мягкий, снисходительный» этимологически тождественны со словами – киргизским *жеңил* и узбекским *йенгил* в значении «легкий, легко, простой, просто; ловкий, проворный, подвижный, легкомысленный, неглубокий, ветреный, опрометчивый». И здесь мы обнаруживаем типичное для инициалей сравниваемых языков чередование согласных. К этой же формуле подходят и следующие киргизско-узбекско-китайские примеры: киргизское *жар-/жаруу* и узбекское *йор-/йормок* «колоть, раскалывать, резать, задрать, загрызть (о хищнике)» и китайское *qiáo* «рубить, рубка» хорошо демонстрируют данный тип чередования.

Сближение киргизского *сыр* «краска, полировка, лак», *сыр сырдоо* «красить, полировать, покрыть лаком» с китайским *qī* «лак, лаковый, лакированный; покрывать лаком, лакировать» тоже основано на предположении о том, что в китайском языке в результате выкидки конечного дрожащего, неудобопроизносимого согласного образовался открытый слог. Что касается чередования звуков в анлауте в виде

c/q, то оно тоже продуктивно представлено в сравниваемых языках. Для демонстрации данного вида чередования приведем два примера: 1) китайские *qíu* «просить, умолять, спрашивать с; стремиться к, добиваться, требовать; искать, разыскивать, жадно стремиться к, обращаться за помощью к, изыскивать, вникать, докапываться, доискиваться, обнаруживать; спрос, заказ, требование» и *qíá* «просить, умолять, спрашивать с, стремиться к, добиваться, требовать, искать, разыскивать, обращаться за помощью к, изыскивать, вникать, докапываться, доискиваться, обнаруживать; спрос, заказ, требование» соотносятся с киргизскими примерами *сура-/сууро* «просить, спрашивать, просьба, вопрос», *суран-/сурануу* «просить, умолять, просьба, мольба», *сурак* «допрос»; 2) китайское *qíu* «теснить, наседать, жать, сбивать вместе, объединять, загонять, ловить, заканчивать» допускает сопоставление с киргизскими лексемами *сык-/сыгуу* «жать, выжимать, сжимать, бить, давить, теснить», *сыкма* «то, что получается при выдавливании», *сыгынды* «выжимки», *сыгылуу* «сдавливаться, сжиматься, втискиваться, выдавливаясь» и фразеологизмами *бит сыгуу* «давить (бить) вшей», *сыга кучактап* «крепко обняв»; ср. метатезу *кыс-/кысуу* = *сык-/сыгуу* в рамках корня *kes-/sek-*. Как видим, в приведенных двуязычных соответствиях убедительно демонстрируется регулярность анлаутного чередования *c/q*.

Киргизский корень *тур-* в словах *туруу/турмак* «стоять, находиться, подниматься, вставать»; *тургуз-/тургузуу* «поднять (с места), поставить (на ноги), заставить вставать (с постели), ставить на ноги, установить вертикально, возводить, строить; установка, возведение, строительство» семантически сближается с китайским слогом *qí* «подниматься, вставать на ноги, выпрямляться, подниматься от сна, вставать с постели, вставать после болезни, поправляться; взмывать, взлетать, выситься, вздыматься, восходить, сдвинуться, отодвигаться, начинаться, возникать, зарождаться, появляться внезапно, вдруг обнаруживаться; поднимать с постели, воскрешать, поднимать, ставить на ноги, обеспечивать, возводить, выводить наружу». Анлаутное чередование *m/q* в этих примерах не является единичным и встречается в целом ряде других случаях. Например, китайский слог *qián* «деньги, монета» имеет в киргизском языке эквивалент, начинающийся со звука *m-*: *теңге/таңга* (в говорах) «деньги, монета», рус. *деньги*, казак. *теңге* «деньги, рубль».

Киргизский варьирующий корень *бор-/боор-* в словах: *борпоң* «рыхлый, дряблый, пухлый», *боржок* «вздутие, поднявшаяся пена», *боржокто-/боржоктоо* «вздуться, пениться», *боркулда-/боркулдоо* «бурно кипеть, бурное кипение», *борокто-/бороктоо* «бурлить», *борсоюу* «слегка выпячиваться (о животе), быть пухленьким (о щеках, лице)», *борпоң* «рыхлый, дряблый, пористый», *боорсок* «печенье в виде жаренных в жире ромбиковых кусков теста», вероятно, этимологически связан с китайским слогом *pào* «пузыри, пена, пузырь; волдырь, прыщ, альвеола, вспученность, вздутие, припухлость, разбухший (припухший) предмет, куча; рыхлый, дряблый, неплотный, пористый, ячеистый, пышный, воздушный (о хлебе)». В данном контексте интересно сравнение киргизских корней *бор-* и *бур-* в словах: *борк-борк* «бурное кипение», *боркулда-/боркулдоо* «бурно кипеть, бурное кипение», *буркулда-/буркулдоо* «бурлить, бурно кипеть, разъяряться, свирепеть; бурление, бурное кипение, свирепствование» с китайским варьирующимся по тону и признаку «дифтонг-монофтонг» слогом *fèi/fú* со значением «кипеть, kloкотать, kloкочущий, бить фонтаном, бить ключом, бурлить, возбужденно передавать слухи; шумный, громкий». Славянское языковое сознание, отраженное в семантике корневых морфем *бур-*, *пор-*, *бор-*, легко распознает нечто родное в китайско-

киргизских примерах, возводимое к общему архетипу в виде **бор* «вздутие». Естественно предположить, что конечный звук реконструируемой праформы выпал в китайской лексеме, которая превратилась в открытый слог с дифтонгической финалью.

С данными примерами составляют одну тематическую группу некоторые другие слова сравниваемых языков. Киргизский корень *бор-* в словах: *бордо-/бордоо* «ставить животное на откорм для убоя, откармливать; откармливание, откорм», *бордок-/бордоку* «откормленное животное или поставленное на откорм животное» имеет в китайском языке этимологически тождественный эквивалент: *fèi* «толстый, жирный, упитанный, откормленный; тучный, плодородный (о почве), мясистый, сочный; удобрять, унавоживать (о почве); жирное мясо, жир, тучная лошадь».

В связи с данными примерами хотим привести китайский эквивалент киргизского корня *бор-* в словах: *борс-борс* «отрывистый лай», *борсулдан урөт* «отрывисто лает, издавая негромкие звуки». Это слог *fèi* «лаять, лай».

В последних трех киргизских примерах конечный *-р* неразрывно связан с последующим согласным, поэтому первооснову киргизских звуко- и образоподражательных слов можно представлять и в виде *борд-*, *борк-*, *бурк-*, *борс-*, взаимоподдерживающееся единство которых вместе с китайским эквивалентом *фей* служит бесспорным основанием для их идентификации в этимологическом аспекте. Эти три примера из киргизского языка дополнительно демонстрируют положение о том, что звук *р*, исчезая в финалях китайских слогов, часто переходил в звук *й* [6, с. 27], и свидетельствуют о том, что киргизский язык сохранил финальный *-р* и довел его до нашего времени.

В системе этимологически сходных китайско-киргизских лексико-фонетических единиц встречаются отдельные примеры с идентичным происхождением. Например, слово *бир* «один, единичный, единица, одинокий, единственный», представленное в словоформах *бирик-/биригүү* «объединиться, объединение; соединиться, соединение; сотоварищество, союз», *бирдей* «одинаково, подобно; равный, одинаковые, подобный, тождественный», допускает сравнение с китайским варьируемым по ударению слогом *pī/pǐ* «единица, единичный, одинарный, голова, штука; пара, ровня, друг, сотоварищ, компаньон, соперник, в паре, подходить, соответствовать, приравнивать, уподоблять», который, на наш взгляд, лишился конечного дрожащего неудобопроизносимого звука в определенный период развития ханью. Киргизские примеры *бир* «один, единица, единый, единственный», *биринчи* «первый, первенец», *мур-* в слове *мурун* «нос, передняя часть чего-либо, носик посуды» (узб. *бурун* «нос», *бир* «один», *битта* «одна штука» из **бирта* «одна штука» в результате регрессивной ассимиляции, т.е. уподобления предыдущего согласного последующему) могут быть этимологически идентифицированы с китайскими слогами *bí* «первый, первенец (человека, животного), нос, ручка, ушко, носик (о посуде)»; *pī/pǐ* «единица, голова (единица), штука, кусок (материала), приравнивать, уподоблять, составить пару); *pì* «чета, подходящая пара, быть достойным, быть в первом ряду, подходить». Ср. рус. *первый* (*пер-*), *перед* (*пер-*). А корневые морфемы киргизского языка *бир-*, *бар-* в словах: *бирдей* «одинаково, идентично», *бирдей-лештир-/бирдейлештирүү* «отождествлять, идентифицировать, уравнивать, сравнивать; отождествление, идентификация, уравнивание, уравнение, сравнение, сравнение», *бар* «есть, имеется», *барабар* «равно, тождественно, идентично, равновесно, равноценно», *барабарлоо* «сравнивание, уравнивание, приведение к равно-

весию; сравнивать, уравнивать, привести к равновесию» обнаруживают формально-семантическое сходство с китайским слогом *bǐ* «сравнивать, сопоставлять, сравниваться, состязаться, соревноваться, мериться силами; сравнивать, уподоблять, равняться на, подражать, копировать, брать пример, производить по образцу; пример, аналогия, сравнение». С этими примерами этимологически сближаются и другие слова в двух языках. Например, киргизский корень *бир-* в составе слов: *бирик-/биригүү* «объединяться, соединяться; объединение, соединение», *бириктир-/бириктирүү* «объединять, соединять, совмещать; объединение, соединение, совмещение», *Бүткүл өлкөлөрдүн пролетарлары, бириккиле!* «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» по происхождению идентичен с китайским слогом *bì* «сводить вместе, соединять, накапливать». Из числительных семантико-звуковую близость обнаруживают также киргизский формант *ар-* в слове *ара* «между, пространство между двумя объектами», имеющий косвенное отношение к количественным словам, сопоставим с китайским числительным *èr* «два, во-вторых, двойкий, двойной, дважды, раздвоение, пара» [3, с. 112]. Применительно к данному случаю мы не можем говорить о выпадении конечного согласного. Известно, что в целом ряде китайских слов конечное *-p* сохраняется, например, в производных словах *sher* (*shi* + *er*) «дело», *lūer* (*lū* + *er*) «ослик» [5, с. 19].

Из некоторых приведенных примеров видно, что выпадение конечного звука *-p* в китайских слогах компенсируется преобразованием межконсонантного гласного в дифтонги. С этой точки зрения заслуживают внимания эквиваленты двух киргизских глагольных корней на *-p* в китайском языке: 1) корни *тир-*, *түр-* в словах: *тире-/тирөө* «подпирать, подпирание, подпорка, опора», *тирек* «подпорка, поддержка, опора», *тирел-/тирелүү* «иметь подпорки, подпираться», *тирөөч* «подпорка, стойка (столб, брус, служащие опорой)», *түрт-/түртүү* «толкать, подпирать», *түркүк* «средняя подпорка в юрте, подпорка, шест, опора» соответствуют китайскому открытому слогу с дифтонгической финалью *tiō* «поддерживать, подпирать; подпорка, опора; подносить, подавать, поднос, блюдо»; 2) корень *тур-* в словах: *туру/турмак* «останавливаться, временно жить», *тура туруу* (повтор) «остановиться, подождать, временно обитать, находить пристанище», *турак* «жилье, приют, пристанище» имеет в китайском языке соответствие *taō* «временно устроиться, найти, временное пристанище». Эти примеры также подчеркивают устойчивость киргизского корня, финаль которого соответствует китайским дифтонгам (*ur/үр* = *uo*, *үр* = *ao*).

Формула «*ор* = *иō*» жестко детерминирует этимологическую связь между киргизскими словами: *сор-/соруу* «сосать, высасывать, всасывать, поглощать; сосание, высасывание, поглощение», *сорул-/сорулуу* «сосаться, всасываться, впитываться, поглощаться», *соргок* «обжора, обжорливый, ненасытный», *кан соргуч* «кровосос, кровопийца» и китайским слогом *siō* «сосать». Вторая часть слова *соргок* сравнима со слогом *kōi* «рот, еда, пища»: чередование *ок/ои* в финальной части киргизско-китайских корней не редкость.

В свете сказанного можем еще раз подчеркнуть константный характер звукового облика киргизского корня, что явно проявляется и в последующих сравнениях. Киргизские слова *бур-/буроо* «вертеть, проворачивать, сворачивать, направлять, переключать; поворачивание, сворачивание, переключение», *бура-/буроо* «винтить, завинчивать, заводить, закручивать, крутить, двигать, толкать, подталкивать; завинчивание, закручивание»; *бураңда-/бураңдоо* «корчиться, извиваться, изгибаться, плавно двигаться; извивание, плавное движение» в их корневых частях

могут быть этимологически отождествлены с китайским слогом *bō* «толкать, двигать, направлять; крутить в руках, поворачивать, переставлять, переключать; перебирать, теребить, ворошить, переворачивать, будоражить, поднимать настроение, переводить, установить порядок, усмирить; кружиться, носиться, раскрываться, распаиваться, разрастаться, кривиться, искривиться, коробаться», который тоже в определенный период развития ханью был подвергнут законам компрессии и открытого слога. Аналогично соотносятся киргизский корень *бар-* в слове *бармак* «большой палец» и китайский слог *bǎo* «большой палец». В киргизском языке есть и плеонастическое выражение *баш бармак* букв. «главный, большой палец» (*баш* «голова, глава, главный, первый»).

Таким образом, факты киргизского языка позволяют нам реконструировать древнейшее состояние ханью, когда в этом языке многие слова имели на конце звук *-p*, утраченный им в процессе своего исторического развития под действием законов экономии артикуляционных усилий, благозвучия и открытого слога.

Список литературы

1. Зулпукаров К.З. Введение в китайско-киргизское сравнительное языкознание. – Бишкек, 2016. – 768 с.
2. Зулпукаров К.З., Амиралиев С.М. Истоки семантического строения некоторых слов, словосочетаний и предложений киргизского языка // Вестник Ошского государственного университета. Выпуск 5. – Ош, 2017. – С. 95-106.
3. Зулпукаров К.З., Амиралиев С.М. Метатеза как один из путей возникновения звуковых расхождений в китайском и киргизском языках // Языки в лингвоэтнокультурном пространстве Кыргызстана. – Ош, 2017. – С. 108-118.
4. Зулпукаров К.З., Амиралиев С.М. Выпадение конечного *-p* в китайских слогах с точки зрения фонетической структуры киргизского слова // Филология / Сост. Ж. Султангазиева. – Бишкек, 2017. – С. 98-106.
5. Румянцев М.К. По поводу эризации в китайском языке // Разыскания по общему и китайскому языкознанию / Ред. С.Е. Яхонтов. – М., 1980. – С. 16-25.
6. Яхонтов С.Е. Древнекитайский язык. – М., 1965. – 158 с.

ТЕКСТИЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО КАК ПОДВИД ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПОДЪЯЗЫКА СТРОИТЕЛЬСТВА

Карелова Д.Г.

доцент кафедры «Иностранные языки», канд. филол. наук,
Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет,
Россия, г. Москва

Калиничев В.А.

старший преподаватель кафедры «Иностранные языки»,
Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет,
Россия, г. Москва

В представленной статье рассматриваются вопросы, связанные с новым подвигом профессионального языка строительства – текстильным строительством. Современные методы и способы строительства и, а также новые виды строительных материалов производят огромное количество единиц в уже имеющийся терминологический аппарат, используемый специалистами в профессиональном общении. Развитие научных исследова-

ний в области текстильного строительства на основе мягких оболочек, наличие и создание новых материалов привело к появлению большого количества новых терминов. Возросший обмен научной информацией в данной области явился причиной затруднения при переводах. Соответственно, возникает необходимость в упорядочении и систематизации массива терминов.

Ключевые слова: архитектура, строительство, конструкции, мембраны, термин, терминосистема, подъязык, профессионализмы.

Строительство как вид человеческой деятельности, направленный на строительство зданий, инженерных сооружений (мостов, дорог, аэродромов), а также сопутствующих им объектов (инженерных сетей, малых архитектурных форм, гаражей и т. д.) имеет своим денотатом деятельность строителей.

Профессиональным подъязыком строительства (далее ППС) будем именовать подъязык, обслуживающий деятельность людей, занятых в строительстве.

«Профессиональный язык», имеющий несколько разнообразных параллельных наименований, признан исследователями как особая функциональная разновидность языка, имеющая две формы реализации: кодифицированную и некодифицированную [2, 3]. «В общем пространстве полифункционального и полиструктурного литературного языка вычленяется – и это уже признано многими специалистами – особая функциональная разновидность, обслуживающая профессиональную сферу общения. Данную разновидность кодифицированного литературного языка разные исследователи называют по-разному: язык науки, специальный язык, язык для специальных целей, профессиональный язык и т. д.» [1, с. 169].

Профессиональный подъязык имеет полевую организацию, ядро которой составляют единицы, построенные по моделям общенационального языка, т.е. терминология – кодифицированная, систематизированная часть языка науки, включающая в себя нормативные единицы – официальные профессиональные термины. На периферии располагаются ненормативные единицы, некодифицированная профессиональная лексика – профессионализмы и профессиональные жаргонизмы, а также интерпрофессионализмы.

В нашей статье мы оперируем понятиями «нормы первого уровня», «проявляющейся в кодифицированной нормативности, являющейся существенным дифференциальным принципом литературного стандарта» и «нормы второго уровня», «проявляющейся в некодифицированной нормативности, являющейся существенным дифференциальным принципом языкового субстандарта» [2, с. 14].

В состав нормы первого уровня профессионального подъязыка строительства входит, в частности, терминология текстильного строительства. Терминология «текстильного строительства» в качестве референта имеет «оболочки из тканевых материалов или пленок, несущая способность которых обеспечивается внутренним давлением воздуха. Используются как складские помещения, укрытия для строящихся объектов, гаражи, ремонтные мастерские и др.» [4, с. 38].

Основоположником этого направления в строительстве является немецкий ученый Фрей О., который с 1970 г. возглавляет Штутгартский научно-исследовательский институт легких конструкций. Уменьшение веса конструкции является одной из основных тенденций во всех отраслях строительства, ускорение темпов жизни, а также развитие науки и техники потребовали создания сооружений, которые можно быстро и экономно возводить, демонтировать, перемещать,

реконструировать. Основными параметрами, значимыми для текстильного строительства, являются: размер, материал, форма, способы крепления к каркасу, каркас.

По сравнению с хорошо известными и проверенными строительными материалами, как камень, дерево, металл, бетон и стекло, мембраны являются сравнительно новым продуктом – хотя еще наши древние предки использовали сначала шкуры животных, а затем вязаные покрытия для защиты своих жилищ.

Сегодня, мембранная архитектура, известная также как текстильное строительство, является высоко развитой технологией и применяется при строительстве навесов, фасадов и кровель в качестве защиты от стихии, а также в качестве элемента архитектурного дизайна.

По определению, мембрана представляет собой тонкую, натянутую пленку наподобие ушной перепонки или крыльев летучей мыши. Бесчисленное множество примеров в природе вдохновило архитектора Отто Фрея и его команду на поиск и создание нового конструктивного материала.

Текстильное строительство в настоящее время представляет широкий интерес как для строителей, архитекторов так и для лингвистов. Современное общество предъявляет высокие профессиональные требования к специалистам технических специальностей, а именно гибкость, и мобильность. Инженер со знанием иностранных языков становится более конкурентоспособным, горизонты его профессионального знания расширяются такая как снимаются языковые барьеры что делает возможным интеграцию в мировую производственную систему, мониторинг новых технологий и профессиональное общение на иностранном языке. Любой профессиональный дискурс включает в свой состав профессиональные термины. Таким образом, при появлении новых технологий или разновидностей материала в строительстве либо в другой сфере необходимо унифицировать терминологический аппарат, определить и исследовать границы терминологического поля и терминосистемы. Описанные лингвистические исследования будут способствовать упрощению взаимодействия между русско- и англоговорящими специалистами занятых в сфере текстильного строительства.

Развитие научных исследований в области текстильного строительства на основе мягких оболочек, наличие и создание новых материалов привело к появлению большого количества новых терминов. Возросший обмен научной информацией в данной области явился причиной затруднения при переводах. Соответственно, возникла необходимость в упорядочении и систематизации массива терминов.

Легкие конструкции, изготовленные из мембраны, являются идеальным решением для защиты зрителей театральных спектаклей и концертов против стихии. Мероприятия в амфитеатрах являются технически и финансово сложным действием, поэтому погода не должна быть помехой, – вот почему они предпочтительно покрыты навесом. Монтаж и демонтаж мобильной крыши относительно прост и это решение часто используется для летних культурных событий. Там нет необходимости расчета снеговой нагрузки на крыше, соответственно решения относительно легки и экономичны. Мембрана архитектура хорошо подходит для защиты памятников, музеев и даже для строительства постоянных театров и экспозиций. Решения по тепло- и звукоизоляции легко доступны. Кроме того, что функциональное строение приносит прибыль, оно также имеет отличный внешний вид.

Архитекторы все больше развивают возможности мембранных сооружений и учатся, интегрировать их как знаковые элементы в своей концепции. Мембранная архитектура используется, в основном, в качестве конструкции крыши входных групп, террас, а также дворов или фасадов. Многие архитекторы объединяют стекло и мембрану в своих проектах.

Всякий раз, когда приближается крупное мероприятие, такое как World Expo, Олимпийские игры или чемпионат мира, его организаторы, как минимум, прорабатывают возможность строительства чего-то уникального и особенного из мембранных конструкций. Сроки строительства и стоимость являются наиболее важными факторами, – и при помощи мембранной архитектуры возможно реализовать проекты в очень короткий срок. Если эти конструкции будут использованы только один раз, то рекомендуется использовать ПВХ мембрану.

Текстильное строительство в настоящее время представляет широкий интерес как для строителей, архитекторов так и для лингвистов. Современное общество предъявляет высокие профессиональные требования к специалистам технических специальностей, а именно гибкость, и мобильность. Инженер со знанием иностранных языков становится более конкурентоспособным, горизонты его профессионального знания расширяются такая как снимаются языковые барьеры что делает возможным интеграцию в мировую производственную систему, мониторинг новых технологий и профессиональное общение на иностранном языке. Любой профессиональный дискурс включает в свой состав профессиональные термины. Таким образом, при появлении новых технологий или разновидностей материала в строительстве либо в другой сфере необходимо унифицировать терминологический аппарат, определить и исследовать границы терминологического поля и терминосистемы. Описанные лингвистические исследования будут способствовать упрощению взаимодействия между русско- и англоговорящими специалистами занятых в сфере текстильного строительства.

Развитие научных исследований в области текстильного строительства на основе мягких оболочек, наличие и создание новых материалов привело к появлению большого количества новых терминов. Возросший обмен научной информацией в данной области явился причиной затруднения при переводах. Соответственно, возникла необходимость в упорядочении и систематизации массива терминов.

В связи с ростом взаимовыгодных экономических и научно-технических партнерских отношений между специалистами необходим обмен информацией в рамках международной стандартизации и межъязыковой унификации научно-технических терминов. В связи с развитием контактов США, Великобритании по применению пневматических и тентовых сооружений и элементов зданий из синтетических пленок и текстиля значительно возросли объемы технической и экономической информации, требования к точному переводу необходимость создания взаимоувязанной терминологии и документации в архитектурной строительной науке и технике.

Большой круг специалистов вовлечен в разработку и изучение «текстильного строительства», но, несмотря на это, до сих пор не существует общепринятого термина, точно характеризующего новую терминологию. Так, английские специалисты вводят термин «lightweight structure», соответствующий эквивалент в русском языке «легковесные конструкции» является обобщенным термином, который не

отражает основных характеристик, данных конструкций, в среде специалистов также распространен термин «textile structure» и «soft structure», но и они в свою очередь некорректны, так как данный вид конструкций может иметь в качестве кровельного материала не только «текстильный», но также и пленки, резину, сетки и ткани. Как видим, эти термины не фиксируют способность референта к мобильности и трансформации, что впоследствии обусловило возникновение термина «мобильная архитектура» и «мобильные сооружения».

Термин остается главной и доминирующей единицей в сфере специализированного общения, что определяет первоочередность и превалирование термина в исследовании профессиональной коммуникации.

Как уже говорилось, в общении специалистов используются также: 1) номены, единицы, конкретизирующие названия объектов; 2) единицы профессионального просторечия, эквивалентные терминам и имеющие выраженный коннотативный компонент в структуре своего значения; 3) единицы общего языка, служащие при построении профессиональной коммуникации как связующие элементы специальных единиц. Функциональный аспект исследования единиц терминологического поля мембранной архитектуры сделал необходимым учет других элементов в рассматриваемом подязыке, при этом термины рассматривались как базовая часть подязыка. Инвентарь дискурса ППС содержит все элементы подязыка ППС, который состоит из терминологических единиц, номенов, прагмонимов, единиц профессионального просторечия, профессиональных жаргонизмов и единиц общенародного языка.

В подязыке ППС номенами являются слова – символы, состоящие из буквенной и цифровой частей, которые номинируют объекты серийного производства (люверсы, скобы, крючки, подкладки, заклепки, тросы, пассики, ленты, наконечники для троса, натяжные элементы, ролики, аксессуары, инструмент и др.), используемые в текстильном строительстве. Например, в английском языке: DIN 3051, DIN 51201, DIN EN 22 286, DIN 53 354, DIN 53 455, DIN 53 363 и другие.

Очевидно, что в коммуникации ППС также используются единицы общелитературного языка для построения и связи компонентов в высказываниях.

Список литературы

1. Даниленко В.П. Общее языкознание и история языкознания: Курс лекций (ГРИФ) / В.П. Даниленко. – М.: Наука, 2009. – 272 с.
2. Коровушкин В.П. Основы контрастивной социолектологии: Автореф. дис. д-ра филол. наук. – Пятигорск, 2005. – 19 с.
3. Солнышкина М.И. Общее и различное в формировании и структуре фразеотематического макрополя мореплавания русского и английского языков): Дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 1993. – 241 с.
4. Юдина А. Ф. Технология возведения зданий и сооружений : учеб. пособие. Ч. 1-7 / А. Ф. Юдина, Г. М. Бадьин. – Л. – СПб., 1993-2000. – 38 с.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРСОНАЖА В КИНОФИЛЬМЕ «MY FAIR LADY»

Керимова К.Р.

студентка четвертого курса направления «Лингвистика»,
Сургутский государственный университет, Россия, г. Сургут

Курбанов И.А.

заведующий кафедрой лингвистики и переводоведения, канд. филол. наук,
профессор, Сургутский государственный университет, Россия, г. Сургут

Статья посвящена исследованию лингвистических средств создания социокультурной характеристики персонажа зарубежного кинопроизведения. В статье рассматривается понятие кинотекст, изучаются стилистический и социолингвистический подходы к изучению речи. Речь главной героини фильма "My Fair Lady" была проанализирована со стороны фонетики, грамматики и лексики, проведена связь между речью и социальным положением персонажа, рассмотрен перевод речевых фрагментов на русский язык и представлены выводы.

Ключевые слова: кинотекст, креолизированный текст, социальный диалект, Моя прекрасная леди.

Речь является одним из важнейших показателей при характеристике человека, ведь именно она может выдать принадлежность к определенной социальной или социокультурной группе.

Сегодня, когда весь мир прикован к экранам телевизоров, важное место в лингвистике занял кинотекст. В сложившейся ситуации огромную ценность получило умение получать опосредованную информацию о киногерое, которая скрыта в его манере выражать свои мысли и чувства, проще говоря, в манере говорить.

Анализ речи киноперсонажей представляет большой интерес за счет своей стереотипности и приближенности к восприятию среднестатистического зрителя. Такой анализ позволяет наиболее точно выяснить, какие из существующих закономерностей наиболее прочно ассоциируются у носителей того или иного языка с той или иной социальной группой. В дальнейшем именно выявленные особенности намеренно могут быть использованы для создания определенного портрета киноперсонажа.

Кинотекст – это сообщение, которое содержит информацию и может быть изложено в любом виде и жанре кинематографа. Для лингвистов кинотекст выступает в качестве мощнейшего оружия лингвистического и экстралингвистического воздействия, в результате которого может кардинально поменяться точка зрения зрителя, измениться его настроение, образ мыслей и даже поступки [6, с. 54].

Сообщение, заключенное в тексте, может быть представлено вербально или иконически, то есть изобразительно. Сочетание вербальных и невербальных, изобразительных средств передачи информации образует **креолизированный текст** (текст смешанного типа). Взаимодействуя друг с другом, вербальный и иконический тексты обеспечивают целостность и связность произведения, его коммуникативный эффект [2, с. 112].

Речевой портрет можно назвать воплощенной в речи языковой личностью, которая вместе с другими личностями составляет единую социальную общность.

Существует два основных подхода к изучению речи киноперсонажа – стилистический и социолингвистический.

Стилистический подход к изучению речи киноперсонажа позволяет определить принадлежность определенных элементов текста к той или иной подсистеме языка, оценить их экспрессивно-выразительные свойства на фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях, а также выявить коннотативную маркированность элементов текста. Также данный метод позволяет увидеть и оценить способы воздействия на зрителя через речь героев кинопроизведения.

Социолингвистический подход состоит в изучении полного комплекса проблем, который отражает двусторонний характер связей между языком и обществом. При изучении речи, звучащей с экранов кинотеатров, социолингвистический подход показывает особенности речи различных социальных групп, существующие в естественной, а не художественной речи. Во внимание принимается произношение, выбор лексических средств, использование различных по сложности грамматических конструкций и многое другое. Данный метод также показывает различные виды языкового и речевого варьирования, обусловленные полом и возрастом носителей языка, уровнем образования и широтой картины мира и даже территориальной принадлежностью.

Использование только одного из них не способно дать полного покрытия изучаемой темы, а значит их значимость в данной работе равноправна.

Социальная вариация в той или иной степени присутствует в каждом развитом языке. Очень ярко это проявляется в английском языке, в особенности в его британском варианте, так как для британского общества особенно характерно проявление классового самосознания [1, с. 35].

Такие аспекты социокультурной принадлежности, как возраст, гендер, уровень образования, социально-экономический статус и профессия, накладывают заметный отпечаток на речь человека.

При изучении лингвистических средств социокультурной характеристики киноперсонажа необходимо рассмотреть особенности речи героя на каждом языковом уровне в отдельности, а также в своей совокупности. Игнорирование любого из уровней сделает анализ неполным и незавершенным.

Фонетический уровень предполагает изучение интонации, паузации, темпа и мелодики речи персонажа. Здесь важную роль играет произношение, громкость, возможное опущение или проглатывание окончаний, акцент и многое другое. Фонетический уровень имеет для данного исследования принципиальное значение, ведь именно звучащая речь выходит на передний план в кинопроизведении.

Морфологический уровень рассматривает формообразование лексических единиц и выбор различных форм одного и того же слова в зависимости от различной коммуникативной ситуации.

На **лексическом уровне** рассматривается прежде всего языковой стиль, присущий тому или иному киноперсонажу. Также большое внимание уделяется изобразительно-стилистическим средствам, семантике лексических единиц, употреблению определенных частей речи, личных имен, ругательств и так далее.

На **синтаксическом уровне** внимание обращается прежде всего на типы и виды предложений. Здесь имеет большое значение уровень сложности и частотность использования синтаксических конструкций.

Для подробного изучения вопроса лингвистических средств социокультурной характеристики киноперсонажа мы обращаемся к английскому фильму Джор-

джа Кьюкора "My Fair Lady" («Моя прекрасная леди»), перевод которого был выполнен профессиональной студией дубляжа MediaClub. В ходе анализа перевода рассматриваемых языковых фрагментов с английского языка на русский язык, уважая труд переводчика, мы осмеливаемся предложить также и свой вариант перевода.

Таблица 1

Фонетическая сторона речи героя

Оригинал	Перевод
In Hartford, Hereford and Hampshire hurricanes hardly ever happen.	Херфорд, Херфорд и Хемпшир похоже охватили холода

Элайза Дулиттл, речь которой рассматривается в работе, является представительницей диалекта кокни, для которого характерно опущение звука [h]. Такая фонетическая особенность затрудняет восприятие потока устной речи говорящего.

При переводе предложение немного поменяло лексический состав, однако это было сделано для того, чтобы сохранить смысл упражнения, данного профессором Хиггинсом.

Переводчик отказался от опущения звука [х] в начале слов и перенес ошибку на излишне мягкое произношение звука [е] в названиях населенных пунктов. Мы предлагаем следующий вариант перевода:

«Артфорд, Ерефорд и Эмпшир похоже охватили холода».

Таблица 2

Грамматическая сторона речи героя

Оригинал	Перевод
<i>He <u>don't</u> know! Her own father and he <u>don't</u> know!</i>	<i>Он не знает! Ее собственный отец и не знает!</i>

Грамматическая ошибка, допущенная главной героиней в данном случае – употребление неверной формы вспомогательного глагола "do". Рассматриваемый глагол имеет две формы, выбор которой зависит от соотносящегося с ним местоимения. В русском языке не существует вспомогательных глаголов как таковых, и глагол "do", выступающий в этой роли, обычно не переводится.

Тем не менее, заметим, что при переводе речи Элайзы необходимо постараться максимально точно передать все ошибки девушки. В случае, если сохранить грамматическую ошибку нельзя, возможно создание ошибки другого рода. Так, чтобы в данном предложении на языке перевода показать неграмотность девушки, можно употребить речевую ошибку, передав лексическую единицу "знает" просторечным вариантом «знат», в котором говорящий опускает звуки [й] и [э]. Данная форма характерна для жителей Среднего Урала и является важной частью так называемого уральского говора. Таким образом, осмелимся предложить следующий перевод:

«Он не знат! Её собственный отец и не знат!»

Таблица 3

Лексическая сторона речи героя

Оригинал	Перевод
<i>But it's my belief that they <u>done</u> the old woman <u>in</u>.</i>	<i>Но я то знаю, что старушку <u>пришили</u></i>

Рассматриваемая фраза является частью рассказа главной героини о своей недавно скончавшейся тетушке. Элайза употребляет фразовый глагол "to do some-

body in", который переводится как «прикончить, уколошить кого-либо» и считается в высшей степени разговорным. В таких случаях профессиональный переводчик должен сохранить стиль представленной в предложении лексики. Мы считаем, что официальный перевод соответствует описываемой ситуации, так как он сохраняет разговорный оттенок и некомпетентность говорящего.

Подводя итог, стоит отметить, что в оригинальной версии произведения основной акцент делается на произношение, ведь именно благодаря ему профессор Хиггинс определяет, откуда человек родом. Однако в русском переводе фонетические особенности сводятся к некоторым просторечным формам, они не системны и используются довольно редко.

В русскоязычной версии фильма основное внимание получает лексика, которую используют персонажи. Такие изменения связаны с тем, что в русском языке фонетические различия выражены не настолько ярко, как в английском, поэтому переводчик вынужден искать социолингвистические маркеры на других уровнях языка.

Безусловно, при переводе речи киноперсонажей первостепенной задачей является сохранение характерных языковых черт героя, так как именно на их основе строится полный образ персонажа. Очень часто по этой причине переводчик вынужден отходить от прямого перевода и использовать разнообразные переводческие трансформации.

Список литературы

1. Амочкин В.В. Социолингвистическая стратификация в речи киногероя на английском и русском языке. – Казанский федеральный университет, 2015. – 172 с.
2. Валгина Н.С. Теория текста. – М.: Издательский центр «Логос», 2003. – 173 с.
3. Вовчок П.А. Словарь русских говоров Среднего Урала. Том I. – Уральский государственный университет имени А. М. Горького, 1964. – 207 с.
4. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 4-е, стереотипное. М: Издательский центр «КомКнига», 2006. – 144 с.
5. Ефремова Т. Ф. Словарь грамматических трудностей русского языка. – М.: Издательство Астрель, 2005. – 1168 с.
6. Лотман, Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. – Таллинн: Ээсти раамат, 1973.
7. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. – М.: Либроком, 2009. – 512 с.
8. Николаева Н.Т. Лингвистика текста и проблемы общей лингвистики. – Тульский государственный университет, 2004. – 104 с.
9. Bmovies – My Fair Lady – URL:<https://bmovies.is/film/my-fair-lady.104q/p191x9> (дата обращения 11.12.2017).

ОБРАЗНОЕ СРАВНЕНИЕ КАК ВЕДУЩЕЕ СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО В СКАЗОЧНОМ ДИСКУРСЕ О. УАЙЛЬДА

Кириллова Т.К.

студентка пятого курса, Оренбургский государственный педагогический университет,
Россия, г. Оренбург

Научный руководитель – доцент кафедры английского языка и методики преподавания английского языка Оренбургского государственного педагогического университета, канд. филол. наук Евстигнеева М.В.

В статье всесторонне проанализировано образное сравнение как ведущее стилистическое средство в сказочном дискурсе О. Уайльда. Определены основные характеристики художественного текста, раскрыто понятие образного сравнения, выделены его признаки и структура. Найдены примеры образного сравнения, проанализирована их структура, составлена классификация.

Ключевые слова: Оскар Уайльд, стилистические средства выразительности, образное сравнение, сказочный дискурс, художественный текст, классификация.

Образное сравнение традиционно является феноменом, вызывающим интерес для лингвистических исследований. Изучение его грамматических и стилистических аспектов дает самые интересные результаты. Стилистика изучает его не как языковой феномен, в отличие от лингвистики, а как неотъемлемый элемент текста, подчиненный структуре и поэтике последнего. На протяжении многих столетий сравнение является одним из широко используемых образных средств у писателей. Поэтому исследователи заинтересовались данным приемом ещё много веков назад. Неугасающая актуальность изучения образного сравнения неудивительна, так как умение сопоставлять различные предметы и явления действительности дает возможность лучше понять окружающую реальность. Особенно богатым на образные средства в целом и сравнение в частности является сказочный дискурс, ведь его мир в значительной степени отличается от реального, а поэтому требует богатой фантазии и искусного владения словом. Оскар Уайльд как приверженец философии эстетизма обладал большой тягой к декоративной стороне искусства, поэтому каждая деталь для него являлась важной для передачи авторского замысла и достижения идеала красоты.

Одним из видов текста является художественный. Принципом, лежащим в основе художественного творчества, является познавательно-оценочное отражение действительности. Художественный текст характеризуется тем, что он представляет собой художественно-преобразованную замыслом автора реальность, наполненную эстетическим смыслом и содержанием [3]. Так, художественное произведение демонстрирует отражение объективной реальности сквозь призму авторского мировоззрения и мировосприятия. Автор создает художественный текст, неизбежно пропуская его через своё личное отношение к изображаемому, жизненный опыт и ценностные установки. Поэтому в художественном произведении роль ассоциативных словесных связей резко возрастает. Слово, как средство отражения авторского замысла, обретает дополнительный смысл, а сам текст нагружается дополнительной семантикой и получает большую эмоциональную ёмкость.

Одна из исключительных особенностей художественного текста и заключается в его способности нести дополнительную информацию только за счет смысловой и эмоциональной нагрузки его составляющих. Образные представления могут быть выражены словосочетаниями, предложениями, а также семантическими контактами слов с содержанием отдельных отрывков текста. При создании текста перед писателем стоит задача не нарушить целостное образное впечатление при его выражении с помощью языковых средств. Для этого он занимается подбором слов, которые обладают соответствующей образной семантикой, и комбинирует их таким образом, чтобы семантические признаки лексических единиц совместились. Благодаря результату подобного процесса читатель получает возможность увидеть в своем сознании тот же образ, который присутствовал в сознании автора текста. В этот процесс включены выразительные средства языка. Они, в свою очередь, подразделяются на лексические, морфологические, синтаксические и фонетические. В то время как лексикология, грамматика и фонетика занимаются изучением лингвистической природы выразительных средств как фактов языка, стилистика изучает их с точки зрения их использования в качестве стилистического приема, возможности потенциального употребления в различных стилях речи. Стилистические приемы необходимы для достижения автором той или иной коммуникативной цели.

Стилистический прием – это намеренное и сознательно усиление какой-либо типической структурной и (или семантической) черты языковой единицы (нейтральной или экспрессивной), достигшее обобщения и типизации и ставшее таким образом порождающей моделью [1, с. 90]. Стилистический прием ограничивается одним уровнем языка. Так, на синтаксическом уровне эмоциональность и экспрессивность высказываний может быть увеличена за счет необычного построения предложения.

Наше исследование, в свою очередь, посвящено образному сравнению. Образное сравнение – распространенный стилистический прием в художественном тексте. Он заключается в сопоставлении двух предметов, имеющих какой-либо общий для них обоим признак, в целях более яркой и наглядной характеристики одного из них. Иногда же такого прямого указания не дается, и характер сходства между сравниваемыми предметами только подразумевается:

Сравнения бывают традиционными и индивидуальными в зависимости от фактора новизны образной основы. Индивидуальные сравнения характеризуются непредсказуемостью и оригинальностью. Они отражают субъективное авторское видение мира, которое не всегда совпадает с представлениями других носителей данного языка, в связи с чем их употребление ограничено. Образное сравнение является ведущим стилистическим средством выразительности в сказочном дискурсе О. Уайльда согласно О. М. Вербицкой [2, с. 122].

Оскар Уайльд в своем литературном творчестве придерживался философии эстетизма, что не могло не повлиять на стиль изложения текста и выбор средств выразительности. Несмотря на относительно простую синтаксическую структуру, сказки Оскара Уайльда изобилуют средствами лексической выразительности. Синтаксической простоте сопутствует богатейшая образная лексика и разнообразная идиоматика. Индивидуальная специфика сказок Оскара Уайльда непосредственно связана с мировоззрением и эстетическими взглядами автора и предполагает огромное разнообразие своих проявлений – как в содержании, так и в языке. В русле нашего исследования особенно большой интерес его личность вызывает с пози-

ции стилистического анализа, дающего представление об эмоциональном состоянии автора, его мироощущении и уровне общей и языковой культуры.

В образной системе сказочного дискурса О. Уайльда образное сравнение обретает огромное значение. Оно отражает индивидуальный мир автора, его индивидуальную образную когницию. Структура авторских сравнений отличается большим разнообразием. В английском языке выделяют несколько формул образных сравнений. М.Д. Кузнец классифицирует их по частям речи, употребляющихся в их структуре. Опираясь на её работы, нами была создана классификация образных сравнений О. Уайльда.

1) (as) + прил./нар.+as+сущ.

Такие сравнения обычно выполняют функцию предикатива в предложении. Именно сравнения подобного типа чаще попадают в разряд идиоматических, утрачивая свою красочность и новизну. В художественной литературе находим немало примеров использования таких идиом:

“Why, thou art as foul as the toad, and as loathsome as the adder” [5].

В данном примере сравнение *as foul as the toad* и *as loathsome as the adder* следуют за глаголом-связкой *to be*, являясь частью сложного именного сказуемого. Признаки “foul” “loathsome” уже даны в самом образном сравнении. Они присоединяется к другим компонентам конструкции – объектам сравнения “the toad” и “the adder” с помощью частицы *as*. Семантический анализ данного оборота говорит о том, автор использует данную сравнительную конструкцию для усиления негативных черт героя, приравнивая присущие ему признаки к подобным признакам референта. Таким образом, писатель подчеркивает контраст между внешностью мальчика в начале повествования и его видом после перенесенных испытаний в поисках матери.

“...and they are as delightful as my own flute-playing” [5]. В данном случае образное сравнение служит не столько для своей прямой функции уподобления одного объекта другому, сколько для придания тексту оттенка иронии. Автор подчеркивает самовлюбленность принца, его восхищение собственными талантами, которые на самом деле не так уж и велики. Однако герой считает свою игру невероятно восхитительной, возводя её в идеал, к которому должны стремиться другие.

2) глагол-связка+ like +(прил.)+ сущ.

“His lips also were like the petals of a red flower, and his eyes were like violets by the river of pure water, and his body like the narcissus of a field where the mower comes” [5].

В данном примере сравнительная конструкция следует за глаголом связкой *to be* и выполняет в предложении роль предикатива. Таким образом, писатель показывает, что герой в своей самобытности прекрасен как цветы. Вновь цветок используется для описания внешности именно мальчика, а не девушки. Каждый элемент внешности мальчика напоминает автору такие прекрасные творения природы, как цветы.

“His face was strangely pale, but his lips were like a proud of red flower” [5]. Здесь происходит наложение таких средств образных средств, как образное сравнение и метафора. Уайльд считает яркий цвет цветка его гордостью. Сравнение губ рыбака с лепестками цветка позволяет наиболее ярко показать контраст с его бледной кожей.

“But no man dared look upon his face, for it was like the face of an angel” [5]. В конце сказки юный король преображается внутренне, обретая множество добрых

качеств. Это сказалось и на внешнем виде персонажа, и автор сравнивает его с ангелом. По данному предложению можно понять, что образ ангела является для Уайльда воплощением святости, доброты и справедливости, раз никто не осмелился посмотреть на него. Согласно христианским представлениям ангел передает волю Бога, а значит, с помощью подобного сравнения писатель утверждает доброту и сострадание как единственную истину.

3) глагол+ like+ (прил.)+сущ.

Использование сравнений-идиом данного глагольного типа – отнюдь не редкость. В них писатели проводят яркую параллель действия персонажа произведения с каким-либо животным или другим живым существом на основании общего для них признака (характеристики). Обычно такая характеристика уже имплицитно содержится в названии самого объекта сравнения и вызывает у читателя определенные ассоциации.

“The people went to and fro over the plain like flies crawling upon the disk of polished copper” [5]. В данном примере люди сравниваются с мухами. Использование сравнительной конструкции с подобной синтаксической структурой позволяет передать суету и постоянное хаотичное передвижение людей, напоминающее поведение мух. Подобное сравнение также приобрело идиоматическое значение и нередко используется как в художественной литературе, так и в повседневной речи.

“They swarmed up the crag like ants” [5]. В этом предложении сравнительная конструкция имеет значение, схожее с предыдущей. Люди сравниваются по манере их поведения с муравьями, так как они подобным образом сбиваются в толпы и двигаются неопределенными маршрутами.

“Outside he could see the huge dome of the cathedral, looming like a bubble over the shadowy houses” [5]. Здесь автор прибегает к довольно необычному сравнению, уподобляя купол собора мыльному пузырю. Глагол to loom подчеркивает свечение купола, затмевающее собой призрачные силуэты домов. Так создается ощущение сказочности окружающей обстановки, где всё вокруг наделено волшебной притягательностью.

“Then the moon rose like a wonderful silver shield” [5]. Несмотря на то, что данный пример обладает такой же синтаксической структурой, как и предыдущие, глагол и сравнение не взаимосвязаны. Сравнение в данном случае не отражает образ действие, а указывает на сходство формы и цвета, относясь, таким образом, к подлежащему. Уайльд наделяет бледную луну возможностью сиять также ярко, как серебряный щит.

4) В отрицательной форме

“Every one cannot be as beautiful as a lizard,” they cried” [5]. Использование сравнения с отрицательными конструкциями в сказочном дискурсе О. Уайльда практически отсутствуют. В данном случае прием подобный прием используется для иронии. Ящерицы, считающие себя эталоном красоты, возводят свой внешний вид в недостижимый идеал. Поэтому они смотрят на всех свысока, не осуждая их менее привлекательный внешний вид, ведь другие никогда не смогут достичь их уровня.

5) С помощью прилагательного в сравнительной степени

Сравнительные конструкции такой структуры также играют роль предикатива. Они используются, чтобы показать, что субъект сравнения обладает каким-либо качеством даже в большей степени, чем объект сравнения. При этом качество объекта сравнения остается основой подобия.

“She is fairer than the morning star, and whiter than the moon” [4]. В данном предложении Уайльд подчеркивает, что красота Русалки превосходила даже прекрасные ночные светила, которые даруют людям свет среди темноты. И вновь женский образ наделен у писателя холодными чертами.

“It is more precious than emeralds, and dearer than fine opals” [5]. В этом примере речь идет о любви. Соловей, рассуждая о природе этого чувства превозносит её выше драгоценных камней. Учитывая тот факт, что сам Оскар Уайльд восхищался камнями и металлами, регулярно используя их образы для украшения своих текстов, можно осознать, какую важность любовь представляла для писателя.

6) Посредством союзных наречий as though, as if, вводящих придаточное сравнение (сказуемое которого обычно употребляется в сослагательном наклонении)

“Pale poppies were brodered on the silk coverlet of the bed, as though they had fallen from the tired hands of sleep, and tall reeds of fluted ivory bare up the velvet canopy, from which great tufts of ostrich plumes sprang, like white foam, to the pallid silver of the fretted ceiling” [5]. Мы видим, что в данном примере после союзного наречия as if действительно употребляется сослагательное наклонение, о чем говорит форма had been placed. Тип сравнения с такой структурой обычно представляет собой развернутую конструкцию, в которой сравниваются не отдельные предметы, а ситуации или состояния персонажей.

7) Посредством лексически выраженного указания на факт сопоставления

“He cannot bear to look at his daughter for long because she reminds him too much of her late mother” [5]. Глагол to remind означает to cause (someone) to remember someone or something. Таким образом, внешность юной Инфанти невольно заставляла короля вспоминать о её матери. Путем логического умозаключения можно сделать вывод, что Инфанта была подобна матери.

8) С помощью сложного предложения, содержащего обстоятельственное придаточное сравнения

“A little smile touched his proud lips, as a bird’s wing touches the water and makes it love” [5]. В данном примере сравнение выражено в целом придаточном предложении и сочетается с метафорой. Автор прибегает к приему образного сравнения, чтобы показать какую перемену улыбка привнесла в выражение лица героя.

Рассмотренные примеры позволяют сделать вывод, что образное сравнение представлено в текстах О. Уайльда действительно широко. Оно используется для описания широкого круга черт внешности и характера героев, свойств предметов и явлений, образа действия. Таким образом, язык сказок обретает художественную живописность и в полной мере отражает богатую фантазию автора. Образные сравнения, представленные в сказочном дискурсе писателя, обладают различным объемом, смысловым наполнением и синтаксической структурой. Было выявлено 8 групп образных сравнений в соответствии с их компонентным содержанием.

Список литературы

1. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов [Текст] / И. В. Арнольд. – М.: Флинта; Наука, 2006. – 384 с.
2. Вербицкая, О.М. Особенности авторского стиля Оскара Уайльда (на примере сказок О. Уайльда) // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири MAGISTER DIXIT. – Иркутск, 2013. – вып. 1. – С. 121-130.
3. Кузнец, М.Д. Стилистика английского языка. – пособие для студентов педагогических институтов. Ленинград: Учпедгиз. 1960. – 175 с.

4. Романенко О.В. Специфика перевода метафор и сравнений как лингвистических единиц. Научный вестник. Электронный научный журнал / URL: <http://journal.kubsu.ru/NUMBERS/1/Romanenko.htm>

5. The Fairy Tales by Oscar Wilde [Электронный ресурс] / URL: <http://www.surlalunefairytales.com/authors/wilde.html>

ЯЗЫК СПЕЦИАЛЬНОСТИ КАК ФАКТОР ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ УЧРЕЖДЕНИЙ СПО ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Колосова С.Н., Ушанкова Н.А.

преподаватели иностранных языков,
Белгородский машиностроительный техникум, Россия, г. Белгород

В статье рассмотрены разные аспекты обучения обучающихся учреждений СПО языку специальности на занятиях английского языка. Профессиональная направленность обучения предполагает не только работу с текстом по специальности с его функциональной значимостью, но также и определенную организацию самого занятия по английскому языку. В работе подчеркнута значимость и разнообразие форм и методов работы на занятиях, способствующих освоению языка специальности.

Ключевые слова: язык специальности, монологическая и диалогическая речь, лексика, профессиональная направленность.

Язык специальности – аспект обучения языку, обеспечивающий учебно-научное и профессиональное общение при получении специальности в образовательном учреждении на изучаемом языке. Это совокупность всех языковых средств, которые применяются в ограниченной специальностью сфере коммуникации. Цель – обеспечить взаимопонимание занятых в определенной сфере людей. Язык профессиональной сферы общения представлен в диалогической форме, будь то письменная речь или устная, поскольку профессиональная сфера всегда предполагает обсуждение проблемы, конкретного вопроса или факта.

В современных условиях расширения международных экономических связей существует потребность в подготовке высококвалифицированных специалистов с таким уровнем владения иностранными языками, который позволяет осуществлять непосредственное общение с зарубежными партнерами в профессиональной деятельности. В контексте обучения английскому языку обучающихся учреждений СПО актуальной задачей является овладение ими знаниями терминов специальности и получение навыков и умений использовать узкоспециализированную лексику для выполнения учебных профессионально ориентированных заданий, направленных на дальнейшее общение.

Владение языком специальности является, как правило, вторичным и базируется на общем владении иностранным языком. Типология уроков, их структура может быть различной, в зависимости от поставленных целей, содержания изучаемого материала, методов и приемов обучения, используемых на уроке, уровня подготовки и развития обучающихся. Одна из основных задач, которая стоит перед преподавателями иностранных языков в СПО – научить обучающихся технической специальности понимать и переводить профессиональные тексты с иностранного

языка на русский. В нашем техникуме мы уделяем внимание таким коммуникативным умениям, как чтение и говорение.

Практическая цель обучения чтению предполагает развитие у обучающихся умения читать тексты с разным уровнем понимания содержащейся в них информации. При изучении профессионального модуля преобладают такие виды чтения, как: чтение с пониманием основного содержания (ознакомительное чтение) и с извлечением необходимой, значимой информации (поисково-просмотровое чтение). Например, тексты с полным пониманием содержания текста просто незаменимы при изучении техники безопасности по специальностям:

- 22.02.06 Сварочное производство
- 13.02.11 Техническая эксплуатация и обслуживание электрического и электромеханического оборудования (по отраслям)

В процессе нашей работы мы используем тексты, имеющие не только профессиональную направленность, но и способствующие развитию познавательного интереса. Обучающиеся знакомятся с культурой изучаемых текстов и инструкций к техническому оборудованию на английском языке. Работа с текстом также является базой детального изучения и овладения языком специальности. К текстам для чтения, прилагаются задания на составление выводов-резюме; объяснить, описать, сравнить, оценить, обобщить, дополнить и т.д.

Важным является развитие у обучающихся автономности учения, особенно при обучении чтению аутентической специальной литературы и, в первую очередь, навыкам оперирования справочными пособиями. В процессе освоения специальности и готовясь к своей будущей профессиональной деятельности, обучающиеся овладевают специальной лексикой и терминологией, навыками и умениями читать специальную литературу, говорить и писать по темам и проблемам избранной специальности.

Чтобы сделать процесс обучения интересным, более легким и продуктивным, преподавателю приходится создавать на занятиях ситуации, приближенные к реальным условиям, выступать в роли партнера обучающихся на занятиях и вступать с ними в сотрудничество, чтобы совместными усилиями сводить к минимуму возможные сложности профессиональных вопросов на языке специальности. Большое внимание на уроках мы уделяем изучению профессиональной лексики и лексико-грамматических особенностей языка конкретной специальности, что в дальнейшем дает возможность обучающимся свободно использовать изученный материал в своих монологических и диалогических высказываниях по заданной теме. Обучающиеся также готовят презентации о своей будущей профессии, опираясь на впечатления, полученные на производственной практике в учебных мастерских и на производстве.

Так, например, обучающиеся по специальности «Сварочное производство» при изучении темы “General Welding Safety Rules” используют в своем арсенале следующий лексический материал:

1. Arc rays from the welding process produce intense visible and invisible (ultra-violet and infrared) rays that can burn eyes and skin. Sparks fly off from the weld.
2. Wear a welding helmet to protect your face and eyes when welding or watching.
3. Use protective screens or barriers to protect others from flash, glare, and sparks; warn others not to watch the arc.

4. Wear body protection made from durable, flame-resistant material (leather, heavy cotton, wool). Body protection includes oil-free clothing such as leather gloves, heavy shirt, cuff less trousers, high shoes, and a cap.

5. Before welding, adjust the auto-darkening lens sensitivity setting to meet the application.

6. Stop welding immediately if the auto-darkening lens does not darken when the arc is struck.

7. Use impact resistant safety spectacles or goggles and ear protection at all times when using welding helmet.

8. Inspect the auto-lens frequently. Immediately replace any scratched, cracked auto-lenses.

Обучающиеся по специальности «Техническая эксплуатация и обслуживание электрического и электромеханического оборудования (по отраслям)» изучив новый лексический материал, могут вести беседу на заданную тему (диалогическая речь), например, при обсуждении тем “Capacitors” обучающиеся оперируют лексикой:

capacitor	[kə'pæsɪtə]	конденсатор
insulator	[ˈɪnsjuleɪtə]	изолятор
frequency	[ˈfri:kwənsɪ]	частота
distance	[ˈdɪstəns]	расстояние
advantage	[əd'vɑ:ntɪdʒ]	преимущество
disadvantage		недостаток
plate		анод (лампы)
part	[pɑ:t]	часть
to apply	[ə'plai]	прилагать, применять
to move	[mu:v]	двигать(ся)
to prevent		предотвращать
reason		причина
For this reason		по этой причине
besides		кроме того
provided that		при условии, что

При изучении темы “Transformers” вводится соответствующая специальная лексика:

core		сердечник
winding	[ˈwaɪndɪŋ]	обмотка
turn		виток
to step up		повышать
to step down		понижать
frequency	[ˈfri:kwənsɪ]	частота
due to	[ˈdju: tə]	благодаря, из-за

При подготовке проектов на тему “My profession is the best” каждый обучающийся старался в полной мере раскрыть преимущества именно своей профессии, рассказать о важных индивидуально-психологических характеристиках, качествах характера будущего специалиста, изложить правила техники безопасности на производстве и рассказать о недостатках выбранной профессии. Выполнение заданий подобного рода вызывает бесспорный интерес к профессии и повышает заинтересованность обучающихся в обучении специальности. Профессиональное самоопре-

деление укрепляет позицию обучающегося, является ступенью на пути к профессионализму и служит основой личностного самоопределения в окружающем мире.

Студенты в учебно-научной сфере их деятельности должны уметь воспроизводить не только тексты монологического характера, но и принять участие в диалогах. Учебный диалог, как правило, инициирует преподаватель. И обучающийся и преподаватель заинтересованы в результате. Диалог должен быть связан с тематикой общения и планируется заранее, вопросы формулируются в наиболее доступной для обучающегося форме, задавая вопрос, преподаватель уже заранее знает, каким должен быть ответ на него обучающегося; в результате учебного диалога по специальности удовлетворенным/неудовлетворенным может оказаться как преподаватель, так и обучающийся, поэтому очень важно подбирать учебный материал уровня сложности, соответствующего знаниям обучающихся по конкретной теме. Диалог не ограничивается педагогическим процессом, поэтому очень важно, при обучении языку специальности следует формулировать и развивать у обучающихся навыки и умения для ведения диалогов в различных сферах учебно-научной сферы их деятельности (как в официальной, так и в неформальной обстановке). Учебный диалог позволяет преподавателю обучать и контролировать процесс овладения материалом обучающимися.

В процессе освоения лексики изучаемого языка обучающиеся сами строят профорientированные высказывания, в которых эта лексика используется наряду с ранее известным материалом. Таким образом, происходит использование только что усвоенной лексики в коммуникативных ситуациях на основе самостоятельного и творческого подхода обучающихся, что обеспечивает формирование навыка переноса информации, весьма важного для развития устной речи.

Средством мотивации обучения может служить и введение новой информации к уже известным блокам профессиональной информации. Интенсификация обучения профессиональной иноязычной деятельности на основе коммуникативного метода к преподаванию иностранного языка специальности способствует мобильности при изучении профессии, а также успеху деятельности, что отвечает требованиям подготовки специалистов в профессиональном плане.

Такие приемы обучения и формы организации учебного процесса по иностранному языку, на наш взгляд, обеспечивают обучающимся необходимый уровень коммуникативной компетенции в избранной области знаний. Уровень владения языком специальности определяется при сдаче профессионально ориентированных тестов.

Какой бы способ не выбрал преподаватель языка, от него требуется владение определенными знаниями в данной профессиональной области, желание усовершенствовать процесс преподавания, заинтересованность в практическом применении студентами полученных знаний, как в области иностранного языка, так и в профессиональной сфере, творческий подход к учебному процессу.

Список литературы

1. Коломиец Т. В. Язык специальности как фактор профессионального развития студентов-фармацевтов при изучении английского языка [Текст] // Теория и практика образования в современном мире: материалы Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, февраль 2012 г.). – СПб.: Реноме, 2012. – С. 325-328. – URL <https://moluch.ru/conf/ped/archive/21/1823/> (дата обращения: 29.12.2017).

2. Гальцева Л.Н., Ушанкова Н.А. Профессиональная направленность обучения иностранному языку как условие активизации познавательной деятельности и мотивации

учения [Текст] // Сборник материалов Второй Всероссийской научно-методической конференции с международным участием «Проблемы современной дидактики: теория и практика» С. 47-52.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РЕАЛИЙ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ НА ПРИМЕРЕ РОМАНА МАРГАРЕТ ЭТВУД «СЛЕПОЙ УБИЙЦА» И ЕГО ПЕРЕВОДА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Легкова Е.А.

студентка кафедры методики преподавания английского языка и перевода,
Сургутский государственный университет, Россия, г. Сургут

Курбанов И.А.

заведующий кафедрой методики преподавания английского языка и перевода,
канд. филол. наук, профессор, Сургутский государственный университет,
Россия, г. Сургут

Статья посвящена такой составляющей художественного текста, как реалии. В статье рассматривается широко используемая классификация реалий, а также основные способы перевода реалий с английского языка на русский язык. На материале художественного текста и его перевода проделан анализ особенностей передачи реалий и сделаны выводы.

Ключевые слова: художественный текст, реалии, способы перевода, Маргарет Этвуд.

Говоря о переводе, невозможно не упомянуть всю значимость данного действия. В межкультурной коммуникации перевод всегда был востребован и является востребованным до сих пор, так как именно перевод играет ведущую роль при передаче информации. Перевод является тем самым элементом, который способен объединить людей со всего мира. Ведь именно благодаря переводу люди с различными традициями, менталитетом, обычаями имеют возможность обмениваться информацией, познавать мир отличающихся народов.

При переводе текста переводчику необходимо сделать перевод максимально репрезентативным. Для этого одного знания языков может быть совсем не достаточно, необходимо знать особенности перевода, все тонкости перевода особых типов текстов, наиболее характерные для данного языка особенности, а также переводческие трансформации, благодаря которым переводчик может передать всю ту информации, которую хотел передать автор.

При рассмотрении перевода реалий невозможно обойти стороной художественный текст, так как данный тип текста особенно интересен, так как он с одной стороны богат различными фигурами речи, тропами и стилистическими приемами, а с другой – лексикой, которая используется автором для написания своих произведений. В такой лексике могут быть слова, которые при переводе могут не иметь словарных соответствий в переводящем языке, что безусловно составляет трудность для переводчика. Таким образом, переводчик при переводе англоязычных художественных текстов может столкнуться с таким явлением, как реалии [4, с. 7].

Реалии – это слова, обозначающие понятия или ситуации, которые не существуют в практическом опыте носителей других языков. К реалиям могут отно-

ситься слова, отражающие социально-политические, культурные, бытовые, экономические и психологические аспекты жизни, которые относятся к каждой индивидуальной культуре [5, с. 12].

При переводе реалий переводчику очень важно сохранить семантику высказывания, не потеряв при этом связь с культурными особенностями языка. Реалии называют предметы и явления, которые характерны только данному народу и переводчику при переводе реалий иногда помимо знаний, следует даже применять интуицию.

Существует множество классификаций реалий, но наиболее популярную и доступную на сегодня классификацию предлагает В. С. Виноградов. Он выделяет следующие виды реалий:

• **Бытовые реалии**

а) Жилище, имущество: бунгало (небольшая загородная жилая постройка в некоторых тропических странах).

б) Одежда, уборы: сари (женская одежда, ткань, обернутая вокруг тела).

в) Пища, напитки: карри (соус).

г) Виды труда и занятия: родео (сгон скота).

д) Денежные знаки, единицы меры: рупия (основная денежная единица Индии).

е) Музыкальные инструменты, народные танцы и песни, исполнители: чардаш (венгерский танец).

ж) Народные праздники, игры: Навруз (праздник весны).

з) Обращения: чиф (обращение к старшим).

• **Этнографические и мифологические реалии**

а) Этнические и социальные общности и их представители: инки (индейское племя).

б) Божества, сказочные существа, легендарные места: Ганеша (бог мудрости и благополучия).

• **Реалии мира природы**

а) Животные: индийский слон.

б) Растения: манго (корнеплод).

в) Ландшафт, пейзаж: топи (заболоченное место).

• **Реалии государственно-административного устройства и общественной жизни (актуальные и исторические)**

а) Административные единицы и государственные институты: гимназия, область.

б) Общественные организации, партии и т.п., их функционеры и участники: Коза Ностра (преступная организация).

в) Промышленные и аграрные предприятия, торговые заведения: бodega (винный погребок).

г) Основные воинские и полицейские подразделения и чины: жандарм (полицейский во Франции).

д) Гражданские должности и профессии, титулы и звания: гхати (грузчики).

• **Ономастические реалии**

В литературных произведениях и других текстах встречается немало реальных и вымышленных имен собственных. Как правило, функцией имен собственных является не только называние существ или объектов, но и отображение культурной действительности, также сохранение национального колорита.

а) Антропонимы – это общие имена и фамилии, например: Нариман, Куми, Джал, Джихангир, а также индивидуальные имена и фамилии, называющие известных общественных деятелей, звезд спорта и кино и так далее: Лорд Альфред Теннисон (английский поэт).

б) Топонимы – это собственные имена рек, озер, болот, населенных пунктов, улиц, отдельных частей рельефа, или иначе географические названия, например: деревня Уттар Прадеш. Состав топонимов любого языка почти неисчислимы и весьма неоднороден.

в) Имена литературных героев. В художественных текстах постоянно встречаются упоминания о персонажах других произведений литературы: Джулиан, Дик и Энн (персонажи «Великолепной пятерки» Энид Блайтон).

д) Названия компаний, музеев, театров, дворцов, ресторанов, магазинов, пляжей, аэропортов и так далее. Все эти имена содержат определенные страноведческие сведения, которые переводчику важно знать для правильного понимания и воссоздания текста, например: кинотеатр «Метро».

• Ассоциативные реалии

а) Вегетативные символы: цветок лотос – символ чистоты и просветления в буддизме.

б) Анималистические символы: корова – символ плодородия и изобилия в Индии.

в) Цветовая символика: красный – 1. Цвет чистоты, чувственности и энергии (Индия) 2. Символ плодородия (Китай) [1, с. 86].

Перевод реалий требует особого внимания переводчика. Основная сложность перевода реалий заключается в отсутствии лексического соответствия в переводящем языке.

При переводе реалий переводчику необходимо проанализировать культурные особенности носителей языка одного языка и сопоставить их с традициями носителей культуры другого языка. Если у переводчика возникнут трудности при нахождении эквивалента той или иной реалии, необходимо воспользоваться различными приемами перевода.

Итак, при переводе реалии часто используется прием культурной адаптации.

Культурная адаптация – это приспособление текста при помощи определенных процедур к предельно адекватному, вполне соответствующему, совпадающему, тождественному его восприятию читателем иной культуры [2, с. 43].

Так с помощью культурной адаптации реалии, содержащие национально-специфическую информацию, передаются приблизительными соответствиями в культуре переводящего языка.

Другим более распространенным методом перевода реалий является использование переводческих трансформаций.

Переводческие трансформации – это межъязыковые преобразования, перестройка элементов исходного текста, операции перевыражения смысла или перефразирование с целью достижения переводческого эквивалента [3, с. 8].

Т. А. Казакова делит все трансформации на лексические, грамматические и синтаксические. В нашей работе мы рассматриваем только лексические, так как мы имеем дело со словарным составом языков.

Трансформации, используемые при переводе реалий: *транскрипция, транслитерация, калькирование, описательный перевод, перестановка*. Также исполь-

зуют прием культурной адаптации. Они служат для устранения различий в двух языках и достижения адекватности перевода.

Для подробного изучения вопроса перевода реалий мы обращаемся к роману Маргарет Этвуд на английском языке «Слепой убийца» (“The Blind Assassin”). В качестве перевода романа «Слепой убийца» с английского языка на русский язык был взят вариант В.И. Бернацкой, выполненный в 2003 году.

Ономастические реалии

ОЯ	ПЯ
Kubla Khan	Кубла Хан

Данная реалия относится к группе имен литературных героев. Реалия передана в ПЯ с помощью транскрипции. Для более точного понимания реалии, мы считаем нужным внести переводческий комментарий о том, что речь идет о *герое поэмы Сэмюэля тейлора «Кубла Хан или Видение во сне»*.

Бытовые реалии

ОЯ	ПЯ
The Somme	Сомма

Данная реалия относится к группе топонимов. Переводчик передал данную реалию в ПЯ посредством калькирования. Важно отметить, что переводчик не передал определенный артикль “the” из-за избыточности, что является нулевым переводом. Из контекста становится ясно, что речь идет о *реке*.

Реалии административно-государственного устройства и общественной жизни

ОЯ	ПЯ
POUM	ПОУМ

Данная реалия относится к группе общественных партий. Переводчик передал данную реалию транслитерацией. Мы считаем вполне оправданным тот факт, что для понимания читателя данной аббревиатуры, переводчик вынес сноску и объяснил значение: *«ПОУМ (Partido Obrero de Unificacion Marxista) – рабочая партия марксистского объединения, испанская коммунистическая организация, сформированная в 1935 г.; в нее вошли члены троцкистской партии «Левые коммунисты Испании» и Рабоче-крестьянского блока, склонявшегося к более правым позициям»*.

Подводя итог, стоит отметить, что в проанализированном материале большинство реалий относятся к группе ономастических реалий, бытовых реалий и реалий государственно-административного устройства и общественной жизни, затем идут реалии мира и природы и ассоциативные реалии.

Что касается способов перевода реалий с английского языка на русский язык, то нужно сказать, что транскрипция/транслитерация и калькирование являются самыми употребляемыми приемами передачи реалий, а наименее употребляемыми приемами являются описательный перевод и прием культурной адаптации.

Таким образом, изучив такие явления художественного текста как реалии, способы их классифицирования, а также перевода, можно сделать вывод, что реалии являются обязательным атрибутом любого художественного текста. Они передают особый колорит и стиль.

Перевод реалий на русский язык требует учета их особенностей, а вследствие этого, тщательного отбора используемых переводческих трансформаций.

Список литературы

1. Виноградов, В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. С. Виноградов – М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2011. – 105 с.
2. Гришаева, Л. И. Культурная адаптация текста как способ достижения комплексной эквивалентности при переводе. – М., 2009. – 192 с.
3. Казакова, Т. А. Практические основы перевода. English ↔ Russian / Т. А. Казакова – СПб.: Союз, 2010. – 320 с.
4. Курбанов И.А., Ахметова А.Р. Классификация реалий романа «Дела семейные» рохинтона Мистри и особенности их перевода на русский язык». Лингвистическое образование на современном этапе: российский и зарубежный опыт": сборник научных статей и материалов международной конференции. Сургут, 11-12 апреля 2017 г. / отв. ред. И.А. Курбанов. – Сургут, 2017. – С. 197-202.
5. Томахин Г.Д. Реалии в языке и культуре. – М.: ИЯШ. – 2007. – 306 с.
6. Этвуд М. Слепой убийца. – М., 2000. – 312 с.
7. Atwood, M. The Blind Assassin. – 2000. – 659 p.

СИМВОЛИЗМ ПУНКТУАЦИИ В ЛИРИКЕ Б.Л. ПАСТЕРНАКА

Нелькенбаум В.М.

аспирант факультета башкирской филологии и журналистики,
Башкирский государственный университет, Россия, г. Уфа

В статье символизм пунктуации в лирике Б.Л. Пастернака рассматривается в качестве одного из актуальных направлений при изучении творчества данного автора. Изучение символизма пунктуации в лирике поэта позволяет выявить скрытые смыслы в произведениях поэта на пунктуационном уровне. Это является одним из интересующих нас направлений для изучения лирики поэта. Именно возможность понять и интерпретировать лирическое произведение на уровне пунктуации позволяет понять индивидуально-авторское видение мира, дает возможность, погружаясь в лирические тексты, на эмоциональном уровне с сблизиться автором.

Ключевые слова: символизм, пунктуация, лирика, индивидуально-авторское видение мира, пунктуационные тропы, экспрессия, знаки препинания.

Творчество Б.Л. Пастернака, классика литературы начала XX столетия, активно и всесторонне изучается. Исследованию подвергаются все новые и новые особенности его произведений: было предпринято множество попыток систематического описания его поэтического мира. Одним из таких направлений является изучение особенностей пунктуации у данного поэта.

Возникновение в последнее время значительного интереса к пунктуационному оформлению лирических произведений в сфере современного гуманитарного образования определяется прежде всего необходимостью совершенствования подходов и принципов к всестороннему рассмотрению поэтического текста. Именно возможность понять и интерпретировать лирическое произведение на уровне пунктуации позволяет приобщиться читателю к индивидуально-авторскому видению мира, дает возможность, погружаясь в лирические тексты, сблизиться на эмоциональном уровне с автором.

Как правило, считается, что на художественную выразительность стихотворения влияют только различные средства художественной выразительности (мета-

форы, эпитеты, сравнения и т.д.), а между тем пунктуационный уровень произведения также играет далеко не последнюю роль в расширении экспрессивности поэтического текста.

В рамках своего творческого вдохновения каждый поэт осваивает новые художественные приемы, разные способы передачи информации. Именно пунктуация вызывает в последнее время пристальный интерес со стороны литературоведов как достаточное новое и перспективное направление для художественного анализа стихотворения.

Присоединяясь к мнению многих исследователей, Н.Л. Шубина полагает, что «авторская пунктуация при талантливости пишущего – мощное и многогранное стилистическое средство» [3, с. 49]. Известные и талантливейшие поэты (Андрей Вознесенский, Владимир Маяковский, Марина Цветаева и др.) используют знаки препинания в своей лирике активно и широко, добиваясь тем самым оптимального выражения мысли.

Не уступая названным поэтам в «пунктуационном» мастерстве, Борис Пастернак возможности русской пунктуации использовал широко и многогранно. Рассмотрев многие стихотворения поэта, мы можем отметить, что в каждом его произведении пунктуация подчинена максимальному воплощению авторской идеи.

Любовь поэтов к нестандартному использованию пунктуации в своих произведениях привела к тому, что в современном литературоведении при описании авторской пунктуации некоторыми исследователями стал использоваться термин «пунктуационные тропы», под которыми понимаются экспрессивное использование пунктуации для достижения апогея авторского замысла.

Например, исследователь Е.В. Дзякович определял пунктуационные тропы как «экспрессивные пунктуационные приемы», т.е. способы создания в тексте стихотворения экспрессии с помощью знаков препинания, пунктуационных схем и комплексов [1, с. 28]. Мы, носители русского языка, можем утверждать, что пунктуационная система современного русского языка создает почву для активного использования «пунктуационных тропов» в своей лирике.

Б.Л. Пастернак посредством пунктуации обращался к опыту и интуиции читателей. Его лирика знаменита слиянием мастерства и тональности, пафоса и поэтики, а также яркими и необычными «пунктуационными тропами».

В поэзии Б.Л. Пастернака синтаксические конструкции играют немаловажную роль, представляя собой «усложненные, громоздкие, но на удивление правильные» обороты. Конструкция его стихотворений, подобно скелету, «держит» произведение, не давая ему превратиться в пучину разрозненных образов.

Многие стихотворения Б.Л. Пастернака делают узнаваемыми и по особенному выразительными именно приемы авторской пунктуации. Например, Борис Пастернак при помощи восклицательных знаков прибегает к экспрессивному расчленению восклицательных предложений с однородными членами: *«Гроза в воротах! на дворе!»* («Июльская гроза», 1915) [2, с. 133].

Этот прием позволяет автору, во-первых, передать в динамике разгул стихии, ее неизбежность, а во-вторых, выбранные знаки препинания вместе с лексическими средствами и грамматической структурой усиливают авторское восхищение масштабностью разгула стихии.

Также к авторскому приему использования средств пунктуации мы относим экспрессивное деление произведения с помощью сочетания «запятая+тире». Тире Пастернака акцентирует внимание на делении предложения или привлекает вни-

мание к добавочному характеру второй части сообщения: «Умеющий, – так как он всевидящ, / Унять, как временную блажь, ...» («Волны», 1931) [2, с. 167].

Авторская пунктуация в данном отрывке передает эмоциональное состояние героя, выражает его потрясение, смятение.

Кроме того, поэт, как уже было сказано выше, часто использует для придания стихотворениям большей экспрессивности одиночные тире. Например: «О, знал бы я, что так бывает, ... / Что строчки с кровью – убивают, / Нахлынут горлом и убьют!» («О, знал бы я, что так бывает...», 1931) [2, с. 218].

В произведении Б.Л. Пастернак с помощью тире подчеркивает резкость, динамичность, быстроту смены событий. Автор, используя тире, нарушает интонационную плавность фразы, придавая тем самым ей остроту и эмоциональную напряженность.

Таким образом, мы приходим к выводу, что среди художественных приемов, используемых Б.П. Пастернаком, особая роль принадлежит «пунктуационным» тропам, функциональные возможности которых помогают читателю понять подтексты и сокровенные авторские мотивы в его поэтических текстах.

Список литературы

1. Дзякович Е.В. О выразительных средствах пунктуации // Русский язык в школе. 1997. №5. С. 27-39.
2. Пастернак Б.Л. Полное собрание поэзии и прозы в одном томе. М.: Альфа-книга, 2008. 511 с.
3. Фаткуллина Ф.Г. Языковая картина мира: ее основные признаки, типология и функции // Современные проблемы науки и образования // 2013. – № 4; URL: <http://www.science-education.ru/110-9954> (дата обращения: 26.08.2013).
4. Фаткуллина Ф.Г., Сулейманова А.К., Самохина Л.Н. Стилистика текста: теория и практика: Учебное пособие / Ф.Г. Фаткуллина, А.К. Сулейманова, Л.Н. Самохина. Допущено УМО по классическому университетскому образованию для студентов высших учебных заведений в качестве учебного пособия по направлению подготовки 032700 – «Филология» – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. – 312 с.
5. Шубина Н.Л. Пунктуация в коммуникативно-прагматическом аспекте и ее место в семиотической системе русского языка. СПб: Образование, 1999. – 298 с.

МЕСТО АБУЛФАЗЛА АЛЛАМИ В ИСТОРИИ ИНДИЙСКОЙ ПЕРСОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVI ВЕКА

Пулатов Н.Н.

доцент кафедры таджикской классической литературы, канд. филол. наук,
Худжандский государственный университет, Таджикистан, г. Худжанд

Статья посвящена краткому жизнеописанию персоязычного писателя XVI века Индии Абулфазла Аллами и его место в истории индийской персоязычной литературы. Подчеркивается, что с именем Абулфазла Аллами связана целая эпоха в истории персидско-таджикской словесной культуры. Упоминается, что бесценное наследие писателя написано в виде прозы богатым языком, с использованием своего особого индивидуального стиля. По мнению автора, стиль Абулфазла Аллами полный риторики и патетики, в его время считался образцовым.

Ключевые слова: проза, Индия, Абулфазл Аллами, персидско-таджикская литература, писатель.

Всемирная цивилизация издревле достойно оценила яркие, насыщенные культурными событиями периоды истории таджикского народа, которые образно можно назвать «звездными часами человечества». В эти эпохи выдающиеся представители духовной культуры, те, кого справедливо именуют совестью народной, остро переживая драматические ситуации своего времени, создавали величественные памятники словесной культуре таджиков, человеческому, гражданскому продвижению и духу её творцов:

Их бесценные произведения принадлежат к тем мировым шедеврам духовной культуры, олицетворяющим собой историю и эволюцию персидско-таджикской классической литературы.

К числу таких ярких личностей, отразивших в высокохудожественных формах духовный настрой и общественный подъём своих соотечественников, относится Абулфазл Аллами, живший и творивший в Индии, которая в те далёкие времена входила в состав государства, объединившего Темуридов Индии, государства, объединившего земле, на которых – жили предки современных таджиков персов. Идейное единство этих двух народов существовало многие столетия, объединяя культурные достижения персов и таджиков.

Выходя к глобальным проблемам общества тех времён, войдя в горизонты концепций фундаментальных трудов учёных разных временных пространств, талантливейших историков, летописцев и создателей художественных ценностей, можно прийти к заключению, что с именем Абулфазла Аллами связана целая эпоха в истории персидско-таджикской словесной культуры. С редкой искренностью и силой отразились в творениях Абул фазла Аллами настроения, мысли, идеалы свойственные лучшим его современникам-соотечественникам.

Исторические и историко-литературные источники содержат о жизни Абулфазла Аллами незначительные факты, однако, несмотря на это положение, научный анализ доступного нам наследия убеждает, что он был величайшим творцом духовности, мастером художественного слова своей эпохи.

Следует отметить, что перу этого высокообразованного визиря принадлежит множество литературно-художественных и исторических творений, которые определяют его роль не только в развитии различных наук, но и эволюции персидско-таджикской прозы в Индии. Однако, к сожалению, в таджикском литературоведении за исключением некоторых фрагментарных или общих сведений о жизни и наследии высокообразованного мудреца и великого писателя Абулфазла Аллами не осуществлено ни одно исследование фундаментального или обобщающего характера. Это обуславливает необходимость исследования его бесценного творческого наследия и определения его роли в истории эволюции персидско-таджикской литературы. Восхищая искренностью и поэтической силой, нравственной глубиной, гражданственностью, идейной ориентацией творчества, объективно отзываясь о политической и социальной действительности эпохи, он оказал эмоциональное и творческое воздействие рождению на литературной арене эпохи величественных образцов лиры, дошедших до нас в живой интонации и в богатстве ассоциативных связей, вызывающих в последующих поколениях стремление открыть для себя уникальное художественное явление-духовный мир их создателя.

Согласно показаниям литературных источников, фехристов и исследования, составление, перевод и подготовка к изданию следующего ряда высокочтимых произведений этой эпохи принадлежат перу Абулфазла Аллами: «Толкование аята аль-Курси» («Тафсири оёти курси»), «Толкование суры «Аль-Фатиха» («Тафсири

Фотиъа)), «Сура «Аль-Фатх» или «Толкование Акбари» («Сураи фать» или «Тафсири Акбарц»), переводы «Молодая жизнь» («Баёти хавонб»), «Абхил», «Бхагавадгита », «Новый Мирзоевы зидж» («Зичи хадида мирзоб»), «Толковый словарь» («Махмуи луцот»), введение к «Размнам» (персидский перевод «Махабхарати», коррективировка и комментирование «Тути-наме», его «Муншаота», которое издано под названиями «Письма Аллами» («Мукотиботи Алломи»), «Составление Абу-л-Фазла» («Иншои Абулфазл» или «Мукотиботи Абулфазл»), «Эпистола Аюулфазла» («Ругъаоти Абулфазл») и «Чаша дервишей » («Кашкъл»), «Сборники» («Баёзьо»), «Переписка шаха Джалолуддина Акбара» («Муросалати шоъ Халоллидин Акбар»), являющиеся вершиной иерархии ценностей творчества Абулфазла Аллами.

Эти произведения Аллами как социальный регулятив, влияющий на культурные ориентации общества его эпохи, уклада жизни, не только себя поддерживали в традиционных проявлениях, но и способствовали развитию науки, культуры, идеологии, морали. В своих произведениях Абулфазл как бы собирает в некий единый фокус самые архиважные в человеческой природе качества, те, которые утверждают красоту его жизни, просветляют душу, говорят о возможной гармонии.

Вершиной его творческих достижений является и редактирование книги «Калила и Димна» под названием «Пробы знания» («Иёри дониш»), создание которого относится к периоду высочайшей эволюции классической прозы.

Все это бесценное наследие Абулфазла написано в виде прозы богатым языком, с использованием своего особого индивидуального стиля. В целях более совершенного способа выражения и утверждения той или иной авторской мысли в его творениях приводятся воззрения поэтов эпохи и современников или же отрывки из их же творчества.

Следует помнить, что в период жизни и творчества Абулфазла персидская проза претерпевает усиленный спад и в прозе наблюдается широкое использование предложений и поэтического опыта, садж и муродифот, запутанных месневийских изречений, арабских предсказаний, аятов, хадисов и подражание арабскому способу выражения мысли. В этих условиях в истории персидской литературы Абулфазл был одним из первых писателей, кто стремился исправить создавшееся положение и вернуть персидскую прозу в прежние пьедесталы почета. Сила искренности его художественного слова, глубина мысли – все это приближало Абулфазла к его современникам и возникал тот самый контакт, после которого любое другое его произведение воспринималось острее, с сочувствием и доверием к авторской мысли и личности. Несмотря на то, что он по происхождению был арабом, рожден и воспитан в Индии, Абулфазл стремился очистить персидскую прозу от трудно воспринимаемых арабских понятий и слов и внедрить вместо них персидские конструкты и концепты, характеризующие смыслы в соответствующих контекстуальных формах, тем самым находя внутренние мотивы внести новации в стиль прозы своей эпохи, некую рациональность подхода к канонам прозаических произведений.

Заслуга Абулфазла Аллами в эволюции культурной жизни Индии XVI-XVII века весьма велика. Время его жизни совпадает с периодом правления Акбаршаха, который можно считать вехой сложных исторических событий, поскольку этому времени было свойственно одновременное существование различных течений среди которых следовало определить своё достойное положение. В этом поприще несколько высокообразованных представителей общества эпохи Акбара оказало влияние и помощь в реализации государственных программ. Одним из них был Абул-

фазл Аллами, проза которого в этих ситуациях обрела высокочтимость и всеобщее признание, ибо ей была вычурность.

Список литературы

1. Алиев Г.Ю. Персоязычная литература Индии. – М., 1968. 248 с.
2. Аллами. Абулфазл. Акбар-наме. –Ж.1. кн.I. – Самара: Издательский дом «Агни». 2003. 400 с.
3. Канбу, Иноятуллох. Книга о верных и неверных женах. / Перевод с фарси Н.О.Османова. – Душанбе, 1992. 336 с.
4. Пулатов Н. Абулфазл Аллами и его «Акбар-наме» // Труды молодых ученых, сборник статей молодых ученых Худжанского госуниверситета имени акад. Б.Гафурова. – Худжанд. 2002. – С. 24-29.
5. Пулатов Н. Из истории перевода и публикации «Ойини Акбари» // Вестник Таджикского Национального университета: серия илологии. – 2008. -№: 2 (48). – С.120-123.

СЕМАНТИКА ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ СО ЗНАЧЕНИЕМ «СЛУХИ» НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Рамантова О.В.

старший преподаватель кафедры иностранных языков, канд. филол. наук,
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина), Россия, г. Санкт-Петербург

В данном докладе приводятся некоторые результаты исследования способов языковой репрезентации положительной оценки в высказываниях о слухах. Материалом для анализа являются современные лексикографические источники и англоязычные публицистические тексты.

Ключевые слова: злословие, оценка, положительная оценка, слухи, сплетни.

В силу антропоцентричности вопросов и проблематики человеческой коммуникации вообще и передачи информации, в частности, данная тема не только не теряет востребованности в современном научном сообществе, но и позволяет развиваться теоретической лингвистике и смежным с ней дисциплинам. Необходимо отметить, что в современное время письменные каналы СМИ (в первую очередь, речь идет о желтой прессе и интернет-изданиях) переполнены информацией, которая маркируется как слухи и сплетни. Она не всегда претендует на достоверность, в сообщениях не всегда конкретизирован источник информации, она имеет массового адресата. Целесообразно отметить и по-настоящему стихийное распространение слухов, что обуславливается современными сверхбыстрыми интернет технологиями.

Традиционно под “слухами и сплетнями” понимается неподтверждённая и мало проверенная информация, источник которой неизвестен или указан как не вполне определенный, при этом передаваемые сведения достаточно интересны и поэтому могут корректироваться и распространяться дальше [1, 2, 3, 4, 5, 6]. В современных английских словарях синонимов и антонимов среди синонимов глагольной лексемы *rumor* есть глагол *publish* [9, с. 631]. ***Следовательно, можно утверждать, что слухи являются не только сообщениями, передаваемыми устно, но и сообщениями, публикуемыми в прессе.***

Как показало исследование, большая часть лексики, относящейся к лексико-семантическому полю *Rumour*, имеет либо отрицательную, либо нейтральную коннотацию [9, с. 631], а основными семантическими составляющими понятия *Rumour* (слухи) и понятия *Gossip* (т.е. злословие, злые сплетни), актуализируемых в современных нехудожественных текстах, по-прежнему остаются неподтвержденность и относительная достоверность информации. *Положительная оценка, насколько показали личные наблюдения автора и исследовательский материал, как правило, не всегда формально представлена в высказывании о слухах. В связи с этим, можно предположить, что особое значение в формировании положительной оценки слухов отводится контекстуальному окружению лексем в высказываниях, содержащих слухи.*

Рассмотрим некоторые примеры, в которых именно контекстуальное окружение создает общий положительный смысл всего высказывания о слухах.

1. «The Samsung Galaxy S9 should be one of the first flagship phones we see in 2018, and **we've already heard a healthy dollop of rumors about what's in store for Samsung's next phone.** The most recent gossip surrounds the display, which is apparently going to be the same but different compared with the Galaxy S8. The same bit is the aspect ratio, which is sticking at 18.5:9, as sources speaking to Galaxy Club report. The different bit is the bezels, which are apparently going to shrink even further – and that means more screen space in the same sized device» [14].

Данный текст содержит информацию о технической новинке – смартфоне нового поколения. Автор сообщения представляет технические характеристики устройства как нечто волнующее, широко обсуждаемое и выгодно выделяющее телефон из ряда других.

2. «The 69-year-old singer dressed in his usual eccentric style, paired with goggle-style shades, as he departed on a flight at the Los Angeles airport with **his 29-year-old rumoured fiancée** Aimee Preston» [10].

Член группы Aerosmith появился с девушкой, которая намного его моложе. Однако необходимо учитывать, что в странах Запада к отношениям между возрастным богатым мужчиной и молодой девушкой относятся скорее позитивно, а лексема *fiancée* указывает на, скорее всего, обоснованные и серьезные намерения артиста. Следовательно, высказывание о слухах в приведённом примере содержит положительную оценку события.

3. «In recent months, news of Bitcoin, which is widely purchased and exploited in Venezuela, has led to **numerous gossips about the growth and demand for cryptanalysts**» [13].

Автор статьи говорит о том, что в Венесуэле наблюдается чудовищный уровень инфляции, и биткойн – один из немногих способов расплатиться за товары. В этой же статье далее следует: «The inhabitants therefore turned to Bitcoin payments completely to be able to function economically». Именно этот обнадеживающий по смыслу контекст придаёт высказыванию с лексемой *gossips* положительную коннотацию.

4. «Kepa Arrizabalaga, **rumoured to be an Arsenal and Chelsea transfer target** looks to have played his last game for Athletic Bilbao. The 23-year-old goalkeeper is ruled out for the next three weeks meaning the next time he is available to play will be after the winter break in Spain, and when the transfer window has opened. Real Madrid are favourites to sign the €20million rated shot-stopper» [12].

В данном случае речь идёт о выгодной сделке: футбольный клуб «Арсенал» приобретает перспективного и достаточно опытного игрока. Информация является благожелательной для болельщиков клуба и, соответственно, высказывание с лексемой *rumoured* несёт в себе положительный смысл.

5. «**Here's a rumor that will blow your mind:** Google is apparently "in the final stage of negotiations" to acquire HTC's smartphone division. The rumor comes from the Chinese-language site Commercial Times and suggests that Google will acquire only the mobile arm of HTC, not the entire company. The financial news outlet based in Taiwan doesn't specify how much the deal would be worth» [11].

Высказывание с лексемой *rumor* обладает положительной коннотацией с позиции пользователей гаджетов. Компания HTC производит технически качественную продукцию, а компания Google – качественное программное обеспечение. Коллаборация двух крупных компаний гарантированно даст результат в виде конкурентоспособного смартфона.

6. «Paris Hilton can be attacked relentlessly for many things (and for good reason), but what she has given to many other talentless attractive women out there is a template for success. Whereas in the past, many beautiful women who lacked any talent had to marry-up in order to achieve success, Paris laid out a whole new avenue for them. She was the first true reality television star. She was the first Internet sensation. Paris Hilton has laid the groundwork for such untalented, but attractive women, as the Kardashian Klan and hundreds of other sexy women who have posed half-naked and sensationalized themselves. Paris also has racked up quite the career of rumors. She is slender and beautiful and has made a life out of being famously wealthy. **Now we tackle the 15 craziest Paris Hilton rumors**» [15].

Именно “невероятные слухи” помогли Пэрис Хилтон стать известной, построить карьеру, а также проложили путь многим другим девушкам, которые не наделены талантами, но имеют большое желание стать популярными.

Таким образом, исходя из достаточно разнообразных по тематике примеров, можно утверждать, что *положительная оценка описываемого события во многом создается положительной по содержанию или, по крайней мере, вызывающей положительные ассоциации темой слухов.*

Список литературы

1. Дубин Б.В., Толстых А.В. Слухи как социально-психологический феномен // Вопросы психологии. 1993. №3.
2. Ольшанский Д.В. Психология масс. СПб.: Питер, 2002.- 363 с.
3. Платонов К.К. Краткий словарь системы психологических понятий. (2-е изд., перераб. и доп.) – М.: Высшая школа, 1984. – 174 с.
4. Психология. Словарь/под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1990. – 494 с.
5. Смелзер Н. Социология. М.: Феникс. – 1994. – 688 с.
6. Социальная психология. Краткий очерк / под ред. Г.П. Предвечного и Ю.А. Шерковина. М.: Политиздат, 1975, 55 с.
7. Формановская Н. И. Коммуникативный контакт. М.: Издательство ИКАР, 2012. – 200 с.
8. Формановская Н. И. Речевое взаимодействие. Коммуникация и прагматика. – М.: Издательство ИКАР, 2007. – 480 с.
9. Collins Concise Thesaurus. HarperCollins Publishers. Glasgow 2000. – 824 p.
10. <http://www.dailymail.co.uk/tvshowbiz/article-5193537/Aerosmiths-Steven-Tyler-arrives-LAX-kooky-ensemble.html>

11. <https://mashable.com/2017/09/07/google-rumor-htc-mobile-division-acquisition/#BWmfGAaQgOqz>
12. <http://www.skysports.com/football/news/11095/11177188/european-paper-talk-marco-asensio-to-leave-real-madrid>
13. <http://technologynews.site/2017/09/25/in-recent-months-news-of-bitcoin-which-is-widely-purchased-and-exploited-in-venezuela-has-led-to-numerous-gossips-about-the-growth-and-demand-for-cryptanalysts>
14. <http://www.techradar.com/news/samsung-galaxy-s9-to-feature-smaller-bezels-but-the-same-aspect-ratio-as-the-s8>
15. <https://www.therichest.com/world-entertainment/15-of-the-most-insane-paris-hilton-rumors>

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ЗАНЯТИЯХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Сурхаби Р.В.

магистрант кафедры языкознания и литературоведения,
Институт гуманитарного образования, Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова Россия, г. Магнитогорск

В статье рассматривается применение информационных технологии на современном этапе образовании учащихся. Их применение в процессах обучения влияет на увеличение возможностей по изучению иностранного языка, как на занятиях, так и во свободное от учебы время.

Ключевые слова: информационные технологии, мотивация, обучение, компьютерные технологии, индивидуальный подход, иностранный язык, современные технологии обучения, персональный компьютер.

На сегодняшний день непрерывно растет значимость и востребованность знания иностранных языков. Изучение различных языков дает возможность подрастающему поколению осуществлять открытия в мировой культуре, а также применять в своей деятельности иностранных ресурсы и использовать различные информационные, мультимедийные и коммуникационные средства обучения [1, с. 70].

Для наиболее успешного изучения иностранного языка, возрастает необходимость применения практики в коммуникации. Главной задачей преподавателя при осуществлении обучения является вовлечение учащегося в коммуникативное общение, создание условий для реализации их творческой активности. Кроме того, при обучении иностранному языку у учащихся средней школы воспитывается характер личности, желающей и способной к общению, и стремление к самообразованию. Возможность участвовать в международных программах, учиться за границей в самых лучших институтах, путешествовать и свободно чувствовать себя в любой стране смогут все желающие, которые не только владеют высоким уровнем иностранного языка, но и сочетают в себе определенные черты личности: коммуникабельность, отсутствие языкового барьера, знание норм международного этикета, широкий кругозор, умение что называется «подать» себя.

Как мы с вами знаем, что при выполнении различных тестов для успешного поступления в высшее учебное заведение на экзаменах устанавливается строгий

лимит времени для выполнения каждого задания, что требует особой подготовки. Чтобы достичь своих целей и успешно подготовиться к сдаче любого экзамена, нам, безусловно, эффективную помощь всегда оказывали и оказывают, по сегодняшний день, использование компьютерных технологий и ресурсов Интернет в обучении [2, с. 100].

Компьютер в наше время стал очень важной и незаменимой вещью практически в каждом доме. Конечно, многие ребята и даже взрослые используют его лишь для того, чтобы поиграть в компьютерные игры. Но, к нашему счастью, очень много тех, кто нашел ему правильное применение. Согласитесь, очень удобно, когда под рукой есть такой помощник, и мы можем подготовиться к экзамену или написать курсовую, не выходя из дома, собрав всю необходимую информацию в электронных библиотеках или воспользоваться верными данными и статистикой. Кроме того, компьютер может казаться невероятно полезным в изучении иностранного языка. Существует огромное количество разнообразных обучающих программ, дисков, электронных учебников и Интернет-ресурсов, которые приводят к хорошим результатам в изучении английского языка.

С появлением персонального компьютера и глобальной информационной компьютерной сети Интернет в большой степени повлияло на современную систему образования, вызывая значительные изменения в содержании и методах обучения иностранным языкам.

Современные технологии обучения позволяют, прежде всего, качественно контролировать деятельность учебного процесса, обеспечивая его гибкость и точность. Здесь преподаватель играет значимую роль. Именно он должен точно подбирать компьютерные программы к уроку, дидактический материал, составлять индивидуальные задания, с помощью которых сможет оценивать их знания и развитие.

На уроках английского языка уместно в полной мере применять компьютерные программы. Информационные технологии позволяют обучить учащихся таким видам речевой деятельности как говорению, аудированию, чтению, письму. Все обучающие программы построены таким образом, что они моделируют лишь условия для обучения, в то время, когда сам учащийся самостоятельно формирует свои знания. Это особенно ценится, так как знания, полученные в готовом виде, очень часто не усваиваются в памяти [3, с. 40].

Ежедневно создаются и применяются новые информационные технологии. Это не только модернизированные технические средства, но улучшенные формы преподавания, новые подходы к процессу обучения. При внедрении мультимедийных средств каждый из учащихся получает возможность на реализацию своих умственных и творческих способностей, а преподаватель сможет дать правильную характеристику процесса обучения с учетом особенностей уровня освоения материала каждого из учеников [4, с. 120-134].

На данный момент согласно последним исследованиям, около 80% подростков увлекаются компьютерными играми. И тут можно совместить приятное с полезным – обучение с помощью игр дает возможность организовать самостоятельную работу каждого ученика. Интегрирование обычного урока с компьютером позволяет преподавателю сделать процесс обучения более интересным и интерактивным. При этом компьютер не заменяет преподавателя, а лишь дополняет его. Подбор обучающих программ многообразен и зависит от текущего учебного материала, уровня подготовки обучаемых и их способностей.

С ростом прогресса и развития персональных компьютеров и компьютерных технологий происходит изменение и в процессе обучения английского языка. На наш взгляд, очень уместно применять компьютеры на уроках английского языка, исходя из специфики данного предмета. Ввиду того, что ведущей составляющей изучения английского языка является речевая направленность данного предмета, при проведении аудирования каждый ученик получает возможность слышать иноязычную речь от носителей языка. Огромную пользу приносит то, что каждый ученик может произносить на английском языке фразы в микрофон, а при изучении грамматических явлений каждый ученик может выполнять грамматические упражнения в игровой форме.

Работа с компьютером в паре позволяет увеличить интерес к учебе, а также дать возможность регулировать степень трудности различных учебных задач. Кроме того, компьютер позволяет полностью устранить одну из важнейших причин отрицательного отношения к учебе – неуспех, обусловленный непониманием материала или проблема в знаниях. Ученику предоставлена возможность использовать различные справочные пособия и словари, которые можно открыть на экране при помощи одного лишь щелчка мышки. Работая на компьютере, ученик получает возможность довести решение задачи до конца, опираясь на необходимую помощь [5, с. 120-140].

Сфера применения компьютера в обучении иностранным языкам невероятно широка. Компьютерные технологии в преподавании могут создавать оптимальные условия для успешного освоения программного материала, осуществления контроля над деятельностью учащихся и, разумеется, средства совершенствования самоконтроля. В затруднительных ситуациях компьютер позволяет ученику получать необходимые данные для успешного прохождения материала, «предлагая» ему те или иные «подсказки» для успешного решения задания.

Сейчас во всех школах идет раннее обучение учащихся иностранным языкам. Часто на уроках иностранного языка учащиеся вовлечены в устную речь в форме беседы или игры. А при создании виртуальной модели общения исключается метод уникальности, так как необходимые на уроках ситуации заранее прописаны на мониторах, они не совсем реальны – хоть «изображения» и движутся, все ответы шаблонны. Некоторые учителя обеспокоены: «Как не превратить урок в этом случае из творческой работы в нечто развлекательное?»

Возникает необходимость педагогу приобретать актуальные электронные учебники и программные комплексы, и делать подборку по ним нужного материала, а также составление перечня дополнительных вопросов и текстов, чтобы в определенный момент на уроке учащиеся могли сесть за определенные компьютеры, найти и открыть нужную информацию, а также выполнить тест по аудированию или чтению. Это очень трудоемкая работа, которую нужно обязательно периодически проводить преподавателю. Прделанная работа позволяет более детально объяснить материал и оценить полученные навыки во время занятия – вот что дает использование компьютеров на уроках. Вместе с этим происходит развитие мышления, которое способствует лучшему развитию инициативной речи у обучающего.

Каждый обучаемый имеет различный уровень развития внутреннего потенциала, которые оказывает влияние на его познавательную деятельность. Основной задачей преподавателя является способствование разностороннему развитию потенциала и увеличение интереса к самопознанию иностранного языка [6, с. 80-90].

На данный момент существует огромное множество различных мультимедийных учебников, где достаточно легко можно найти задания и тесты для учащихся с любым уровнем знаний. Они помогают в изучении фонетики, грамматики, ритмико-интонационных произносительных навыков, скорости речи. Слова, словосочетаниями и предложения, воспринимаются учащимися на слух и зрительно. Учащиеся имеют возможность наблюдать на экране компьютера за артикуляционными движениями и воспринимать на слух правильную интонацию. При этом в силу достаточно высоких имитативных способностей учащихся, в их памяти запечатлеваются правильные образцы [7, с. 65].

По результатам проведенной работы мы выяснили, что проблема внедрения современных информационных технологий в познании иностранного языка и модернизация системы образования являются наиболее важной. Применение информационных технологий позволяет осуществить толчок к разработке новых методик обучения учащихся, что даст возможность их реализацию на более высшем уровне. Занятия с применением компьютеров должны быть построены так, чтобы с первых этапов обучения они стали мощным средством поддержания и дальнейшего развития их интереса к изучаемому предмету. Правильно спланированная работа преподавателя с обучающимися, которая построена на применении мультимедийных программных комплексов, может способствовать росту их познавательного и коммуникативного интереса. Это, в свою очередь, приводит к расширению возможностей самостоятельной работы по изучению иностранного языка, как на занятиях, так и во свободное от учебы время.

Список литературы

1. Полтавец Ю. Н., Трутнев А. Ю. Компьютерные технологии в процессе обучения иностранному языку // Образование и педагогические науки в XXI веке: актуальные вопросы, достижения и инновации: Сборник статей победителей Международной научно-практической конференции / Под общей редакцией Г.Ю. Гуляева. – 2017. – С. 219-224.
2. Трутнев А.Ю. Информационные технологии как инструмент формирования общекультурной компетенции современного музыканта // Вестник Магнитогорской консерватории. – 2017. – № 3. – С. 97-100.
3. Трутнев А. Ю. Информационные технологии при обучении иностранному языку в университете. Монография // LAP LAMBERT Academic Publishing, Saarbrücken. – 2016. – 148 с.
4. Владимирова Л.П. Интернет на уроках иностранного языка // ИЯШ. – 2012. – №3. – С. 33-41.
5. Донцов Д.А. Английский на компьютере. Изучаем, переводим, говорим. М., 2007. 157 с.
6. Карамышева Т.В. Изучение иностранных языков с помощью компьютера (в вопросах и ответах). СПб., 2011. 233 с.
7. Нелунова Е.Д. Информационные и коммуникационные технологии в обучении иностранному языку в школе. Якутск, 2016. 120 с.

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА ВО ФРАНЦУЗСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ С КОМПОНЕНТОМ COEUR

Сухорукова Ю.С.

доцент кафедры немецкого и французского языков, канд. филол. наук, доцент,
Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина,
Россия, г. Сыктывкар

Статья затрагивает вопрос метафоричности концептуализации окружающей действительности человеком. На материале инфинитивных фразем рассматривается метафорически переосмысленная семантика субстантивного компонента *cœur* и исследуется создаваемый французским языковым сознанием образ сердца. Описываются его наивно-анатомические свойства в сопоставлении с некоторыми естественнонаучными знаниями о данном органе.

Ключевые слова: метафора, наивная анатомия, фразеопарадигма, языковая картина мира, семантическое переосмысление.

Метафоричность концептуализации окружающей действительности человеком, провозглашаемая Дж. Лакоффом [5, с. 25], неоспорима хотя бы потому, что уже для объяснения способа осмысления последней не обойтись без метафор. Сопоставляя объективную и языковую картины мира, часто говорят об их *незеркальности*, о языке как *призме*, в *гранях* которой преломляется видимое и интерпретируемое.

Языковая «призма» имеет много метафорических граней, так как метафора – это своего рода кратчайший путь к освоению нового через известное. Метафора «уравнивает конкретное и абстрактное, доступное непосредственному ощущению и умопостигаемое, действительно существующее и вымышленное» [6, с. 182]. В.Н. Телия вводит понятие «модуса фиктивности», объясняющего суть метафорического механизма: «...Метафоризация начинается с допущения о подобии ... формирующегося понятия о реалии и некоторого в чем-то сходного с ней “конкретного” образно-ассоциативного представления о другой реалии» [6, с. 186].

Модус фиктивности, кратко передаваемый формулой «X есть как бы Y», в подавляющем большинстве случаев основан на антропометрическом уподоблении, так как человеку свойственно соизмерять всё по своему образу и подобию. Заимствуя выражение Д.Шкара, «мы видим вещи не такими, какие они есть, а такими, какие есть мы сами» («*We don't see things as they are; we see things as we are*») [9, с. 189]. А поскольку первым объектом практического человеческого опыта является его тело, анатомические метафоры, задействующие наименования органов и частей тела, активно используются для вербализации понятий абстрактной сферы. В частности это касается вербализации эмоционально-психических процессов.

Согласно естественнонаучным представлениям, материальные органы человеческого тела отвечают за определенные функции организма и регулируют конкретные физиологические процессы. Эта кажущаяся обывателю «понятность» устройства организма делает соблазнительными наивно-анатомические уподобления, которые искажают научные представления о человеческом теле по крайней мере в двух пунктах. Во-первых, появляются несуществующие, «представляемые» органы (например, душа), и во-вторых, обычным органам приписываются необыч-

ные функции, как правило, из разряда психических [8, с. 6]. Органом второго типа является, например, сердце.

Мы обратимся к метафорическому образу сердца во французской фразеологии, так как фразеологизм (далее – ФЕ) можно рассматривать как микротекст, капсулирующий информацию об осознании человеком мира. Поскольку фразеопарадигма компонента *coeur* ‘сердце’ довольно обширна (206 ФЕ), в рамках данной статьи мы ограничимся анализом инфинитивных фразем вида «инфинитив + предлог (факультативно) + сердце» (*Verbe inf. + * prép. + coeur*, далее Vi(p)C).

Весь корпус исследуемых ФЕ выстраивается согласно модусу фиктивности «Х есть как бы Y», где Х есть атомарное словосочетание в основе ФЕ (т.е. прототип фразеологизма, имя первичной ситуации в основе ФЕ), а Y – фразеосемена (новое, переосмысленное содержание ФЕ) (оба термина – Н. Н. Кирилловой) [4, с. 21]. То есть можно констатировать стопроцентную метафоричность данной части фразеопарадигмы *coeur*.

Изучение метафорически переосмысленной семантики рассматриваемых ФЕ позволяет классифицировать их по 7 семантическим группам: 1) Эмоциональное состояние субъекта – обладателя сердца (*se ronger le coeur* ‘терзаться тайной печалью’), 2) Эмоциональное воздействие на другого (*briser le coeur* ‘причинить душевную боль’), 3) Характеристика способа действия (*mettre le coeur à qch* ‘проявлять усердие в чем-л.’), 4) Любовные отношения (*refuser son coeur* ‘отвергнуть чью-то любовь’), 5) Физическое состояние (*avoir / donner mal au coeur* ‘испытывать тошноту’), 6) Свойства характера (*être sans coeur* ‘быть бездушным’), 7) Физическое воздействие (*se percer le coeur* ‘покончить с собой’). Данная классификация схематически представлена на рисунке.

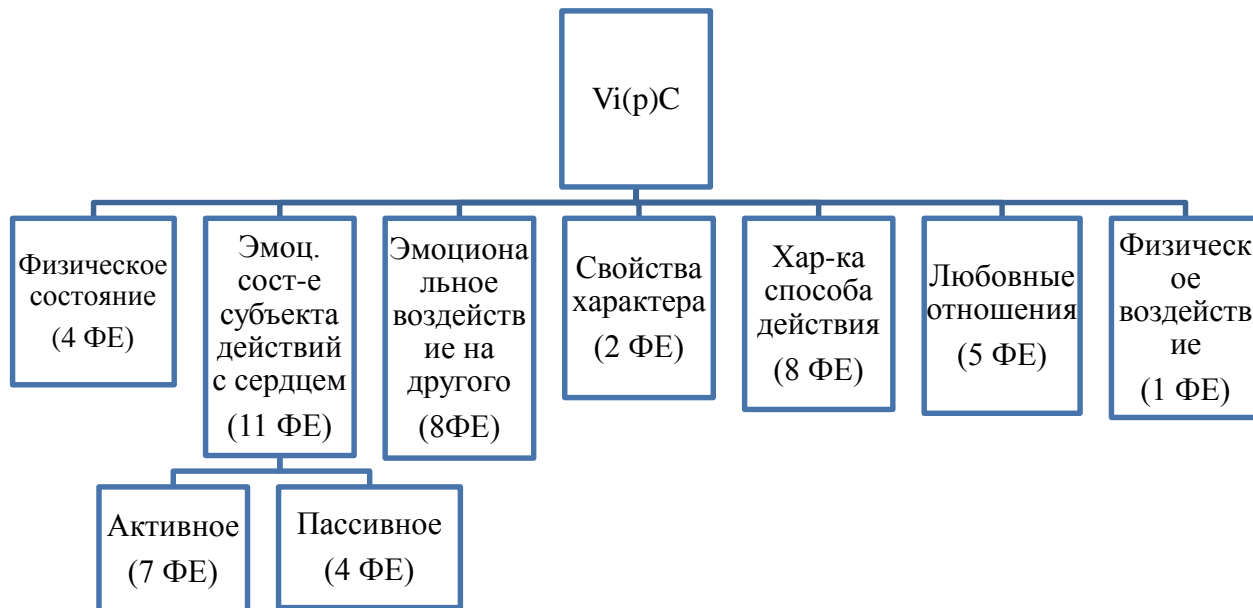

Рис. Семантическая классификация инфинитивных фразем с компонентом *coeur*

Обращает на себя внимание то, что во всех ФЕ сердце является «мишенью» действия, выраженного глаголом. Это объяснимо синтаксически, поскольку выбранный корпус ФЕ строится по модели глагол + существительное *coeur*, заполняющее валентность объекта.

Наиболее крупной семантической группой исследуемого корпуса является группа эмоциональных состояний обладателя сердца. В зависимости от динамической либо статической семантики глагола, ФЕ этой группы распадаются на две

подгруппы – активных и пассивных состояний. Например, *se ronger le coeur* (букв. грызть себе сердце) ‘терзаться печалью, душевной болью’ выражает состояние, провоцируемое в момент его вербализации, в отличие от *être en coeur* (букв. быть в сердце) ‘быть веселым, в радостном настроении’ – состояние длящееся, статичное.

Естественно было бы предположить, что ведущей эмоцией, связанной с сердцем, должна быть любовь, так как в наивных представлениях сердце универсально рассматривается как орган любви к человеку противоположного пола [1, с. 534]. Однако анализ показывает, что ФЕ любви в группе «Эмоциональные состояния» отсутствуют вовсе, а доминирующей является семантика душевной боли. Сердце подвергается болезненному воздействию, разрушающему его целостность. В ФЕ *se ronger le coeur* (см. выше) и *se labourer le coeur* ‘терзаться, мучить себя’ ключевыми являются глаголы, в значении которых доминирует сема «разрушение под воздействием острого предмета»: *ronger* буквально значит «грызть зубами», *labourer* – ‘вскапывать, бороздить’. Повышенной экспрессивностью обладает ФЕ *crucifier son coeur* ‘истязать сердце’ благодаря аллюзийной коннотации глагола, отсылающего к библейской традиции. В буквальном смысле *crucifier* – ‘распять на кресте’, что ассоциативно соотносит душевные муки, испытываемые человеком, с невыносимыми физическими страданиями распятых, и в особенности с муками распятого Христа.

Душевное страдание может провоцироваться не только активным разрушающим воздействием на сердце, но и давлением или неудобным положением постороннего предмета в сердце. ФЕ *peser sur le coeur* (букв. давить весом на сердце) ‘угнетать’ описывает ситуацию наличия какого-то тяжелого предмета на «поверхности» сердца, что дает неприятное ощущение дискомфорта. И даже при отсутствии веса, наличие чего-либо «на сердце» – фактор дискомфорта, напр.: *avoir (qch) sur le coeur* (букв. иметь что-то на сердце) 1) ‘сожалеть о чем-то’, 2) ‘держат что-то в сердце и мучительно думать об этом’. ФЕ *rester en travers du coeur* (букв. находиться поперёк сердца) ‘камнем лежать на сердце’ перекликается с выражением *rester en travers de la gorge*, которое описывает обыденный опыт застревания в горле чего-либо, что мешает глотанию. Подобно этому, тревоги, мучающие человека, метафорически переосмысливаются как «застревающие» в сердце.

Антонимическая пара *perdre coeur* ≠ *reprendre coeur* (‘оробеть’ ≠ ‘ободриться’) воскрешает средневековые историко-культурные ассоциации, когда сердце во французской культуре было символом силы духа, храбрости [3, с. 264], т.е. *coeur* = *courage*.

Внутренняя форма ФЕ *se bronzer le coeur* (букв. покрыть сердце бронзой) обманчива привычной ассоциацией между физической твердостью и прочностью металла и твердостью духа. Однако здесь метафорическое преломление характеристик металла порождает семантику эмоциональной жесткости: ‘очерстветь душой’ (см. также подобные ФЕ с атрибутивной структурой в [7, с. 168]).

В семантической группе эмоционального воздействия на другого доминанта боли остается. Все фразеометафоры в данной группы строятся на «контактных» глаголах – т.е. таких, которые предполагают прикосновение к сердцу, причем их можно выстроить по шкале нарастания степени болезненности контакта: *toucher* → *retourner* → *traverser* → *crever* → *déchirer* (*fendre* / *blessar*) → *arracher* → *briser* + *le coeur* = коснуться → перевернуть → пронзить → проколоть → порвать, поранить → вырвать → разбить + сердце. Фразеосемемы данных ФЕ практически подчиняются той же градации: от ‘взволновать, затронуть душу’ в первых двух через ‘тер-

зять сердце, причинять горе' до 'разбить сердце'. То есть метафорическая наивная анатомия свидетельствует о том, что для сохранения спокойного и приятного эмоционального состояния предпочтительно не трогать сердце. Единственно возможным благоприятным контактом может быть согревание сердца: *chauffer le coeur* 'подбодрить кого-то, поднять дух'. Это подтверждает мысль, что в рамках метафорической модели «переживание чувств – тактильное ощущение температуры» параметр тепла ассоциируется с эмоциональным комфортом [2, с. 6].

Наряду с ФЕ эмоционального (временного) состояния, два ФЕ вида Vi(p)C описывают константные черты характера человека: *avoir du/le coeur*, *être sans coeur* (*manquer de coeur*). Интересно, что несмотря на антонимическую семантику их атомарных словосочетаний (иметь сердце ≠ быть без сердца), фразеосемемы не антонимичны. Обладание сердцем есть обладание силой духа, мужеством, что перекликается с ранее упомянутой культурно-исторической ассоциацией *coeur* = *courage* (см. также *donner du coeur* 'приободрять' из группы эмоционального воздействия на другого). Отсутствие сердца – близкое русским понимание сердца какместилища способности к сопереживанию, состраданию, которой «человек без сердца» лишен.

В группе характеристики способа действия можно выделить два любопытных свойства сердца, вытекающих из его метафорической интерпретации. В части ФЕ сердце выступает как некий источник иррациональных, не управляемых рассудком желаний и стремлений: *bouder contre son coeur* (букв. сердиться на собственное сердце) 'поступать себе назло' (т.е. противоположно желаемому); *désavouer son propre coeur* (букв. отвергнуть свое сердце) 'действовать наперекор себе' (т.е. хотеть одного, а делать по-другому); *écouter son coeur* (букв. слушать свое сердце) 'внимать голосу сердца' (т.е. поступать не рассудочно, а по ощущениям); *mettre le coeur à qch* (букв. вкладывать сердце во что-л.) 'проявлять усердие в чем-л.' (т.е. делать потому, что есть большое желание). Второе свойство – сердце как глубинная сущность, нематериальная суть, истинность человеческой природы: *découvrir son coeur (à nu)* (букв. обнажить сердце) 'быть откровенным, раскрыть душу' (т.е. то, что обычно скрыто от глаз, бережно хранится внутри); *soulager son coeur* (букв. облегчить сердце) 'излить душу' (т.е. дать доступ к тайному, сокровенному); *parler/s'adresser/aller droit au coeur* (букв. говорить/обращаться/идти прямо к сердцу) 'проникнуть в душу' (т.е. обратиться к самой внутренней сущности).

Семантика любви отражена в нескольких ФЕ вида Vi(p)C, но не в ожидаемом эмоциональном ключе. Во всех ФЕ этой группы сердце выступает не как орган чувств, а как своеобразный предмет, передаваемый от человека к человеку и служащий залогом любовных отношений. Этот «залог любви» можно отдать любимому (*donner son coeur* 'отдать свое сердце, полюбить'), можно отказаться отдать (*refuser son coeur* 'отвергнуть любовь'), можно подарить (*offrir son coeur* 'сделать предложение'), а можно высвободить из чьих-то рук (*dégager son coeur* 'порвать любовную связь'). Кроме того, внутрь этого воображаемого предмета можно поместить того, кого любишь (*porter dans son coeur* 'питать нежные чувства').

Большинство ранее приведенных примеров не связаны с анатомическими функциями сердца как материального органа. Исключением являются ФЕ группы свойств характера, где внутренняя форма ФЕ указывает на наличие либо отсутствие данного органа, а также нескольких ФЕ группы эмоциональных состояний обладателя сердца, где опять же на уровне внутренней форме рассматривается фи-

зическое воздействие на сердце. Тем не менее, есть отдельная семантическая группа ФЕ вида Vi(p)C, прямо характеризующая физические ощущения организма. Однако в ней компонент *coeur* отражает медицинские представления французов отдаленных эпох и обозначает область груди и желудка, в частности эпигастрий [3, с. 264–265]. Этим объясняются ФЕ *avoir / donner mal au coeur* (букв. иметь боль в сердце), *affadir / barbouiller / chavirer / engloutir / lever / soulever le coeur* (букв. лишать вкуса / пачкать/ опрокидывать/ поглощать/ поднимать / приподнимать сердце) ‘вызывать тошноту’; *demeurer sur le coeur* (букв. оставаться на сердце) ‘создавать ощущение тяжести в желудке’. Есть и ФЕ положительной коннотации, связанный с приятными ощущениями в желудке: *ne pas être malade de coeur* (букв. не иметь больного сердца) ‘сохранять хороший аппетит’.

Всего одна ФЕ в исследуемом корпусе прямо связана с функцией материального органа сердце и его жизнеобеспечивающей функцией: *se percer le coeur* (букв. проткнуть себе сердце) ‘покончить с собой’. В данном случае атомарное словосочетание описывает реальную ситуацию и физически возможное действие с сердцем, а фразеосема метафорически, но отражает реальные последствия такого действия: пронзенное сердце = конец жизни.

Таким образом, можно утверждать, что в инфинитивных фраземах семантическая сцепка метафоризованных глаголов и компонента *coeur* рождает следующий образ сердца. Сердце есть некий орган, обладающий объемом, целостностью, локализацией и жизнеобеспечивающей функцией. Этот орган – источник эмоций, в основном негативных, его наличие или отсутствие предопределяет некоторые черты характера (мужество и сострадание). Сердце можно отдавать в случае возникновения любовного влечения и забирать назад. Сердце есть сосредоточие самой внутренней человеческой сути, противоположной рассудку и неподвластной логике, источник иррациональных желаний.

Список литературы

1. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 576 с.
2. Быкова А.А. Температурная метафора в языковой и дискурсивных картинах мира: глагол «греть» // Вестник Томского гос. ун-та. 2014. № 380. С. 5-11.
3. Гак В.Г. Национально-культурная специфика меронимических фразеологизмов // Фразеология в контексте культуры. М.: «Языки русской культуры», 1999. С. 260-265.
4. Кириллова Н.Н. Фразеология романских языков: этнолингвистический аспект: монография. СПб.: ООО «Книжный Дом», 2015. 236 с.
5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. / пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
6. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. М.: Наука, 1988. 216 с.
7. Сухорукова Ю.С. К вопросу о наивной анатомии сердца во французской фразеологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 3(69): в 3-х ч. Ч. 3. С. 168-171.
8. Урысон Е.В. Фундаментальные способности человека и «наивная» анатомия // Вопросы языкознания. 1995. № 3. С. 3-17.
9. Šcara D. Body Metaphors – Reading the Body in Contemporary Culture. // Collegium antropologicum. 2004. Vol. 28. Suppl. 1. № 1. P. 183-189.

КОММУНИКАТИВНАЯ ТАКТИКА РЕФРЕЙМИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Умирзакова З.А.

доцент кафедры практических языков, канд. фил. наук, доцент,
Казахский национальный педагогический университет имени Абая,
Казахстан, г. Алма-Ата

В статье проводится анализ коммуникативной тактики рефреймирования на примере выступления известного адвоката Ф.Н.Плевако. В результате анализа выступления автор выявляет цель используемых коммуникативных тактик, выясняет степень реализованности каждой из них в данном коммуникативном акте. Автор подробно рассматривает тактику рефреймирования, которая в полной мере проявляется в сложных коммуникативных ситуациях.

Ключевые слова: коммуникация, коммуникант, фрейм, дискурс, коммуникативный акт, коммуникативная тактика, коммуникативная цель.

Выбор и использование конкретных коммуникативных тактик обусловлены наличием общей когнитивной базы у участников коммуникативного акта, т.е. говорящий исходит из того, что слушающий / читающий имеет общую с ним когнитивную картину мира, в частности, когда речь идет о конкретной коммуникативной ситуации, оба участника владеют информацией о фрейме, стереотипном и характерном для данного национально-культурного социума.

В рамках сложного коммуникативного акта основное внимание может быть направлено на углубление и дополнение одного слота сложно-структурного фрейма, либо на усиление связи между несколькими слотами, либо на коренном изменении одного из слотов, что в конечном счете ведет к изменению всего фрейма.

В этом плане интерес представляет анализ сложного коммуникативного акта в рамках юридического дискурса.

В качестве примера можно привести выступление известного адвоката Федора Никифоровича Плевако (1812-1908), занимавшего особое место в истории судебного дела России второй половины XIX века. Г. Г. Гиздатов, характеризуя судебный дискурс Плевако, пишет: «Стиль речей Плевако очень индивидуален и в своей простоте необыкновенно напряжен и доказателен. Способность мгновенно реагировать на реплику противника, ошеломить присяжных и судей шквалом образов и оригинальных сравнений, находчивость и остроумие – все это присутствует в речах Плевако» [1, с. 126].

Мы бы хотели рассмотреть одно из выступлений Плевако в аспекте коммуникативных тактик, использованных в нем. Описание данного выступления и повод судебного разбирательства даны по указанной работе Г. Г. Гиздатова.

Старушка украла жестяной чайник стоимостью дешевле пятидесяти копеек. Прокурор решил заранее нейтрализовать влияние защитительной речи адвоката и сам высказал то, что можно было бы сказать в защиту подсудимой: бедная старушка, горькая нужда, кража незначительная, подсудимая вызывает не негодование, а чувство жалости. Но собственность священна, все гражданское благоустройство держится на собственности, если же позволить людям сотрясать ее, то страна погибнет, язвительный ответ адвоката содержал в себе правовую полемику с обвинителем, так как общественной опасности в этом случае не было: «Много бед, много

испытаний пришлось испытать России за ее больше чем тысячелетнее существование. Печенеги терзали ее, половцы, татары, поляки. Двенадцать языков обрушились на нее, взяли Москву, Все вытерпела, все преодолела Россия, только крепла и росла от испытаний. Но теперь, теперь старушка украла старый чайник ценою в тридцать копеек. Этого Россия уж, конечно, не выдержит, от этого она погибнет безвозвратно». Старушку оправдали [1, с. 127].

Фрейм, из которого исходит обвинитель и адвокат при разбирательстве данного дела, обоим участникам коммуникативного акта хорошо знаком. В самом приведенном тексте фрейм обозначен схематически, указаны основные слоты: 1) собственность священна, т.е. неприкосновенна; 2) все гражданское благоустройство держится на собственности, т.е. положение о неприкосновенности собственности является основой главного закона государства; 3) нарушение закона о неприкосновенности собственности наказывается государством. Обвинитель акцентировал внимание на том, что никому нельзя позволить нарушать закон о неприкосновенности собственности, ибо это может привести в конечном счете к расшатыванию правовых устоев государства и как крайний негативный результат – к ослаблению и гибели государства. Ф. Н. Плевако здесь в своей защитительной речи как адвоката обращает внимание на понятие «общественная опасность» как базу отдельного слота сложно-структурного юридического фрейма «неприкосновенность собственности», а именно: наказание за нарушение неприкосновенности должно соотноситься с понятием «степень общественной опасности» конкретного рассматриваемого деяния. Для обоснования своей мысли Ф. Н. Плевако использует сравнение действительно значимых и представлявших реальную угрозу для существования России как государства исторических событий, таких, как нашествие татаров, половцев, печенегов, которые Россия преодолела, становясь крепче от испытаний, и кражу тридцатикопеечного старого чайника нищей старухой, которую обвинитель квалифицировал как представляющее общественную опасность деяние.

Чтобы понять, насколько эффективно было использование приема сравнения, приведем высказывание В. М. Огольцева о сравнении: «Сравнение является одним из важнейших приемов познания объективной действительности. К тому же в ряду других логических приемов сравнение занимает особое место, так как для каждого из них оно оказывается первичным и неотъемлемым» элементом. Ни анализ, ни синтез, ни абстрагирование и обобщение невозможны без сравнения. Подобно тому, как сравнение пронизывает формы мышления, начиная с элементарных и кончая высшими, оно пронизывает многообразные и многочисленные единицы языка на его различных уровнях» [2, с. 16].

В логическом плане в сравнении выделяют три компонента: то, что сравнивают; то, с чем сравнивают; основание сравнения. З. К. Ахметжанова пишет: «... при традиционном сравнении ... сравниваются два предмета, обладающие общим количеством или свойством, которое в одном из них проявляется в большей или меньшей степени по сравнению с другим: Дерево выше дома. Гость смирнее овцы» [3, с. 162].

Здесь крайне значимым выступает третий компонент – основание сравнения. Иначе говоря, сравнивать можно только те понятия, у которых есть общее основание. Когда же Ф. Н. Плевако приводит, в соответствии с логикой прокурора, в одном сравнительном ряду события, представлявшие реальную угрозу для государства, и кражу старого тридцатикопеечного жестяного чайника, становится явной абсурдность подобного сравнения, поскольку отсутствует общее семантическое

основание сравнения, каковым должна была выступать, по мысли обвинителя, общественная опасность деяния старухи.

В сложно-структурном коммуникативном акте обычно используется не одна коммуникативная тактика, а несколько тактик, каждая из которых преследует свою конкретную коммуникативную цель. В анализируемом сложном коммуникативном акте использована тактика сравнения, целью которой является выявление истинного характера сравниваемых событий: представляет общественную опасность или нет. При этом в качестве первого компонента указаны события, относительно которых в обществе и исторической науке сложились устоявшееся мнение и оценка: эти события действительно представляли угрозу для России как государства. Вторым компонентом представлен факт кражи старого жестяного чайника, относительно которого есть только мнение и оценка прокурора.

Тактика сравнения подкрепляется тактикой гиперболизации, т.е. доведением до крайностей тактики сравнения, когда Ф.Н. Плевако вводит в орбиту сравнения несопоставимые по своим масштабам факты и события.

Тактика сравнения и тактика гиперболизации сравнения помогают достичь как прямой, непосредственной коммуникативной цели – оправдание обвиняемой, так и более глубинной цели – показать, что стереотипный фрейм, из которого исходят при рассмотрении дел, связанных с посягательством на чужую собственность, должен быть дополнен слотом – степень общественной опасности деяния, который можно выявить путем сравнения и учета всех обстоятельств дела.

Тактика сравнения подкрепляется тактикой противопоставления: *Все выдержала и перенесла Россия..., но старушка украла чайник. Этого Россия, уж, конечно, не выдержит, от этого она погибнет безвозвратно.*

Как тактика сравнения, так и тактика гиперболизации вместе с тактикой противопоставления в данном коммуникативном акте служат для реализации тактики рефреймирования, являющейся когнитивно и коммуникативно более сложной тактикой и проявляющейся в сложных коммуникативных ситуациях с многоходовыми коммуникативными этапами развития коммуникативного акта.

Выбор и использование конкретных коммуникативных тактик зависит от того, как говорящий и слушающий идентифицировал коммуникативную ситуацию и определил соответствующий этой ситуации тип фрейма. В свою очередь, это напрямую обусловлено такими факторами, как фоновые знания, способность коммуниканта устанавливать причинно-следственные связи, т.е. когнитивное развитие коммуниканта.

Поскольку когнитивная компетенция, фоновые знания о фреймовых структурах, на которых строится любая коммуникация, у разных людей различна, глубинная коммуникативная цель сложного коммуникативного акта может быть определена как изменение стереотипного фрейма, из которого исходит слушающий в оценке коммуникативного события и планируемых вербальных и невербальных действиях. В данном случае ведущий коммуникант изменяет структуру фрейма, вводя новый слот. Это мы и квалифицируем как коммуникативную тактику рефреймирования и попытались проиллюстрировать анализом выступления Ф. Н. Плевако в рамках судебного дискурса.

Таким образом, тактика рефреймирования выступает сложной тактикой и проявляется чаще всего в сложных коммуникативных ситуациях. Данная тактика

наиболее полно используется в дискурсах, связанных с необходимостью изменения общественного мнения, доказательства точности своего мнения по поводу актуальных проблем и событий.

Список литературы

1. Ахметжанова З.К. Функционально-семантические поля русского и казахского языков // Ахметжанова З.К. Язык в социальном, культурном и коммуникативном контексте. – Алматы. – «Елтаным». – 2012. – С. 123-180.
2. Гиздатов Г.Г. Очерки по истории судебной речи. – Алматы. – «Жети жаргы». – 1998. – 224 с.
3. Огольцев В.М. Устойчивые компаративные структуры в языковой системе // Системность русского языка. – Новгород. – 1973. – С. 7-117.

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»

О ВРЕМЕНИ ПРЕКРАЩЕНИЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ ТМУТАРАКАНСКОГО КНЯЖЕСТВА

Зеленский Ю.В.

заведующий отделом археологических фондов,
Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник,
Россия, г. Краснодар

В статье рассматривается вопрос о времени прекращения существования Тмутараканского княжества. Высказывается гипотеза о том, что оно могло существовать до начала XIII в.

Ключевые слова: Тмуторокань, княжество, половцы, турки-сельджуки, купцы, князь.

Вопрос о времени возникновения Тмутараканского княжества является дискуссионным. Точно так же историки спорят о том, когда Тмуторокань¹ перестала быть древнерусским городом. И наконец, имеются серьезные сомнения в вопросе существования собственно Тмутараканского княжества. Применительно к X-XI вв. некорректно применять термин княжество, речь может скорее идти о княжении. Вопрос о времени прекращения существования Тмутараканского «княжества» также является предметом дискуссии.

Тмуторокань впервые была упомянута в летописи под 988 г. [3, стб.106]. Именно в этом году в Тмуторокань был направлен княжить Мстислав Владимирович. Однако эта дата является условной и скорее всего поздней вставкой. Возможно, Мстислав начал княжить в Тмуторокани в 1010 или даже в 1015 г.

Последний раз Тмуторокань упоминается в летописи под 1094 г. Именно в этом году Олег Святославич покинул город и отправился завоёвывать Чернигов. Считается, что после этого Тмуторокань перестала быть древнерусским городом и перешла под протекторат Византии.

Некоторые исследователи утверждали, что Тмутараканское княжество существовало и после 1094 г. А. В. Гадло предположил, что русское население покинуло Тмуторокань в 1117 г. Именно в этом году в Черниговской земли впервые упоминается город с таким названием [1, с. 121]. Предполагают, что русское население одновременно покинуло Тмуторокань и Белую Вежу после 1116 г. под натиском половцев.

Общепринятым стало мнение, что появившись в южнорусских степях в середине XI в. половцы перерезали торговые пути, соединяющие Тмуторокань и Киев. Также существовала гипотеза о том, что Тмуторокань была захвачена половцами. Однако обе эти версии не соответствуют действительности. На Таманском полуострове и в Прикубанье не зафиксировано половецких погребений XI – начала XII вв. Тмутараканские князья (Ростислав Владимирович, Борис Вячеславич, Олег Святославич, Глеб Святославич, Давыд Игоревич, Володарь Ростиславич) неоднократно проезжали через территорию половецких кочевий. Тем не менее, в конце XII в. Тмуторокань становится для русских князей «землёй незнаемой».

¹ Я придерживаюсь именно такого варианта написания названия этого города.

В 1222 г. к сельджукскому султану Ала-ад-дин Кейкобаду обратился с жалобой купец, который был ограблен половцами в Крыму на так называемой Хазарской переправе. В. Т. Пашуто датировал это событие примерно 1221 г. [5, с. 276]. Против г. Судак было отправлено войско во главе с Хусамом ад-дин Чупаном. Против сельджуков выступили кыпчаки (половцы), они ожидали на помощь себе русских во главе с каким-то русским князем. Численность их войска составила десять тысяч. Л. Н. Гумилёв утверждал, что русские с самого начала участвовали в сражении. Русский князь с подкреплением подошёл позже [2, с. 499]. В. Т. Пашуто считал, что половцы сражались против сельджуков отдельно [5, с. 276].

Состоялось сражение, которое не принесло никому победу. На следующий день оно возобновилось и в этот раз половцы были разгромлены.

Узнав об этом, русский князь направил послов к Хусам-ад-дин Чупану. Он якобы заявил, что остаётся верным рабом султана Ала-ад-дин Кейкобада [8]. Были отправлены богатые подарки: лошади, льняные ткани и 20 000 динаров [8]. Знаки покорности были благосклонно приняты. Посол был щедро одарен.

Л. Н. Гумилёв утверждал, что неизвестному князю пришлось довольствоваться переговорами о выкупе русских пленных. Половцы были оставлены на произвол судьбы [2, с. 499]. Однако автор сочинения «Сельджук-намэ» Ибн-ал-Биби ничего не сообщал о выкупе русских пленных. Л. Н. Гумилёв утверждал, что так беспринципно по отношению к союзникам. Однако и раньше русские и половцы часто были ненадёжными союзниками. После того как половцы были разгромлены, а русский князь заключил с сельджуками мирный договор Судак был захвачен сельджуками.

У историков неоднократно возникали вопросы о том, какие половцы воевали против сельджуков в Крыму, и кто был этот русский князь.

По мнению А. Ю. Якубовского в столкновении с сельджуками участвовали те же половецкие ханы, что и через год в сражении с монголами на р. Калке [8]. Это Котян, Данило Кобякович и Юрий Кончакович. Возможно, под половецким ханом подразумевался Юрий Кончакович. Однако следует отметить, что половцы кочевали не только в Подонье и Поднепровье, но и Крыму. Судак даже называли городом кыпчаков.

Ещё более запутан вопрос о русском князе. Это явно не черниговский или киевский князь. А. Ю. Якубовский предположил, что это был рязанский князь, так как среди подарков упоминался русский лён [8].

Однако непонятно какое отношение имел рязанский князь к событиям в Крыму. Кроме того, лошади, которые также упоминались среди подарков, были привезены из Венгрии.

Но самое главное русский князь со своей дружиной никак не смог бы подойти из Рязани в Крым за то время, когда он узнал о вторжении сельджуков. Известия о высадке сельджуков не могли бы так быстро достигнуть Рязани [7, с. 52-58]. Из Переяславля-Рязанского самого южного города Рязанского княжества дружинники подошли бы через 20-22 дня, а из Рязани через 25 дней.

А. И. Полканов допускал существование какого-то древнерусского княжества на берегах Керченского пролива (возможно с центром в Тмутарокани) [6, с. 58]. Он считал, что Тмутарокань была резиденцией русского князя. В.В. Мавродин также допускал существование Тмутараканского княжества в начале XIII в. [4, с. 326].

Можно допустить существование русского населения в Тмутарокани в начале XIII в. Также речь может идти о причерноморских (приазовских) русах.

Список литературы

1. Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа X – XIII вв. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета. 1994. 238 с.
2. Гумилёв Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль. 1993. 781 с.
3. Ипатьевская летопись (Полное собрание русских летописей. Том второй). М.: Языки славянской культуры. 2001. 648 с.
4. Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времён до второй половины XIV века). СПб.: Наука, – 2002. – 416 с.
5. Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М.: Наука. 1968. 474 с.
6. Полканов А. И. К вопросу о конце Тмутараканского княжества // Известия Таврического о-ва истории, археологии и этнографии. Симферополь. 1929. Т. III. // URL – Режим доступа // http://www.uknol.info/uk/Records/K_voprosu_o_konce_Tmutarakanskog.html.
7. Якубовский А. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. // Византийский временник. Т. 25. 1927. С.52-58.
8. Якубовский А. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. // Византийский временник. Т. 25. 1927. // [Электронный ресурс] – режим доступа // <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Bibi/rametext3.htm>.

СТОЛЕТИЕ ОКТЯБРЯ: ПАРАДОКСЫ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВА – ПАМЯТИ И НАУКИ

Ольшевский В.Г.

канд. экон. наук, доцент, профессор,

Почетный доктор Российской академии естествознания, Беларусь, г. Минск

В статье в контексте столетнего юбилея Октября обобщены противоречия и проблемы современных трактовок революционных потрясений 1917 г., факторы, обусловившие отношение российской власти к этим событиям, выделены некоторые тенденции развития истории как науки и социальной памяти общества.

Ключевые слова: столетие Октября, Великая русская революция, В.И. Ленин, мировая социалистическая революция, социальный эксперимент, проектирование (конструирование) социальной реальности.

Велико незнание России.

Ф.М. Достоевский

*Русская революция не признана великой, она пока только
большая революция, она лишена нравственного ореола. Но найдутся
историки, которые ее идеализируют и канонизируют в чине великой;
создадут легенду, окружают ореолом, хотя потом явятся другие историки,
которые разоблачат эту идеализацию и низвергнут легенду.*

Н.А. Бердяев (1924)

Сто лет по любым меркам – достаточный срок для осмысления исторического события. Но Октябрьская революция 1917 года до сих пор остается предметом острых дискуссий, создающих, по мнению отвечающих за политическую стабиль-

ность, угрозу идейного раскола российского общества, национальной безопасности в целом.

Проблема трактовки Октябрьской революции была создана лидерами победившей советской власти. Оценивая роль совершенного переворота, они думали и говорили не о прорыве к справедливому обществу, а об установлении «диктатуры пролетариата», по их абсолютному убеждению, положившего начало мировой социалистической революции, превращению «империалистской» войны в гражданскую в глобальных масштабах, созданию «Всемирной Федеративной Республики Советов» [13, т. 37, с. 511; т. 38, с. 299-300]. Широкое использование внешне привлекательного словосочетания «Великая русская революция» лишь усугубило сложности ее оценки. Ведь хронологически и содержательно оно охватывает неоднородные процессы, которые невозможно оценить однозначно. Здесь и разрушительный, либерально-демократический Февраль, без которого не было бы Октября. И «бескровная социалистическая революция» с локальным красным и белым террором. И последовавшая, спровоцированная большевиками, широкомасштабная братоубийственная Гражданская война, сопровождавшаяся не только «озверением» противоборствующих сторон и гибелью миллионов россиян, но и духовным «стратацидом», уничтожением или устранением разнообразными «Философскими пароходами» интеллектуальной элиты русского народа. В советской истории в течение длительного времени «Великая Октябрьская социалистическая революция» и «личный вклад» лидеров большевизма в победу Октября трактовались в духе отредактированного и частями написанного или переписанного И.В. Сталиным «Краткого курса истории ВКП(б)» [см.: 8; 11]. В отличие от положившей начало традиции сакрализации «Великого Октября» книги Джона Рида, в которой главными организаторами и руководителями революции были названы В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий, а имя Сталина вообще не упоминалось [26]. Автор и составитель нашумевшего в свое время сборника имел основания для утверждения: «Много десятилетий ни один вопрос, ни одно крупное событие нашей жизни не было обсуждено свободно и всесторонне, так чтобы мочь нам произнести истинную оценку происшедшего и путей выхода из него» [6, с. 3]. То же самое – о людях.

В опубликованной в 1991 г. книге, посвященной первым советским наркомам, ее издатели констатировали: «История обезлюдела. Голос ее звучал фальшиво. Торжествовала система догм, запретов и умолчаний». При этом цитировался ближайший помощник и фактический секретарь Ленина, бывший управляющий делами Совнаркома, ставший доктором исторических наук В.Д. Бонч-Бруевич, который писал незадолго до ухода из жизни в 1955 г.: «Я думаю, что тяжелые времена возвеличения одной личности раз и навсегда прошли. История наша заговорит теперь полным голосом о деятелях революции, расставит всех по местам, где они на самом деле были, и расскажет грядущим поколениям всю правду-истину» [24, с. 3]. К сожалению, правды о многих людях, сотворивших Октябрь, в том числе и о Ленине, «ленинской гвардии», мы не знаем и сегодня [см.: 10].

Основной, хотя и не вполне корректно поставленный, вопрос многочисленных дискуссий был сформулирован предельно четко еще до печально известного ГКЧП и последующего распада СССР, завершившего 74-летний период советской власти: «Октябрь 1917: Величайшее событие века или социальная катастрофа?». Уже тогда указывалось на невозможность его однозначной трактовки. Наиболее общую оценку Октября российской властью высказал в 2016 г. министр культуры В.Р. Мединский во время круглого стола, посвященного 100-летию юбилею. Он

констатировал, что русская революция в общественном сознании сегодня одновременно и сакрализована, и проклята. Как представитель правительства и одновременно человек науки – доктор политических и доктор исторических наук, он подчеркнул: «При всем расхождении взглядов почти столетней давности, мы не можем отрицать тот факт, что сама попытка построения на земле справедливого общества самым решающим образом изменила пути исторического развития не только России, но и оказала огромное влияние на прогресс народов всей планеты» [32].

Еще более возвышенно обосновывает всемирно историческое значение «Великой Октябрьской революции» (без «социалистической») в истории России и мира профессор, декан Высшей школы телевидения МГУ им. М.В. Ломоносова В.Т. Третьяков. Каждое из приведенных им восьми положений достойны внимания, по каждому из них можно дискутировать с пользой для углубления понимания юбилейного события. Вследствие ограниченных размеров статьи выделим здесь лишь основные идеи автора.

По оценке мэтра российской журналистики, величие красного Октября определяется, наряду с другими обстоятельствами, тем, что «именно в результате Октябрьской революции (прихода к власти большевиков) Россия под названием Советский Союз стала одной из двух мировых сверхдержав, достигнув своего максимального за всю историю могущества и влияния...

Большевистская партия сознательно пошла на один из величайших социально-политических экспериментов в истории человечества. Пожалуй, невозможно назвать другой, сопоставимый по масштабам и новизне, такой пример. Этот эксперимент успешно продолжался почти три четверти века и хотя и завершился в конечном счете неудачей, не может быть вычеркнут из исторического опыта человечества ни в своей негативной части, ни, что гораздо важнее, в своей положительной ипостаси...

Большевики первыми в мире попытались в таких масштабах реализовать одну из величайших утопий человеческой цивилизации – построение бесклассового и лишенного расовых, сословных, имущественных и прочих антагонизмов общества и государства (фактически – «Рая на земле»). Этого не удалось сделать. Возможно, потому, что никакую утопию воплотить в жизнь нельзя, но попытка была, и дерзновенность ее сопоставима с масштабами самой человеческой истории и уступает разве что появлению и развитию великих религиозных проектов, в частности – христианства.

...Октябрьская революция привела к появлению в России двух величайших политиков из числа 5–6, которые вообще могут быть отнесены к таковым в мировой истории XX века. Это, разумеется, Ленин и Сталин, несмотря на то, что оценки их деятельности могут быть самыми разнообразными и самыми противоречивыми» [29]. К сожалению, автор не назвал других персонажей, входящих наряду с вождями мирового пролетариата в число величайших политиков прошлого столетия, что помогло бы понять характер их величия.

Не вдаваясь в детальный анализ приведенных положений [см. об этом: 22], поставим лишь под вопрос допустимость социально-политического экспериментирования над людьми и принудительной реализации социальных утопий. Прежде всего, стоит оговориться, что Ленин, большевики отнюдь не считали начатое ими революционное преобразование России и мира экспериментом. Вслед за основоположниками марксизма они считали переход человечества к социализму и коммунизму фундаментальной и непреложной закономерностью. Октябрь не состоялся

бы, не будь абсолютной убежденности Ленина в необходимости и неизбежности мировой социалистической революции, которой он «заразил» не только своих ближайших соратников. Вождь сумел убедить партию в том, что захват власти разожжет пожар мировой революции, а «диктатура пролетариата» позволит решить поставленные им задачи. Хотя в партии были люди, считающие вооруженное восстание несвоевременной и рискованной авантюрой, авторитет и колоссальная энергия безусловного лидера сломили их сопротивление. Необычная для русских интеллигентов сила воли Ленина, ненависть к убившему его брата царизму, «буржуазному обществу», к России, как «тюрьме народов» и «жандарму Европы», непоколебимая убежденность в правильности выбранного им пути, умение убеждать других, способность властвовать, подкрепленные находящейся в его распоряжении партийной кассой, обеспечили выдающийся результат. Не страдающий чрезмерной скромностью «демон революции» Троцкий, сознающий свою роль в организации переворота, признавал ведущую роль Ленина, поскольку сам он, по его признанию, не смог бы убедить партийное руководство в безотлагательности захвата власти.

Нарком просвещения А.В. Луначарский весьма точно выделил доминанту психологии поведения вождя: «Ленин никогда не оглядывается на себя, никогда не смотрится в историческое зеркало, никогда не думает даже о том, что о нем скажет потомство, – он просто делает свое дело. Он делает это дело властно, и не потому, что власть для него сладостна, а потому что он уверен в своей правоте и не может терпеть, чтобы кто-нибудь портил его работу. Его властолюбие вытекает из его огромной уверенности в правильности своих принципов и, пожалуй, из неспособности (очень полезной для политического вождя) становиться на точку зрения противника» [цит. по: 10, с. 19-20].

Огромную роль сыграло и практическое умение Ленина вести за собой толпу. Четко понимая роль лидера в революционном движении и ясно сознавая, что сам является таким лидером, он принимал в расчет только психологию масс и массовое движение [см.: 3]. «Считаться с массами и классами, а не с лицами», – учил он [13, т. 31, с. 157]. При этом он решительно применял любые средства, несколько не колеблясь, разжигал самые низменные инстинкты толпы, внушая ненависть к буржуазии, выдвигая понятный массам популистский лозунг «Грабь награбленное!». Позднее он объяснял, что этот призыв – лишь перевод на народный русский язык известного тезиса основоположников марксизма «Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют!». В реальной жизни это воспринималось далеко не однозначно. В деревнях крестьяне захватывали помещичьи земли, грабили усадьбы, чаще всего убивая их хозяев, а в городах неграмотные, темные «пролетарии», всяческие уголовные элементы брали с собой на митинги и демонстрации не только транспаранты «Да здравствуют Циммервальд – Кинталь», но и мешки для награбленного у буржуазии добра.

Известный ученый, общественный деятель и публицист, активный защитник культуры, пропагандист нравственности и духовности, доктор филологических наук, академик АН СССР Д.С. Лихачёв, начавший свой путь к научным знаниям в 1914 г. в гимназии Императорского Человеколюбивого общества, прошедший Соловецкий лагерь особого назначения и БелБалтлаг, знаток Древней Руси и России XX века имел основания для горькой констатации: «Есть в нашем народе бесовщина. Если бы не она, никакой Ленин ничего не смог бы сделать».

Лишь гуманитарно мыслящие современники воспринимали деятельность большевиков как скверный эксперимент. Комментируя известное кулуарное выска-

зывание Ленина «Дело не в России, на нее, господа хорошие, мне наплевать, – это только этап, через который мы проходим к мировой революции!..» [27, с. 9], характеризуя большевиков и их вождя, член РСДРП с момента ее основания Г.А. Соломон (Исецкий) впоследствии писал: «России, родины у них нет. Для них существует только партия. Россия для них – что-то вроде кролика для их партийных экспериментов» [25]. А.М. Горький, отдавший большевикам до захвата ими власти сотни тысяч рублей из своих литературных гонораров, писал в издаваемой им газете «Новая жизнь» 10 (23) декабря 1917 г.: «Народные комиссары относятся к России как к материалу для опыта, русский народ для них – та лошадь, которой ученые-бактериологи прививают тиф для того, чтоб лошадь выработала в своей крови противотифозную сыворотку. Вот именно такой жестокий и заранее обреченный на неудачу опыт производят комиссары над русским народом, не думая о том, что измученная, полуголодная лошадка может издохнуть. Реформаторам из Смольного нет дела до России, они хладнокровно обрекают ее в жертву своей грёзе о всемирной или европейской революции» [4, с. 87]. А всемирно известный ученый, лауреат Нобелевской премии академик И.П. Павлов в 1920 г писал: «Глубоко убежден, что продельываемый над Россией социальный опыт обречен на непереносимую неудачу и ничего в результате, кроме политической и культурной гибели моей родины, не даст». На лекциях он не раз повторял: если то, что делают большевики с Россией, эксперимент, то для подобного эксперимента он пожалел бы даже лягушку [5]. Следует также учитывать, что этика XX века, многочисленные законы о правах человека запрещали эксперименты на живых людях, по крайней мере, без их согласия. Несмотря на определенную дегуманизацию мышления части нашей интеллигенции (пример В.Т. Третьякова в этом отношении показателен), и в наши дни преобладает убеждение в том, что «никакие достижения не оправдывают эксперименты над человеком, чья жизнь является непреложной ценностью и смыслом исторического процесса» [28].

Фундаментальное переосмысление «Великого Октября» началось в СССР в период «перестроечной гласности», прежде всего под влиянием публикации оценок революционных потрясений 1917 г. и их последствий наиболее яркими представителями русского зарубежья [см.: 2; 30; 31]. Недоступная ранее информация из открывающихся архивов и спецхранов усиливала в последующие годы критику многими российскими учеными, политиками, государственными деятелями противоречий и эксцессов революции, теории и идеологии марксизма. Значительные изменения отношения к Октябрю властных структур произошли под влиянием острого противостояния Б.Н. Ельцина и левых сил в 1993 г., что проявилось на проведенной 5 ноября 1994 г. под патронажем Администрации Президента научно-практической конференции [см.: 21]. Впоследствии оценки Октября стали более сбалансированными и взвешенными, но и к юбилейной дате они не стали менее критичными.

Доктор исторических наук, депутат Государственной думы IV созыва, директор финансируемого Россией Европейского Института демократии и сотрудничества в Париже Н.А. Нарочницкая, почерпнувшая знания не только из книг, отечественных и зарубежных архивов, но и из воспоминаний своего отца – академика-историка АПН и АН СССР, профессора Академии общественных наук при ЦК КПСС, главного редактора журнала «Новая и новейшая история», директора Института истории СССР АН СССР, брата «врага народа», пережившего все периоды репрессий, считает большевистскую революцию трагедией вселенского масштаба

[см.: 9; 12; 17]. «Революция – это богоборческая идея, явление нигилизма, отрицания веры, Отечества, абсолютной морали и представлений о добре и зле», – утверждает она. По свидетельству ее отца А.Л. Нарочницкого, ленинское время было страшнее сталинского. Каждую ночь из соседних домов выводили то гимназистку, то инженера, то целую семью, за городом не стихали выстрелы. По его оценке, от красного террора в 1922-1924 гг. погибло без суда и следствия куда больше людей, чем в сталинских лагерях. При Ленине не только расстреливали, но и называли Александра Невского классовым врагом, Наполеона – освободителем, Чайковского – хлюпиком, Чехова – нытиком, а Толстого – помещиком, юродствующим во Христе... Сама Нарочницкая называет Ленина совершеннейшим воплощением богоборческой идеи, для которого, как для классического революционера, главным была идея мировой революции, а страна, народ – только материалом, средством. Пусть погибнут миллионы, но мы переделаем мир! При этом она сформулировала весьма плодотворную идею о необходимости отделить рассмотрение революции от анализа советского периода истории, фактически ставшего отрицанием всего, что сотворило первое поколение революционеров-большевиков, различать мировоззрение Октября с его устремленностью к мировой социалистической революции и дух Мая 1945-го, Великой Победы советского народа, спасшей человечество от коричневой чумы гитлеровского фашизма.

Доктор исторических наук, декан факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова, депутат Государственной думы I, VI и VII созывов, действующий председатель Комитета по образованию и науке ГД В.А. Никонов считает, что в так называемой Великой Русской революции «не было ничего великого, кроме трагедии страны и ее народа» [20, с. 7]. Это мнение достойно особого внимания, поскольку оно сформулировано не по книжкам хорошо знающим наше прошлое ученым и политиком, сыном двух докторов исторических наук: отца – бывшего сотрудника НКВД, профессора МГИМО, сотрудника ИМЭМО, редактора журнала «Коммунист» и матери – сотрудницы Института общей истории АН СССР и, что особенно важно, любимым и любящим внуком В.М. Молотова – политического и государственного деятеля, соратника Ленина и Сталина, бывшего секретаря ЦК ВКП(б), Председателя Совнаркома СССР, народного комиссара – министра иностранных дел СССР, оказавшегося в опале Сталина после ареста и ссылки его жены П.С. Жемчужиной, но выступившего в его защиту в период «разоблачения культа личности». До 30-летнего возраста Никонов общался со своим знаменитым и хорошо информированным дедом, и это не могло не сказаться на формировании его убеждений.

Весьма существенное уточнение исторического роли Октября предложил доктор экономических наук, профессор, известный политик, один из авторов российской Конституции В.Л. Шейнис: «Октябрьская революция действительно оказалась одним из главных событий XX века не потому, что она показала дорогу в будущее всему миру, ...а потому что она создала экономические, социальные и политические структуры, адекватные мироощущению и устремлениям отставших обществ и ущемленных прежними общественными порядками достаточно многочисленных социальных слоев, особенно в отставших странах» [33, с. 224].

Характерна также позиция праправнука генерала русской армии, и правнука старшего повара императорской кухни, убитого вместе с царской семьей, кандидата исторических наук П.В. Мультатули, который, будучи в 2016 г. начальником сектора исторического анализа и оценок Российского института стратегических ис-

следований, называл революционные потрясения 1917 г. великой катастрофой; она прервала развитие русской истории, привела к появлению совершенно чуждой, антихристианской, антирусской идеологии, которую внедряли в умы русских людей. Он считает, что в целях восстановления исторической правды «руководство страны должно принять однозначную трактовку этих событий» [см.: 32].

Этот призыв по содержанию противоположен другим требованиям к российской власти, прозвучавшим в юбилейном году. Например, В.Т. Третьяков, в дополнение к воспроизведенным выше тезисам, озвученных им 26 января 2017 г. на заседании созданного КПРФ Юбилейного комитета по подготовке к празднованию 100-летия Великой Октябрьской социалистической революции, заявил: «Постыдно замалчивать историческое событие такого масштаба на его родине и в год его столетнего юбилея». Молчание и неучастие власти в его «праздновании» он назвал «преступлением перед собственной и мировой историей» [29]. Между тем, такая позиция власти полностью соответствует Конституции страны, в соответствии с которой никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, а нормой общественной жизни является идеологическое и партийное многообразие.

По результатам масштабного опроса ВЦИОМ, в оценке революции общество раскололось на две равные части. Причем за последнюю четверть века соотношение практически не изменилось, лишь уменьшилось количество колеблющихся. Если в 1990 г. на вопрос «Выражала ли Октябрьская революция волю большинства народов, проживавших на территории Российской империи?» утвердительно отвечали 36% опрошенных, а отрицательно 37%, то в декабре 2016 г. соотношение составило 45% к 43% [1]. Понятно, что противоположность взглядов не может быть устранена вмешательством государства. Политическая власть, при всех ее, не остающихся константами, авторитете и возможностях, не может своим указом одномоментно изменить убеждения людей, живущих в огромной стране при колоссальном разнообразии природно-климатических, социально-экономических, культурных, этнических, имущественных, бытовых условий, при значительных, местами чрезмерных, различиях в уровнях доходов и потребления. Парадокс современной России состоит в том, что она одновременно живет и в XIX, и в XX, и в XXI веках; развитая наука, высокие технологии, огромные производственные возможности, повышающееся благосостояние элит и квалифицированных специалистов сочетаются с низким уровнем жизни миллионов жителей глубинки [17]. Очевидно, В.В. Путин на собственном опыте уже давно убедился в том, что в такой стране, как Россия, президент не может отвечать за всё, как он утверждал при первом вступлении в должность. Власть не может взять на себя ответственность за ошибки, заблуждения, преступления, совершенные в стране в столетней ретроспективе, и их следствия. К тому же, невозможно преодолеть ни укоренившиеся в течение многих десятилетий в сознании миллионов социологические схемы и штампы в духе большевизма, исповедующего идеологию «диктатуры пролетариата» и веры в коммунистическое будущее всего человечества, ни альтернативные им трактовки нашего трагического прошлого. Поэтому права Н.А. Нарочницкая, которая утверждает: «Сегодня самое губительное – оставаться на одной из сторон в споре о революции» [18]. Но это лишь повышает требования к исторической науке и историческому образованию, системе обучения и воспитания в целом, их ответственность за будущее России и ее соседей по постсоветскому пространству. К сожалению, здесь уже обозначились некоторые тенденции, не способствующие столь необхо-

димой «гомогенизации» исторического сознания, что не даёт оснований для оптимизма.

Одна из центральных проблем представлена в публикациях многих квалифицированных авторов. Например, Ю.А. Никифоров пишет: «История присутствует в нашей жизни в двух качествах: с одной стороны, как знание о прошлом, представленное в работах профессиональных историков, и, с другой стороны, как образ этого прошлого в социальной памяти.

Несмотря на то, что методология исторического познания содержит некоторые слабые места, делающие возможным возникновение псевдонаучных теорий, в профессиональном историческом сообществе сформированы механизмы, которые позволяют значительно снизить опасность субъективистских подходов, порожденных влиянием современных обстоятельств и авторских идеологических пристрастий. Эти механизмы основаны на рефлексии и самоконтроле историков, представлении альтернативных точек зрения, учете достижений других историографических направлений. Важнейшим условием для этого является признание целью исторической науки и исторического образования дать обществу адекватное представление о собственном прошлом, а также понимание, что историки располагают для этого необходимым научным инструментарием.

...Было бы наивным полагать, что историческое знание, доступное экспертному сообществу историков-профессионалов, может быть адекватно представлено в общественном сознании. В этом пространстве история существует как некая система образных представлений, мнений, символов и мифов» [19, с. 75-76].

Оставим за пределами рассмотрения «некоторые слабые места методологии исторического познания, делающие возможным возникновение псевдонаучных теорий», и «механизмы», позволяющие «значительно снизить опасность субъективистских подходов», о которых мы знаем из приснопамятного не столь отдаленного прошлого. Обратим внимание на вполне одобряемое автором наличие двух историй: профессионалов-историков и социальной памяти всех прочих граждан, сформированной профессионалами посредством «социального проектирования (конструирования)» [19, с. 77]. Таким образом, если продолжить логику рассуждений автора дальше того, что написано в его статье, то можно сделать вывод, что одной из функций профессиональной истории является мифологизация прошлого, под которой понимается «не собственно искажение истории, а выстраивание такого нарратива, который подчинен некоей внешней задаче (социальному или политическому “заказу”), отличной от стремления объективно разобраться в событиях» [23, с. 17].

Проектирование социальной реальности, сочетающееся с ее мифологизацией, – давняя традиция советского общества и его истории. Отнюдь не случайно некоторые историки-профессионалы признают, что «XX столетие разрушило веру общества в правдивость исторического знания, которая основывалась на представлении о преемственности исторического развития человеческой цивилизации и, следовательно, возможности использовать опыт прошлого для решения проблем настоящего и построения будущего» [7, с. 36]. Необходимо наращивать социальный потенциал истории, приближая ее к правде жизни, сколько бы горькой и трагичной она не была. Соккрытие правды и лакировка действительности контрпродуктивны, поскольку они подрывают доверие народа к науке и другим социальным институтам, обрекают его на новые разочарования, а общество – на новые катаклизмы.

Нельзя также полагаться на монополию профессионалов в развитии исторической науки. Цитированному выше Ю.А. Никифорову, как автору военно-исторических исследований, являющемуся профессором Академии военных наук Российской Федерации, несомненно, известен афоризм Ш.М. Талейрана: «Война – слишком серьезное дело, чтобы доверять ее военным». Перефразировав его можно сказать: «История – слишком важна для социального здоровья общества, чтобы доверять ее профессионалам-историкам». Доктор исторических наук А.И. Миллер как-то с изрядной долей юмора заметил: «Историки в основной своей массе обслуживают национальные проекты, ... а нация – это согласие в общем заблуждении по поводу своего исторического прошлого» [16]. Чтобы таких заблуждений было меньше, история должна быть объектом внимания всех отраслей знаний и соответствующих специалистов.

Уже достаточно давно основоположники марксизма писали, что они знают «только одну единственную науку, науку истории» [15, с. 16]. Имелось в виду научное осмысление всей взаимосвязанной совокупности сведений о развитии природы и общества, технических и социальных средств общественного развития. Маркс также настоятельно подчеркивал необходимость интеграции естественнонаучных и гуманитарных знаний [см.: 14, с. 170]. Очевидно, специалистам в областях социально-гуманитарных, естественных и технических наук, преподавателям высшей школы постсоветского пространства стоит подумать о путях реализации этого направления совершенствования нашей системы образования, нуждающейся в серьезной модернизации. При определенной перестройке учебных планов высшего образования на неспециальных факультетах история могла бы стать основой интеграции социально-гуманитарных и профессиональных знаний, полученных в период обучения. Кроме преподавания ознакомительного предмета на первых курсах, когда студенты еще не изучили философию, экономику, политологию, культурологию, специальные предметы, необходимо включить вопросы истории страны, профессиональной сферы деятельности будущих специалистов в программы выпускных государственных экзаменов, обеспечив их усвоение соответствующими спецкурсами.

Список литературы

1. Акопов П. Отношение россиян к Октябрьской революции только кажется парадоксальным // Взгляд. Деловая газета. 12.10.2017. URL: <https://vz.ru/politics/2017/10/12/890583.html> (дата обращения: 15.01.2018).
2. Аксютин Ю.В., Волобуев О.В. Русская интеллигенция и большевистская революция: в хаосе событий и в смятении чувств (25 октября – 7 декабря 1917 г.) // Вестн. Моск. гос. област. у-та. Серия: История и полит. науки. 2007. № 1. С. 135-148. URL: <http://kurs.znate.ru/download/docs-159010/159010.doc> (дата обращения: 20.06.2017).
3. Вернадский Г.В. Ленин как политический лидер // Его же. Ленин – красный диктатор. М.: Аграф, 2000. 311 с. URL: http://www.plam.ru/hist/lenin_krasnyi_diktator/p12.php (дата обращения: 25.11.2017).
4. Горький М. Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре; Рассказы / Сост. А.В. Диенко. М.: Современник, 1991. 128 с.
5. Известия. 18.07.1997.
6. Из-под глыб. Сб. статей / М.С. Агурский, Е.В. Барабанов, В.М. Борисов и др. М.: Русская книга, 1992. 288 с.
7. Иллерецкая Н.В. Конструирование прошлого в контексте интеллектуального многообразия // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение 2013. № 1. С. 36-48. URL: http://elibrary.ru/elibrary_18999578_12393319.pdf (дата обращения: 15.10.2017).

8. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / Под ред. Комиссии ЦК ВКП (б). Одобрен ЦК ВКП (б). М.: Партиздат, 1938. Репринтное воспроизведение стабильного издания 30-40-х годов. М.: Писатель, 1997. URL: <http://www.alleng.ru/d/hist051.htm> (дата обращения: 13.06.2017).
9. Кожемякин В. Наталия Нарочницкая: чем грозит России демонизация советского государства? // Аргументы и факты. 8 ноября 2017 г. № 45.
10. Коняев Н.М. Трагедия ленинской гвардии, или Правда о вождях октября. М.: Алгоритм, 2007. 576 с.
11. Краткий курс истории ВКП(б). Материал из Википедии – свободной энциклопедии. URL: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Краткий_курс_истории_ВКП\(б\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Краткий_курс_истории_ВКП(б)) (дата обращения: 13.06.2017).
12. Кротков Б. Революция: до основания, а зачем? // Российская газета – Неделя. 2007. № 4508. URL: <https://rg.ru/2007/11/01/revolucia.html> (дата обращения: 10.01.2018).
13. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31-45. М.: Политиздат, 1980-1982.
14. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. М.: Госполитиздат, 1974. С. 41-178.
15. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1955. С. 7-544.
16. Миллер А.И. Империя и нация в воображении русского национализма. Взгляд историка. Лекция на www.polit.ru. 31 марта 2005 г. URL: <http://polit.ru/article/2005/04/14/miller/> (дата обращения: 21.12.2017).
17. Нарочницкая Н.: «Еще одной революции Россия просто не переживет». Беседа с Е. Липатовой. URL: http://www.stoletie.ru/obschestvo/natalija_narochnickaja_jeshhe_odnoj_revolucii_rossija_prosto_ne_perezhivet_2010-11-03.htm (дата обращения: 10.01.2018).
18. Нарочницкая Н.: «Сегодня самое губительное – оставаться на одной из сторон в споре о революции» / Подг. Ю. Сыроежина. URL: <https://nstarikov.ru/club/86720> (дата обращения: 10.01.2018).
19. Никифоров Ю.А. История как технология социального проектирования // Вестн. Моск. гос. гуманит. ун-та им. М.А. Шолохова. История и политология. 2011. № 2. С. 75-86.
20. Никонов В.А. Октябрь 1917: почему большевики смогли завоевать власть? // Государственное управление. Электронный вестник Вып. № 64. Октябрь 2017 г. С. 7-33.
21. Октябрь 1917 г. и большевистский эксперимент в России. Науч.-практ. конф. 5 ноября 1994 г.: Материалы. М.: Юрид. лит., 1995. 109 [2] с.
22. Ольшевский В.Г. Повседневность как критерий полноты исторической правды: к оценке величия «красного Октября» // Теория и практика современной науки. Междунар. науч. журнал. 2017. № 6 (24). С. 609-627. URL: http://www.modern-j.ru/domains_data/files/23/Olshevskiy_Statya.pdf (дата обращения: 20.05.2017).
23. Пахалюк К.А. «Безальтернативность Октября»: революция 1917 г. в советском учебном кинематографе (на основе фондов РГАКФД) // Преподавание истории в школе. 2017. № 9. С. 12-17.
24. Первое советское правительство. Октябрь 1917 – июль 1918 / Науч. ред. А.П. Ненароков. М.: Политиздат, 1991. 461 с.
25. Презентация книги Г.А. Соломона «Среди красных вождей. Том 1». URL: <http://detectivebooks.ru/book/11633979/?page=1> (дата обращения: 16.06.2017).
26. Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир / Предисл. В.И. Ленина и Н.К. Крупской. М.: Госполитиздат, 1958. 352 с.
27. Соломон Г.А. Среди красных вождей. М.: Современник, 1995. 509 с.
28. Сто лет, которые смутили мир. С Анной Гейфман и Шоном МакМикиным беседовал Александр Гогун // Новая Польша. 2018. № 1. URL: <https://novpol.org/ru/HkN-2cxrM/Sto-let-kotorye-smutili-mir> (дата обращения: 27.01.2018).

29. Третьяков В. Как нам отмечать 100-летие Октября 1917 года. Когда молчание не золото, а преступление перед собственной и мировой историей. URL: <http://svpressa.ru/politic/article/165229> (дата обращения: 10.06.2017).

30. Ципко А.С. Насилие лжи, или Как заблудился призрак. М.: Мол. гвардия, 1990. 271[1] с.

31. Ципко А.С. Перестройка как русский проект. Советский строй у отечественных мыслителей в изгнании. М.: ООО «Издательство Алгоритм», 2014. 544 с.

32. Швец Я. 100 лет Русской революции: как относиться к юбилею? URL: <http://rnk-concept.ru/16509> (дата обращения: 10.06.2017).

33. Шейнис В.Л. Историческое место Октябрьской революции. Взгляд из 2007 года // Октябрь 1917 года: взгляд из XXI века. Сб. матер. Всерос. науч. конф. М.: РИПО, 2007. С. 220-236.

**ТРУДОУСТРОЙСТВО ЛЮДЕЙ С МЕНТАЛЬНОЙ ИНВАЛИДНОСТЬЮ
И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ¹**

Гаранишина Л.Р.

ассистент кафедры истории, философии и социологии, канд. социол. наук,
Казанский государственный медицинский университет, Россия, г. Казань

В статье поднимается проблема значимости и роль деятельности российских общественных организаций, реализующие программы по оказанию содействия занятости людей с ментальной инвалидностью. Рассматриваются программы, проекты и мероприятия, которые способствуют успешной интеграции изучаемой социальной группы в общественно-трудовые отношения.

Ключевые слова: ментальная инвалидность, труд, занятость, профессия, поддерживаемое трудоустройство.

Трудоустройство людей с инвалидностью сложный и неоднозначный процесс, зачастую связанный с множеством нарушений законодательства с стороны недобросовестных работодателей, относящихся негативно к необходимости трудоустройства данной категории граждан. Многие люди с инвалидностью в силу особенностей развития не в состоянии защитить свои права и отстоять право на ведение трудовой деятельности. В этом ракурсе общественные организации инвалидов играют важную роль в восполнении пробела в реализации тех мер для интеграции и адаптации инвалидов в обществе, которые не рассматриваются государством как значимые. По мнению многих инвалидов наиболее эффективна помощь и поддержка при поиске работы и трудоустройстве именно со стороны общественных организаций, оказывающих разностороннюю поддержку человеку с инвалидностью, имея представление о его реальных проблемах, которые зачастую не видят или не желают видеть государственные органы занятости населения.

Отдельной категорией для оказания содействия при поиске работы выступают люди с ментальной инвалидностью. Представители общественных организаций инвалидов отмечают, что при обращении человека, имеющего ментальные нарушения, в государственную службу занятости населения возможность его трудоустройства очень низка, поскольку специальные программы по трудоустройству для таких людей не разрабатываются. Особенно актуальными в данном случае становятся услуги сопровождаемого (поддерживаемого) трудоустройства [3].

Модель поддерживаемого трудоустройства была разработана в США и Канаде в 70-80х годах. Первые программы поддерживаемого трудоустройства были внедрены в основном для поддержки людей с особенностями в интеллектуальном развитии и наиболее успешно применялись в работе с людьми, имеющими лёгкую или умеренную степень нарушений. Но в дальнейшем поддерживаемое трудоустройство заявило о себе как об эффективном механизме помощи и другим целевым группам, которые испытывают сложности в поиске и сохранении работы [2, с. 14].

¹ Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №16-03-50109 «(Не)доступность профессиональной среды для лиц с ментальной инвалидностью (на примере Республики Татарстан)».

Для России модель поддерживаемого трудоустройства нова и малоразвита. Специалистами, общественными организациями только делаются первые шаги на пути реализации данного вида содействия занятости инвалидов. Например, в 2016 г. Санкт-Петербургской ассоциацией общественных объединений родителей детей-инвалидов был проведен семинар-тренинг для специалистов социально-ориентированных НКО «Сопровождаемое трудоустройство людей с ментальной инвалидностью как технология» [5]. В июне 2016 г. в общественной организации Нижнего Новгорода «Верас» состоялся информационно-практический семинар, посвященный вопросам сопровождаемого трудоустройства, в котором приняли участие профильные специалисты из Нижегородской области, Москвы, Пскова и Германии, а также родители подростков и молодых людей с нарушениями развития [1].

По отзывам многих людей с ментальной инвалидностью и их родителей, значительный объем информации о том, как позиционировать себя на рынке труда, перед работодателем при прохождении собеседования, они почерпнули из деятельности Региональной общественной организации инвалидов «Перспектива». Специалисты отдела трудоустройства данной организации в течение года реализуют множество вебинаров, семинаров, мастер-классов не только в Москве, но и других крупных городах России. Главной целью их деятельности является освещение опыта по успешному сопровождению при трудоустройстве людей с ментальной инвалидностью. Наиболее насыщенными полезной информацией сами инвалиды и специалисты называют такие вебинары как «Резюме и собеседования, специфические вопросы, связанные с наличием инвалидности», «Юридические аспекты в вопросах трудоустройства людей с инвалидностью», «Рекомендации к труду в Индивидуальной программе реабилитации и абилитации (ИПРа): чем они помогают и чем мешают при трудоустройстве», «Инклюзия людей с инвалидностью в трудовое пространство: новый взгляд и современные технологии», «Поддерживаемое трудоустройство людей с инвалидностью», «Технологии взаимодействия с работодателями», «Как правильно подобрать место работы» и другие мероприятия. В рамках поддерживаемого трудоустройства применяется такое понятие как *jobcoach*, по своему содержанию означающая роль человека, наставника, куратора, который бы помогал человеку с инвалидностью при трудоустройстве, прохождении собеседования и т.д. [2, с.129-141]. В Республике Татарстан подобная программа не реализуется, но использование работы коуч-тренеров могло бы стать новым направлением в работе с людьми с инвалидностью, так как позволило бы оказать им немалое содействие при трудоустройстве.

Значима работа «Перспективы» и в развитии партнерских отношений с благотворительными фондами, другими некоммерческими организациями. Например, совместная деятельность с фондом поддержки лиц с интеллектуальными нарушениями «Лучшие друзья», помогающей людям с нарушениями развития и интеллекта устроиться на достойную работу и начать самостоятельную жизнь.

Особенно актуальна деятельность специалистов фонда в демонстрации алгоритма действий при реализации сопровождаемого трудоустройства людей с ментальной инвалидностью. Этот процесс начинается с обучения человека правильно и грамотно заполнять анкету/резюме для собеседования, а также полное его сопровождение на всем этапе поиска работы и на начальном этапе ведения трудовой деятельности. Неоспоримым достоинством деятельности фонда является освещение не только теоретических основ технологий трудоустройства людей с ментальной ин-

валидностью, а дательная презентация сопровождения успешного трудоустройства человека. Таким образом, специалисты фонда не только дают теоретические знания, но и показывают на примере успешно трудоустроенных людей с инвалидностью весь алгоритм этого непростого процесса.

Большинством исследователей признается, что в России до сих пор не прижилась практика реального трудоустройства людей с ментальной инвалидностью. Многие лица с инвалидностью сейчас неконкурентоспособны на открытом рынке труда. Причинами этого, с одной стороны, являются стереотипы и предубеждения со стороны работодателей, а с другой – неуверенность инвалидов в собственных способностях и возможностях, неумение полноценно презентовать себя и свои способности, а также незнание практических основ технологии поиска работы [2, с. 129]. Сохранение стереотипного представления социума о возможностях этих людей способствует нежеланию трудоустраивать их на вакантные рабочие места или формальному трудоустройству для получения льгот в налогообложении. Федеральные и региональные целевые программы демонстрируют направленность на потребности лиц с физическими нарушениями развития (оснащение пандусами, поручнями, специальными приспособлениями и т.п.), что не исключает отсутствия качества выполняемых проектов, реализуемых без учета мнения и оценки инвалидов.

Исследователи отмечают, что люди с проблемами интеллектуальной сферы практически не могут устроиться на работу, в особенности это относится к тем, кто проживает в психоневрологических интернатах [4, с.37]. Интернатные учреждения обеспечивают содержание и проживание людей с ментальной инвалидностью, и это конструирует мышление, что у них отсутствует потребность в какой-либо самореализации, выражающейся, в том числе в профессиональной занятости. У большинства инвалидов, проживающих в интернатах, имеется образование, которое позволяет им работать, но, как правило, работодатели и администрация учреждений поручает таким людям лишь элементарную работу, не требующую демонстрации специальных профессиональных навыков.

Значимость общественных организаций при реализации программ по содействию занятости людей с ментальной инвалидностью бесспорно высока. Кроме того, в большинстве государственных программ по содействию занятости инвалидов трудоустройство в рамках создания доступной среды не значителен как отдельное направление, а создание программ по формированию конкурентоспособности инвалидов на рынке труда возлагается на общественные организации и имеет рекомендательный характер. Таким образом, негосударственные фонды и организации играют значимую роль в успешной профессиональной интеграции инвалидов, нежели государственные центры занятости населения, чья роль и значимость, несмотря на это, конечно, же, нельзя преуменьшать. Центры занятости населения реализуют важные мероприятия в содействии занятости инвалидов, но общественные организации имеют больше свободы действий в разработке и реализации инновационных и эффективных мероприятий в этой области.

Список литературы

1. Нижегородская региональная общественная организация поддержки детей и молодежи «Верас» [Электронный ресурс] // Эксперты и родители обсудили развитие сопровождаемого проживания и занятости для людей с интеллектуальной инвалидностью как новую форму соцуслуг. Режим доступа: <http://veras-nn.ru/eksperty-i-roditeli->

obsudilirazvitie-soprovozhdae mogo-prozhivaniya-i-zanyatosti-dlya-lyudej-s-intellektualnojinvalidnostyu-kak-novuyu-for mu-sotsuslug/ (Дата обращения: 07.10.2017).

2. Новиков М. Содействие самостоятельности инвалидов: развитие услуги / М. Новиков // Социальные работники как проводники перемен /под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, Н.В. Сорокиной. – Москва: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2012. – 212 с.

3. Региональная общественная организация людей с инвалидностью «Перспектива» [Электронный ресурс] // О соблюдении прав граждан с ментальной инвалидностью. 2016. Режим доступа: https://perspektiva-inva.ru/userfiles/publication/O-sobliudeni-prav-grazhdan-smentalnoi-invalid-nosti-v-RF_v2.pdf (Дата обращения: 03.09.2017).

4. Романов П.В. Социологическое исследование проблем инвалидности и реабилитации инвалидов в Российской Федерации. Анализ основных результатов исследования / П. В. Романов [и др.]. – Москва, 2009. – 60 с.

5. Санкт-Петербургская ассоциация общественных объединений родителей детей-инвалидов «ГАООРДИ» [Электронный ресурс] // Сопровождаемое трудоустройство людей с ментальной инвалидностью. 2016. Режим доступа: <http://gaoordi.ru/event/podderzhtrud-1/> (Дата обращения: 05.10.2017).

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ОСНОВА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО РЕЗУЛЬТАТА

Зуева В.Б.

аспирант, Институт конструкторско-технологической информатики
Российской академии наук, Россия, г. Москва

Статья посвящена вопросам управленческой культуры кадрового ресурса предприятий в условиях развития малого и среднего бизнеса и повышения социальной результативности на основе анализа мотивационных закономерностей.

Ключевые слова: мотивация, управленческая культура, управление, социальный результат.

Мотивация труда персонала в первую очередь связана со стабильной кадровой обеспеченностью организаций. В условиях резкой смены циклов экономического развития стран и динамичных изменений организации нуждаются в молодых, талантливых и целеустремленных сотрудниках, ведь они – основная рабочая сила, так как могут даже самостоятельно найти способы повышения собственной производительности и всего коллектива в целом. Повышенная производительность коллектива в свою очередь ведёт за собой улучшение качества предоставляемых услуг. Решить проблему повышения социальной результативности в деятельности современных организаций можно, в первую очередь, привив желание работникам справляться со своими обязанностями. То есть для высокого качества предоставления услуг необходимо привлечь молодых и перспективных сотрудников и сохранять их мотивацию для продолжительной работы в данной сфере и желание добросовестно выполнять свои обязанности.

Нередко молодые сотрудники сами себя не могут мотивировать полностью, так как обладают высокими амбициями, что в дальнейшем мы будем рассматривать в теории мотивации.

Главное заблуждение работодателей при приеме новых сотрудников и организации условий труда заключается в том, что слишком большое внимание уделя-

ется заработной платой. Она, по мнению многих, считается основным, а иногда даже и единственным мотиватором, побуждающим человека работать. Однако в списке факторов, влияющих как на выбор будущей профессии, так и на удовлетворенность работой в целом, материальное вознаграждение занимает далеко не первое место. В данной работе мы объединяем различные элементы управления, влияющие на желание человека плодотворно выполнять свои обязанности, в один общий фактор под названием «культура управления».

1. Понятие и сущность культуры управления

Культура управления включает в себя совокупность знаний, их структуру и глубину, мировоззрение, морально-этические нормы работы, отношения к труду, навыки в организации работы, умение владеть собой и понимать особенности работающих рядом людей. Культура управления проявляется также в эстетике работы, стремлении оформить и выполнить ее красиво» [1]. Представляется, именно хорошо отлаженный механизм культуры управления – ключевое решение проблемы занятости в организациях. Этот фактор явно недооценен в госструктурах и в теориях мотивации рассмотрен только применительно к организациям частной собственности. Так, в 1968 г. социальный психолог Фредерик Ирвин Герцберг провел исследования об основных мотивационных факторах труда у людей, работающих в различных сферах, и описал его в труде «Мотивация к работе». В результате исследования он разделил факторы на две группы: гигиенические и мотивирующие. По мнению ученого, к гигиеническим факторам относятся:

- условия труда;
- межличностные отношения с начальниками и подчинёнными, коллегами;
- размер заработной платы;
- административная политика компании.

К мотивирующим факторам относятся:

- возможности для карьерного роста признание заслуг;
- достижения, продвижение по службе, ответственность [2].

Мотивация труда изучается со второй половины XX века, но с тех пор еще не сложилось единого понимания того, что именно влияет на рабочего и его трудолюбие. Сложность заключается в том, что невозможно учесть все индивидуальные особенности отдельно взятых людей.

2. Анализ влияния особенностей культуры управления на социальный результат

Со времен введения бюрократической системы организации культура управления постепенно перестает развиваться. То или иное учреждение может справляться со своими обязанностями на бумаге, но нередко качество проделанной работы остается без внимания. Это явление – один из ярких примеров того, что культуру управления недооценивают, а иногда и совсем игнорируют в оценке методов улучшения качества производства. Однако необходимо разработать основные методы повышения мотивации, так как в современном мире, как никогда раньше, появилась острая необходимость в грамотных руководителях, которые обладают знаниями, присущими их профессиональной области, и коммуникативными навыками общения и предоставления достойных условий работы.

В таблице отражена зависимость социального результата от вида культуры управления.

Таблица

Развитие социальных потребностей работников от вида управленческой культуры

Вид организационной культуры	Самые важные потребности предприятия именно в этой организационной культуре	Социальный результат сотрудников, который положительно влияет на решение задач предприятия	Схема мотивации, при помощи которой можно достичь взаимопонимания между интересами организации и потребностями персонала
Иерархическая культура управления	Стабильность развития, поддержка предприятия, контролирование всех производственных и экономических процессов, отсутствие непредсказуемых событий	Уверенность в будущем, стабильная заработная плата, отсутствие страха безработицы, чувство ответственности за успехи данного предприятия и т.д.	Постоянное контролирование всех происходящих на предприятии процессов, постоянная выплата вознаграждений за показатели результатов деятельности данного предприятия. Разработанная система выплаты поощрений или наказаний. Наличие долгосрочного трудового договора
Клановая культура управления	Хорошие и доброжелательные отношения между сотрудниками предприятия, внимательное и добросовестное отношение к своей работе и к качеству производимой продукции	Легкая и быстрая адаптация в коллективе организации, умение работать в команде, ответственность за проделанную работу, взаимопомощь, поддержка коллег, наделение определенными полномочиями, отсутствие конфликтов или агрессивных проявлений и т.п.	Разработанные схемы участия персонала в управлении предприятием и распределении полученных доходов, начисление и выплата заслуженных премий по производственным показателям и нормам, наличие социального пакета, перспектива продвижения по служебной лестнице и т.д.
Рыночная культура управления	Способность оказать здоровую и ощутимую конкуренцию предприятиям с аналогичным видом деятельности, стимулирование инициативности персонала, выделение дополнительного внимания к качеству выпускаемой продукции	Развитие соперничества, целеустремленности в решении поставленных задач, заслуженная оценка профессионализма, определенное поощрение за достижение высоких производственных результатов и т.п.	Начисление вознаграждения соответственно с результатом выполненной работы. Выплаты премиальных, передача акций предприятия. Работа сотрудников оценивается с точки зрения клиента. Возможность участвовать в распределении прибыли организации
Адхократическая культура управления	Особое внимание обращается на индивидуальный подход к каждому из сотрудников предприятия, стабильное и целеустремленное развитие организации, использование гибкого и мягкого подхода к потребителю	Возможность проявить в полной мере свои таланты и способности, самосовершенствование и развитие своих профессиональных качеств, наличие новых и перспективных идей, проведение научных анализов, исследований и т.д.	Разработка новых проектов, которые могут легко подстроиться под потребителя, если вдруг меняются внешние обстоятельства. Выплата поощрений, сотрудникам, которые достигли определенных результатов в своей трудовой деятельности. Возможность повысить свою квалификацию и получить необходимые сведения о дальнейшем развитии данного предприятия

Источник: составлено автором

Современная организация предприятий практически целиком построена на выполнении бумажной работы с передачей собственных обязанностей управленческого персонала, сотрудникам, занимающим в иерархической структуре предприятия должности – не обремененные ответственностью, в обязанности которых входит введение отчетных данных без мотиноринга проделанной работы.

Заключение

Культура управления становится важнейшим фактором формирования социального результата у работников. На большинстве предприятий работник не испытывает желания вносить какие-то изменения в свой распорядок или улучшать свои бытовые и рабочие условия (он находится в «зоне комфорта»).

Что касается культуры управления, то, как научный термин, он не развит ни в социологии труда, ни в теориях менеджмента. Его обычно отождествляют с понятием «стили управления», которое означает манеру поведения управленца, его способность взаимодействовать с подчиненными и заставлять их выполнять необходимую работу. Однако при углублении в суть этих двух понятий важно понимать, что культура управления – это все те действия руководителя, которые могут ответить на вопрос: «Что делать?», в то время как стили управления отвечают на вопрос: «Как делать?». То есть, по сути, стили управления – это понятие, которое входит в культуру управления.

Возможно, из-за этого заблуждения термин «культура управления» до сих пор не получил широкое распространение в социологических и экономических теориях.

Но так как в этой работе мы пытаемся доказать, что культура управления – это один из основных факторов, способных мотивировать человека на усидчивую и плодотворную работу, нам важно четкое понимание того, какие действия руководителей включает в себя этот термин.

Итак, культура управления – это все достигнутые ранее или планируемые достижения руководителя, отвечающие за все условия труда, общение внутри коллектива и взаимодействие с каждым сотрудником, в частности. Основной компонент культуры управления, по нашему мнению, – это коммуникация между руководителем и подчиненным.

Список литературы

1. Большой экономический словарь. – М.: Институт новой экономики. А.Н. Азрилиян, 2017. С. 109.
2. Мотивация к работе / Ф. Герцберг, Б. Моснер, Б. Блох Снидерман : пер. с англ. [Д.А. Куликов]. – Москва : Вершина, 2017. – 240 с.
3. Карлова Т.В., Степанов В.Е. К вопросу о социальных формах взаимодействий в системах управления. Наука, техника и технология XXI века (НТТ-2007): Материалы III Международной научно-технической конференции. Том I // Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2007. – С. 225-228.

СИСТЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПО ИСТОРИИ УБУХОВ

Сизиков В.П.

доцент кафедры высшей математики, канд. техн. наук, доцент,
Омский государственный университет путей сообщения, Россия, г. Омск

С привлечением аппарата ДИС-технологии в русле теорий всего осуществлён анализ проблемы исчезновения доблестной нации убухов. Причины ищутся в особенностях организации самой нации. С одной стороны, обоснованы успехи развития нации на протяжении длительной истории. С другой стороны, главной причиной печального результата видится факт недостачи у нации убухов внимания к синтезу на внешнем уровне. Полученные результаты остаются в силе и при рассмотрении развития любой малой нации.

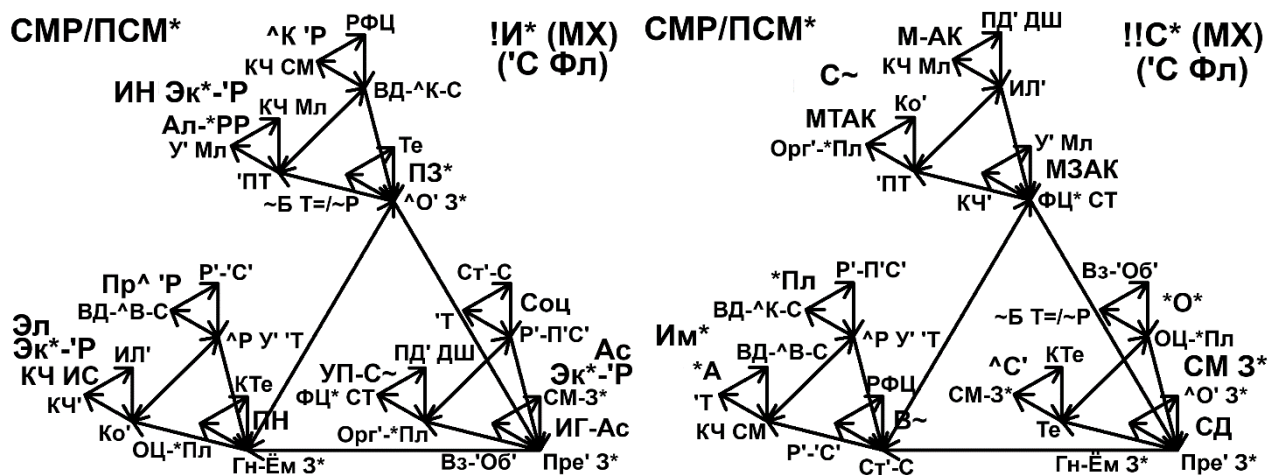
Ключевые слова: ДИС-технология, закон, критическое условие, модернизации, нация убухов, социум, теория всего.

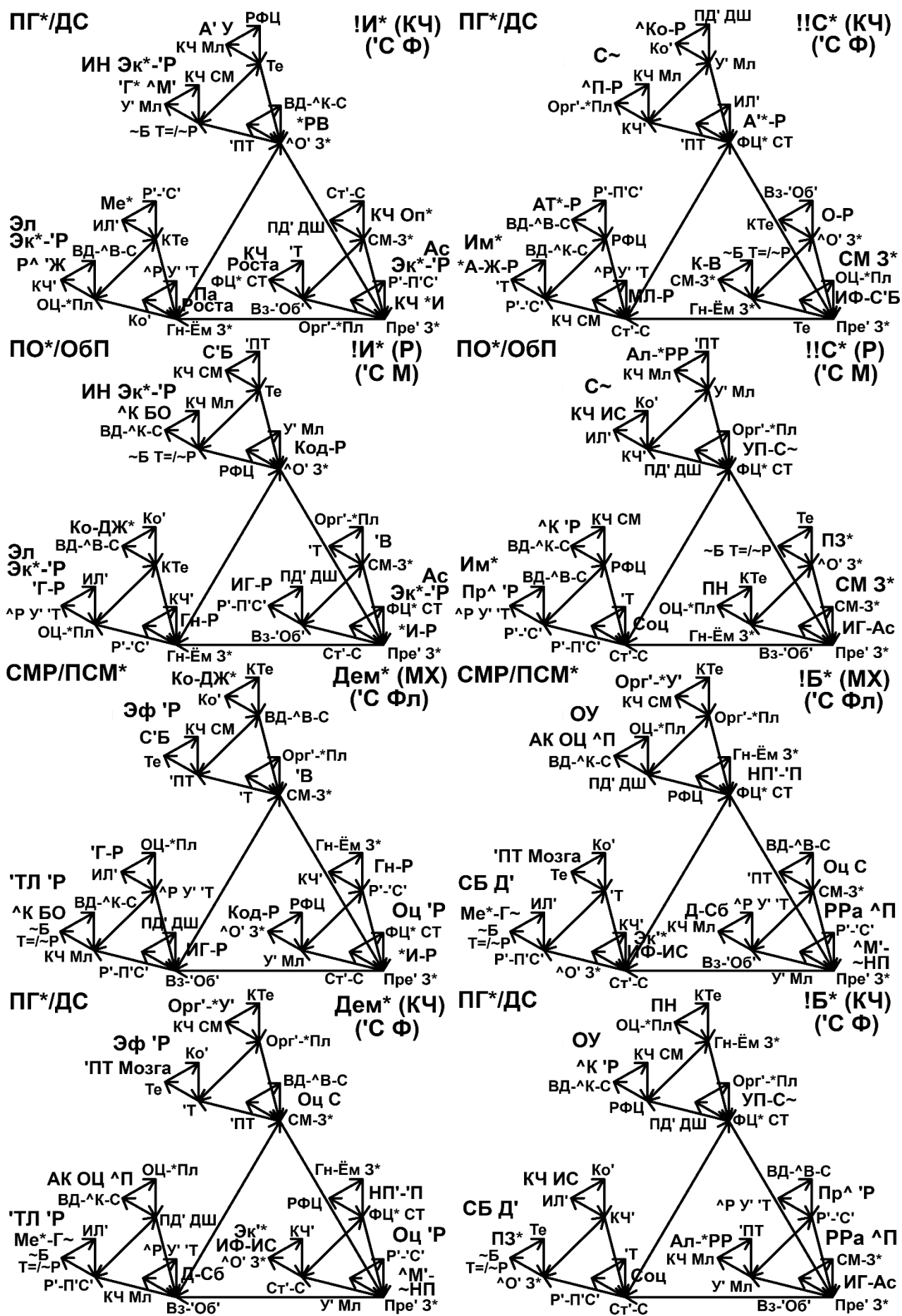
1. Введение. Исчезновение чего-то, долго существующего и ставшего вполне привычным, часто порождает чувства сожаления. Такими чувствами насыщено содержание книги [1] в связи с фактом исчезновения нации убухов. В этой книге ставится вопрос о причинах такого исхода. Однако узловым моментом всех предполагаемых версий выступает воздействие на нацию извне. Такой подход, в принципе, не полон, не различая, по сути, живое и неживое.

Для решения поставленного вопроса надо брать на учёт системные качества нации убухов, так как именно они играют ведущую роль в деле выживания любой системы, в том числе её устойчивости к внешним влияниям. Конечно, согласно сведениям в книге [1], системность у нации убухов была богатой. Однако всё ли было в порядке в этой богатой системе?

Рассмотрим нацию убухов как некий социум с модернизациями [2] как стратегиями развития. С учётом сведений из [1] определим для неё слабо реализуемые места в базовых схемах из [2], предвещающие завышенный уровень напряжений в деле принятия решений. Этим определяются условия на функциональные параметры схемы связей родов модернизаций в единую теорию всего [2], а на базе этих условий в согласии с результатами работы [3] можно будет выдать заключение о характере развития нации убухов.

2. Анализ системных качеств у нации убухов. Напомним базовые схемы модернизаций [2] (рис. 1), выражающие объективные законы социума.

Исходя из информации, представленной в книге [1], следует принять во внимание, что, несмотря на богатство культуры, убыхи практически никак не были привязаны к науке. Проблемы исследований, онтологии, полилогичности, синтеза знаний их не волновали и даже иногда встречались с враждебностью. Ввиду этого набирается почти треть мини-категорий в номологической базе [2], которые не были освоены нацией убыхов. Оттого из 27 мини-законов базы практически не работали 6, слабо работали 12, и лишь 9 могли работать сполна.

Более конкретно, практически не работали весьма важные мини-законы со следующими именами: баланс тождества и различия, взаимная обусловленность, гносеологическая ёмкость знаний, контекст, прототип, текст. К ним ещё добавлялись слабо работавшие мини-законы: интеллектуальная, качественная и количественная производительности, качество и уровень модели, операционный и организационный потенциалы, поддержка дешифровки, предельность и общность знаний, стационарная связь, функциональность структуры. Надёжно работали лишь: взаимодействующие ведущая и контролирующая связи, качество системы, распределение уровней трансформации, режим функционирования, ресурсные предсвязность и связность, системное знание, трансформация (ресурса). Именно надёжная работа этих девяти мини-законов впечатляет о доблестных проявлениях убыхов. Зато слабая работа остальных мини-законов лишала нацию убыхов адаптироваться под внешние перемены и направлять доблесть в нужное русло.

В любом случае получается, что в целом каждый род в схеме связей модернизаций (рис. 2) был мотивирован не на все 100%, а лишь на 55%. И это, несмотря на доблести убыхов, всё равно ослабляло их мощи почти в 2 раза.

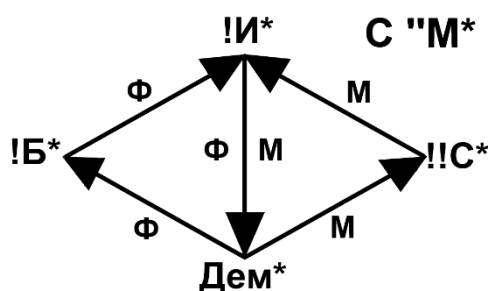

Рис. 2. Схема связей модернизаций (С "М*). Обозначения взяты с рис. 1

Далее, учёт отмеченных моментов о мини-законах в схеме механизмов индустриализации, как ни покажется удивительным, делает не работающими объективные законы, представленные триадами познания и понимания, и практически не работал объективный закон, представленный триадой алгоритмической разрешимости. Слабая работа шла от триад интеграционного аспекта, качеств инфраструктуры и управляемого синтеза. Надёжно, но со сбоями, вела триада социума, и лишь триады контроля и проводников развития не имели сбоев. Так что доля ситуаций, в которых принятие решений у нации убыхов на уровне механизмов индустриализации было проблематичным, попадает в диапазон от 1/3 до 7/9. В схеме качеств индустриализации все триады работали слабо, облегчение было лишь у триад качеств иерархии и оптимальности и развёртки желаний, т.е. на этом уровне диапазон не имеет ограничений, кроме пределов от 0 до 1. А в схеме ролей индустриализации практически не работала триада симбиоза, надёжно, но со сбоями, вела триада возможностей и слабо работали остальные триады с облегчением лишь у триад геномной и кодирующей ролей, т.е. здесь для диапазона получается оценка от 1/9 до 1.

Из соображений оптимальности наиболее благоприятным для развития представляется первый вариант видения с диапазоном от $1/3$ до $7/9$.

Ситуация с механизмами демократизации повторяет ситуацию с ролями индустриализации, так что на этом уровне для диапазона снова имеем оценку от $1/9$ до 1. В схеме качеств демократизации все триады работали слабо с облегчением лишь у триад аксиоматики операций проекта, мотивированного наполнения и оценки связи, т.е. на этом уровне получается диапазон от 0 до 1. А в схеме ролей демократизации совершенно не работала триада отношений, практически не работали триады мета-аксиоматики, смысла и содержания, слабо работали триады математической и мезо- аксиоматик, надёжно, но со сбоями, вела триада воплощения, и лишь триады актуализации и потенциала не имели сбоя, т.е. на этом уровне для диапазона получается оценка от $4/9$ до $7/9$. И вновь из соображений оптимальности наиболее благоприятным для развития представляется третий вариант видения с диапазоном от $4/9$ до $7/9$.

Наконец, ситуация с механизмами секуляризации повторяет ситуацию с ролями демократизации, так что на этом уровне снова получается диапазон от $4/9$ до $7/9$. Также ситуация с ролями секуляризации повторяет ситуацию с механизмами индустриализации, так что на этом уровне для диапазона снова имеем оценку от $1/3$ до $7/9$. А в схеме качеств секуляризации совершенно не работала триада онтологической роли, практически не работали триады адаптирующей роли, информационного симбиоза и когнитивной величины, слабо работали триады координирующей и проектной ролей, надёжно, но со сбоями вела триада моделирующей роли, и лишь триады автоматизирующей и актуально живой ролей не имели сбоя, т.е. на этом уровне снова получается диапазон от $4/9$ до $7/9$. Так что наиболее благоприятным для развития представляется здесь второй вариант видения с диапазоном от $1/3$ до $7/9$.

Аналогично, ситуация с механизмами бюрократизации повторяет ситуацию с качествами демократизации, так что на этом уровне диапазон получается от 0 до 1. Также ситуация с качествами бюрократизации повторяет ситуацию с механизмами индустриализации, так что на этом уровне для диапазона снова имеем оценку от $1/3$ до $7/9$. А в схеме ролей бюрократизации практически не работали триады познавательного представления и сюжетного проявления, и не без грехов работали остальные триады, в том числе слабо – генетически обусловленной идентификации проекта, гносеологии определяющих закономерностей и полноты осмысления, с облегчением – анимирующей идентификации, нервной инфраструктуры определяющих закономерностей и операционной организации функционирования, надёжно, но со сбоями – геномного наполнения. Так что на этом уровне получается диапазон от $2/9$ до 1. Наиболее благоприятным для развития представляется здесь третий вариант видения с диапазоном от $2/9$ до 1.

Учитывая эти оценки проблематичности на уровне родов модернизаций, переведем их на язык функциональных параметров для модернизаций как теории всего и воспользуемся результатами работы [3].

3. Режимы функционирования, характерные для нации убыхов. По сути, определившиеся выше уровни проблематичности выражают величины уровней трансформации пассива в актив в соответствующих вершинах схемы модернизаций как теории всего (рис. 2), правда, с уменьшением их в 4 раза. Таким образом, в согласии с обозначениями из [3], для уровня трансформации пассива в актив на местах индустриализации и секуляризации имеем соотношения $0,083 \leq \lambda_2 \leq 0,194$,

$0,083 \leq \lambda_1 \leq 0,194$. Соответственно на местах демократизации и бюрократизации имеем соотношения: $0,111 \leq \lambda_0 \leq 0,194$, $0,056 \leq \lambda_3 \leq 0,25$. Кроме того, для величин мотиваций в данном случае имеем значение 0,55, что практически совпадает с принятым в [3] их значением 0,5. И какие режимы функционирования получаются при таких соотношениях?

Если внимать только указанным соотношениям, то, согласно результатам работы [3], режим функционирования на схеме модернизаций оказывался бы, как правило, в списке относительно хороших. И это снимает удивление тем, что нация убыхов была вполне успешной на протяжении длительной истории.

Тем не менее, режимы функционирования при указанных соотношениях являются далеко не самыми лучшими. Более того, эти соотношения допускают изъяны, при которых может оказаться $\lambda_0 + \lambda_2 > \lambda_1 + \lambda_3$, что, согласно результатам работы [3], приводит к резкому падению успехов в развитии вплоть до нуля. Причём, такое оказывается возможным практически всегда, а не только при указанных соотношениях.

Пусть p_1 обозначает вклад в рост уровня трансформации пассива в актив за счёт проблем с принятием решений на схеме механизмов индустриализации. Это же пусть обозначают соответственно $p_2, p_3, p_4, p_5, p_6, p_7$ на качественно различных схемах качеств и ролей индустриализации, качеств и ролей демократизации, качеств секуляризации, ролей бюрократизации. Тогда автоматически оказывается $\lambda_2 = p_1 + p_2 + p_3$, $\lambda_0 = p_3 + p_4 + p_5$, $\lambda_1 = p_5 + p_6 + p_1$, $\lambda_3 = p_4 + p_1 + p_7$, а условие, по сути, выживания $\lambda_0 + \lambda_2 > \lambda_1 + \lambda_3$ сводится к критическому условию $p_2 + 2p_3 > p_1 + p_6 + p_7$, которое вполне может явиться и при выполнении указанных выше соотношений. В частности, на примере нации убыхов при левой части критического условия есть лишь одна надёжно работающая триада, да и та со сбоями, и лишь 5 триад, работающих с облегчением, тогда как при правой его части есть 7 надёжно работающих триад, причём 4 из них не имеют сбоев, и 3 триады, работающие с облегчением. Другими словами, проявления доблести с сосредоточением внимания на безопасности и проводниках развития, а также автоматизирующей и актуально живой ролях, не могут служить гарантом от обречённости социума, если игнорируется забота о других объективных законах с единственной надеждой на возможности. Однако именно так была организована нация убыхов как социум. В принципе, серия триад, работающих с облегчением, может много помогать в уходе от обречённости, но опять-таки в рамках продиктованного ими относительно узкого круга ситуаций. Иное дело при массовом количестве таких триад, когда помощь выходит на широкий круг.

Есть основания полагать, что, как минимум, у нации убыхов не хватало внимания к синтезу на внешнем уровне. Наличие такого внимания позволяло бы им делать проработки онтологии, полилогичности и синтеза знаний. А это даже при отсутствии научных заделов обеспечивало бы надёжную работу мини-закону стационарной связи и делало бы практически неработающие мини-законы баланса тождества и различия, взаимной обусловленности, гносеологической ёмкости знания, контекста, прототипа и текста слабо работающими. Вслед за этим все объективные законы в схемах качеств и ролей индустриализации работали бы уже с облегчением, а надёжность работы, хотя и со сбоями, появилась бы у триады качеств оптимальности наряду с триадой возможностей. Так что все триады, отвечающие левой части критического условия, работали бы с облегчением, а то и надёжно, тогда как при правой части этого условия всё ещё хватало бы слабо работающих три-

ад. Помешать реализации такого условия, а вслед за этим и факту обречённости социума, оказалась бы много проще. Возможно, правда, что и нация убыхов на таких основаниях смотрелась бы не столь доблестной, как представлено в книге [1].

4. Заключение. Итак, с использованием ДИС-технологии в русле теорий всего проведён анализ проблемы исчезновения доблестной нации убыхов [1]. Причины ищутся не на стороне, а в особенностях организации самой нации. С одной стороны, обоснованы успехи развития нации на протяжении длительной истории. С другой стороны, главной причиной печального результата видится факт недостатка у нации убыхов внимания к синтезу на внешнем уровне.

Полученные результаты остаются в силе и при рассмотрении развития любой малой нации. Пусть они послужат ориентиром в таких вопросах.

Список литературы

1. Ворошилов, В. И. История убыхов. (Очерки по истории и этнографии Большого Сочи с древнейших времен до середины XIX века) [Текст] / В. И. Ворошилов. – Майкоп : ОАО «Афиша», 2006. – 372 с.

2. Сизиков, В. П. Модернизации как стратегии развития [Текст] / В. П. Сизиков, В. И. Разумов // Современные тенденции развития науки и технологий: Сб. науч. тр. по матер. XXIII Междун. науч.-прак. конф. 28 февраля 2017 г. – Белгород : ИП Ткачева Е. П., 2017. – № 2-7. – С. 110-123. То же [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.issledo.ru>.

3. Сизиков, В. П. Системный анализ стратегий развития общества [Текст] / В. П. Сизиков, В. И. Разумов // Современные тенденции развития науки и технологий: Сб. науч. тр. по матер. XXIV Междун. науч.-прак. конф. 31 марта 2017 г. – Белгород : ИП Ткачева Е. П., 2017. – № 3-11. – С. 14-23. То же [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.issledo.ru>.

СЕКЦИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ОСНОВНЫЕ УСЛОВИЯ ЕЁ ПОВЫШЕНИЯ

Архипова И.А.

студентка Института истории и права,
Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Россия, г. Калуга

Магомедова Е.А.

доцент кафедры истории и теории права, кандидат юридических наук, доцент,
Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Россия, г. Калуга

Статья посвящена рассмотрению эффективности правового регулирования в социальном и юридическом аспектах. Характеризуются некоторые условия повышения эффективности правового регулирования на современном этапе государственно-правового строительства в России.

Ключевые слова: правовое регулирование, эффективность правового регулирования, законодательство, правотворчество, законодательная техника, правовая культура.

В современной юридической науке теория правового регулирования является тем сегментом, который наиболее часто привлекает внимание не только ученых-юристов, но и специалистов-практиков. В формате данной теории целый ряд вопросов имеет дискуссионное научное звучание и важное практическое значение. Так, например, проблемными являются вопросы структуры механизма правового регулирования, понятия и видов правовых средств как элементов данного механизма, а также эффективности правового регулирования.

Осуществляемое государством правовое регулирование можно рассматривать как процесс управления обществом посредством права, призванный упорядочивать социальные отношения, при этом обеспечивая реализацию позитивных интересов субъектов. Вместе с тем, следует отметить, что на пути этого процесса встают разные и многочисленные препятствия. И если их своевременно не исключить, то они снижают эффективность правового регулирования.

Для более конструктивного рассмотрения вопросов эффективности правового регулирования представляется целесообразным обратиться к содержанию понятия «правовое регулирование». По мнению С.С.Алексеева, правовое регулирование представляет собой осуществляемое при помощи системы правовых средств результативное воздействие на общественные отношения с целью их упорядочения, охраны, развития в соответствии с общественными потребностями [1, с. 145].

В целом под эффективностью права понимается результативность правового воздействия. Она характеризуется, прежде всего, отношением между фактическим результатом действия юридических норм и той социальной целью, для достижения которой эти нормы были изданы.

В.А. Козлов предлагал различать социальную и юридическую эффективность правовых норм. Социальная эффективность – это понятие, характеризующее социальную полезность результатов правового регулирования в рамках конкретной системы общественных отношений, объективным критерием которой является со-

ответствие потребности прогрессивного развития общества. Юридическая эффективность – это способность нормы права оказывать такое мотивационное воздействие на психику людей, которое обеспечивает определенный вариант их поведения, предусмотренный правовым предписанием [2, с. 112-113]. Юридическая эффективность правовых норм характеризует результативность механизма правового регулирования, способность осуществлять цели, поставленные перед правовым регулированием.

Таким образом, вопрос об эффективности права может быть рассмотрен с точки зрения его социальной эффективности. С этой точки зрения эффективность права выражается в том, в какой мере достигается стратегическая цель права как регулятора. Цель любого воздействия права – это достижение общественно-полезного результата. Стоит заметить, что не всегда поставленная цель достигается в полной мере и тогда результат получается не такой, каким его запланировали. Допустимо несколько вариантов конечного результата. Первый вариант предусматривает достижение поставленной цели в полном объеме, при этом норма права реализовала себя в полной мере. Вариант второй предусматривает, что поставленная цель будет достигнута лишь частично. Но при этом можно говорить о том, что норма права работает, поскольку некий результат был достигнут, но в то же время, норма не настолько эффективна, насколько было запланировано. Третий вариант итога действия нормы права может быть не только неэффективным, а иметь негативные последствия. Это будет говорить о том, что норма права не полноценно проработана, не предусмотрены факторы, влияющие на ее результативность.

Для характеристики эффективности норм права с качественной стороны используют такие критерии, как обоснованность, целесообразность и экономичность. Обоснованность и целесообразность – это условия и требования, осуществление которых необходимо для того, чтобы нормы права достигали высокого положительного результата в процессе регулирования. Чем обоснованнее и целесообразнее содержание правовых норм, тем более они эффективны. Экономичность – это положительная эффективность правовых норм, которая уточнена с учетом количества затраченной на всех стадиях механизма правового регулирования, материальных средств, человеческой энергии, времени, а также иных показателей.

При оценке эффективности действия правовых норм необходимо выявлять объективные факторы, позитивно или негативно влияющие на конечные результаты правоприменительной деятельности [4, с. 27].

С учетом заявленной темы статьи, представляется целесообразным рассмотреть некоторые условия повышения эффективности правовых норм. Первым условием можно считать соответствие правовых норм характеру и уровню экономического и социального развития страны. Если нормы права отражают и обеспечивают позитивные тенденции общественного развития, то, вероятнее всего, они достигнут поставленной цели в полном объеме. На современном этапе государственно-правового развития России именно соблюдение этого условия представляется важным рычагом повышения эффективности правового регулирования. Это обусловлено высокой динамикой общественных отношений, образующих сферу правового регулирования, что в свою очередь, безусловно, связано с мощными трансформациями различных сфер жизнедеятельности нашего общества.

Вторым условием следует отметить совершенное, прогрессивное законодательство, в котором представлена адекватная юридическая оценка регулируемых

общественных отношений и предложена наиболее оптимальная положительная или отрицательная реакция государства на действия субъектов права [3, с. 229]. В данном контексте под прогрессивным законодательством представляется целесообразным понимать совокупность нормативных правовых актов, которые адекватно отражают правовые потребности и способны предопределить позитивные тенденции его развития.

Третьим условием повышения эффективности норм права является высокий уровень законодательной техники, обеспечивающих качество принимаемых нормативных правовых актов как по форме, так и по содержанию. Развитие законодательной техники как составляющей теории правотворчества создает добротную основу для совершенствования методологии правотворчества. Соблюдение логических, конструктивных и лексических правил законодательной техники позволяют достичь оптимального расположения правового материала в текстах нормативных правовых актов и высокого содержательного качества норм права. Нормы права должны быть четкими, понятными и доступными для понимания тем слоям общества, для которых они и создаются.

Четвертым и немаловажным условием эффективности правовых норм является высокий уровень правосознания и правовой культуры общества. Можно хорошо знать содержание правовых предписаний, но не выполнять их. В этом случае проявляется правовой нигилизм – негативно отрицательное, неуважительное отношение к правовым нормам. Кроме того, эффективность правового регулирования во многом обеспечивается достаточным уровнем правовой культуры должностных лиц.

Обозначенные условия повышения эффективности правового регулирования можно условно объединить в два блока: первый непосредственно связан с правотворческой деятельностью, а второй – с уровнем правосознания и правовой культуры общества.

Таким образом, эффективность правового регулирования зависит не только от государства, которое принимает нормативные правовые акты, направленные на урегулирование общественных отношений, но и от самого общества и его отношения к праву.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Теория права. – М.: Издательство БЕК, 2000.
2. Козлов В.А. К вопросу о понятии эффективности права // Вестник Ленинградского университета. Вып. 1. 1972.
3. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: Учебник. – М.: Юристъ, 2004.
4. Правовой мониторинг: актуальные проблемы теории и практики: монография / Д.Б. Горохов, В.И. Радченко, Н.Н. Черногор и др.; под ред. Н.Н. Черногора. М.: Изд-во Международного юридического института, 2010.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НАЛОГОВОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аулова С.В.

магистрант кафедры учета и финансов экономического факультета,
Челябинский государственный университет, Россия, г. Челябинск

В статье проводится исследование направлений совершенствования налогового администрирования с учетом факторов, оказывающих влияние на ее организацию на современном этапе с учетом вступившего в силу со 2 июня 2016 года Федерального закона от 01.05.2016 № 130 ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 130 ФЗ), продолжающего процесс совершенствования системы налогового администрирования.

Ключевые слова: налоговый контроль, налоговое администрирование, налоговые проверки.

Федеральный закон № 130 ФЗ [2] внес существенные изменения в ч. I НК РФ: 1) установлено, что нормативные правовые акты, предусматривающие утверждение новых форм (форматов) налоговых деклараций (расчетов) или внесение изменений в действующие формы (форматы) налоговых деклараций (расчетов), вступают в силу не ранее чем по истечении двух месяцев со дня их официального опубликования; 2) уточнен порядок пользования личным кабинетом налогоплательщика – физического лица; 3) обновлен порядок электронного взаимодействия с налоговым органом; 4) предусмотрен новый порядок представления документов при проведении налоговой проверки; 5) уточнен порядок вынесения решения по результатам рассмотрения материалов налоговой проверки; 6) расширен состав правонарушений по ст. 129.1 НК РФ [1]; 7) скорректирован порядок обжалования актов налоговых органов.

В ст. 5 НК РФ установлен порядок вступления в силу актов законодательства о налогах. В условиях последних изменений данные положения распространяются и на нормативные правовые акты о налогах и сборах Правительства Российской Федерации. Важной новеллой законодательства стало следующее положение: нормативные правовые акты, предусматривающие утверждение новых форм (форматов) налоговых деклараций (расчетов) или внесение изменений в действующие формы (форматы) налоговых деклараций (расчетов), вступают в силу не ранее чем по истечении двух месяцев со дня их официального опубликования.

Введенный новый порядок облегчил ситуацию со сдачей налоговых деклараций, так как возникновение новых форм и обновление имевшихся ранее возникает и в ходе отчетного периода. Показательна в этом аспекте ситуация с новой декларацией по налогу при использовании упрощенной системы налогообложения. Так, Приказ ФНС России от 26.02.2016 № ММВ-7-3/99@ был опубликован на официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> 30 марта 2016 года и начал действовать 10 апреля 2016 года, то есть как раз во время разгара отчетного периода [6]. Налогоплательщики, не успевшие отчитаться до 10 апреля 2016 года вынуждены были в срочном порядке готовить отчетность уже по новой декларации. С принятием ФЗ №130 такие ситуации были исключены за счет предоставления двухмесячного срока подготовки к сдаче по новой форме отчетности.

Рассмотрим, какие изменения произошли при работе с личным кабинетом налогоплательщиков – физических лиц. Было уточнено, что порядок получения налогоплательщиками – физическими лицами доступа к личному кабинету определяется ФНС. Приказом ФНС России от 14.01.2014 № ММВ-7-6/8@ утверждены рекомендации для налогоплательщика по работе с «Личным кабинетом налогоплательщика юридического лица».

Теперь при работе с личным кабинетом налогоплательщикам – физическим лицам, получившим доступ к личному кабинету, предоставляется возможность от налогового органа в электронной форме получать документы, используемые налоговыми органами при реализации своих полномочий в отношениях, регулируемых законодательством о налогах и сборах. При этом стали практически не использоваться документы на бумажных носителях (только при направлении в налоговый орган по своему выбору уведомления о необходимости получения таких документов), а электронные документы в личном кабинете стали приравниваться к бумажным, подписанным собственноручной подписью налогоплательщика (п. 2 ст. 11.2 НК РФ в ред. ФЗ от 01.05.2016 № 130-ФЗ) [7].

Рассмотрим изменения в отношении порядка электронного взаимодействия с налоговым органом. Так, согласно действующему налоговому законодательству отдельные категории налогоплательщиков обязаны представлять налоговую отчетность в электронном виде (п. 3 ст. 80 НК РФ).

Пока пограничное значение среднесписочной численности работников остается на действующем уровне (100 человек), хотя в законопроекте планировалось его снижение их «50» для унификации требований по представлению отчетности во внебюджетные фонды и налоговые органы. Но предлагаемый порог перехода на обязательное представление налоговых деклараций (расчетов) в электронной форме не соответствует порогу, установленному с 01.01.2015 в отношении плательщиков страховых взносов (п. 10 ст. 15 Федерального закона от 24.07.2009 № 212 ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования»), – 25 человек.

Также данная поправка не учитывает особенности применяемых технологий приема расчетов по страховым взносам в электронном виде. Например, сдача отчетности в системе ФСС может осуществляться как по телекоммуникационным каналам связи (ТКС) через шлюз приема расчетов в Интернете, так и с использованием внешних носителей (дискеты, компакт-диска, USB-флеш-накопителя и т. п.) (Приказ ФСС России от 12.02.2010 № 19 «О внедрении защищенного обмена документами в электронном виде с применением электронной цифровой подписи для целей обязательного социального страхования»). Представляется, что унификация требований по представлению отчетности во внебюджетные фонды и налоговые органы должна заключаться в приведении не только к единому показателю порога численности работников, но и к единым технологиям приема отчетности [8].

Однако в любом случае налогоплательщикам, применяемым УСНО, предстоит переход на электронное взаимодействие с налоговыми органами.

Стоит отметить, что с 1 июля 2016 года вступили в силу изменения, внесенные в п. 5.1 ст. 23 НК РФ, согласно которым лицо, относящееся к приведенной выше категории налогоплательщиков, должно не позднее 10 дней со дня возникновения любого из оснований отнесения этого лица к указанной категории налогоплательщиков обеспечить получение документов от налогового органа по месту

учета в электронной форме по ТКС через оператора электронного документооборота (ОЭД).

Как и ранее, названное лицо обязано передать налоговому органу в электронной форме по ТКС через ОЭД квитанцию о приеме таких документов в течение шести дней со дня их отправки налоговым органом.

Важным является следующее: обязанность такого лица считается исполненной при наличии у него договора с ОЭД на оказание услуг по обеспечению электронного документооборота (о передаче прав на использование программного обеспечения, предназначенного для обеспечения электронного документооборота) с указанным налоговым органом по месту учета этого лица и квалифицированного сертификата ключа проверки электронной подписи или при наличии таких договора и сертификата у уполномоченного представителя лица, которому предоставлены полномочия на получение документов от обозначенного налогового органа.

Если получение от налогового органа документов осуществляется через уполномоченного представителя лица, такая обязанность считается исполненной при наличии в указанном налоговом органе также документов, подтверждающих полномочия уполномоченного представителя лица (юридического лица).

Документы, подтверждающие полномочия таких уполномоченных представителей, должны быть поданы в налоговый орган лицом лично или через представителя либо направлены в налоговый орган в электронной форме в виде электронных образов документов (документов на бумажном носителе, преобразованных в электронную форму путем сканирования с сохранением их реквизитов) через ОЭД не позднее трех дней со дня предоставления уполномоченному представителю соответствующих полномочий. Порядок и формат направления в налоговый орган указанных документов в электронной форме будут утверждены ФНС.

При неисполнении данной обязанности налоговый орган может приостановить операции по счетам налогоплательщика-организации в банках в течение 10 дней со дня установления налоговым органом факта неисполнения такой обязанности (пп. 1.1 п. 3 ст. 76 НК РФ). Отменяться данное решение будет при исполнении этой обязанности (пп. 1.1 п. 3.1 ст. 76 НК РФ).

С 2017 года налогоплательщики, обязанные подавать декларацию по НДС в электронной форме, при проведении камеральной налоговой проверки такой декларации должны представлять пояснения также в электронной форме по ТКС через ОЭД по формату, установленному ФНС. И, согласно новой редакции ст. 88 НК РФ, в бумажном варианте с этой даты не принимаются [9].

Обновлен порядок истребования документов при проведении налоговой проверки установлен ст. 93 НК РФ (п. 2 ст. 93 НК РФ в ред. ФЗ от 01.05.2016 № 130-ФЗ в части порядка подачи документов на бумажном носителе. Как и раньше документы на бумажном носителе представляются в виде заверенных проверяемым лицом копий. Изменения в том, что листы документов, представляемых на бумажном носителе, теперь должны быть пронумерованы и прошиты в соответствии с утвержденными требованиями ФНС. Кроме того, истребуемые документы, составленные на бумажном носителе, могут быть направлены в налоговый орган в электронной форме в виде электронных образов документов (документов на бумажном носителе, преобразованных в электронную форму путем сканирования с сохранением их реквизитов) по предусмотренным ФНС форматам по ТКС или через личный кабинет налогоплательщика.

Документы, направляемые в электронном виде, должны быть составлены по установленным ФНС форматам, тогда их можно представить по ТКС или через личный кабинет налогоплательщика. В случае представления данных документов в электронной форме по ТКС такие документы должны быть заверены усиленной квалифицированной электронной подписью проверяемого лица или его представителя.

Был уточнен также порядок вынесения решения по результатам рассмотрения материалов налоговой проверки, регулируемый ст. 101 НК РФ.

Во-первых, дополнено, что по результатам рассмотрения материалов проверки принимается одно из решений, предусмотренных п. 7 ст. 101 НК РФ (о привлечении к ответственности или об отказе в привлечении к ответственности), либо решение о проведении дополнительных мероприятий налогового контроля.

Во-вторых, установлено, что в случае принятия решения о проведении дополнительных мероприятий налогового контроля акт налоговой проверки, другие материалы налоговой проверки и дополнительных мероприятий налогового контроля, представленные проверяемым лицом (его представителем) письменные возражения должны быть также рассмотрены руководителем (заместителем руководителя) налогового органа, проводившего налоговую проверку. По результатам их рассмотрения руководителем (заместителем руководителя) налогового органа в течение 10 дней со дня истечения срока, указанного в п. 6.1 ст. 101 НК РФ, принимается одно из решений, предусмотренных п. 7 ст. 101 НК РФ.

В-третьих, несколько изменился порядок ознакомления с материалами налоговой проверки [10].

Лицо, в отношении которого проводилась налоговая проверка (его представитель), вправе ознакомиться с материалами налоговой проверки и дополнительных мероприятий налогового контроля в течение срока, предусмотренного для представления письменных возражений п. 6 ст. 100 НК РФ, – одного месяца со дня получения акта налоговой проверки и срока, установленного п. 6.1 ст. 101 НК РФ, – 10 дней со дня истечения срока проведения дополнительных мероприятий налогового контроля.

Налоговый орган обязан обеспечить лицу, в отношении которого проводилась налоговая проверка (его представителю), возможность ознакомиться с материалами налоговой проверки и дополнительных мероприятий налогового контроля на территории налогового органа не позднее двух дней со дня подачи таким лицом соответствующего заявления. Уточнено, что ознакомление с материалами проверки осуществляется путем их визуального осмотра, изготовления выписок, снятия копий.

По новым правилам по окончании ознакомления составляется протокол в соответствии со ст. 99 НК РФ.

Был введен п. 6.1 в статью 101 НК РФ, согласно которому лицо, в отношении которого проводилась налоговая проверка (его представитель), в течение 10 дней со дня истечения срока проведения дополнительных мероприятий налогового контроля, указанного в соответствующем решении налогового органа, вправе представить в этот налоговый орган письменные возражения по результатам дополнительных мероприятий налогового контроля в целом или в части. Письменные возражения по результатам дополнительных мероприятий налогового контроля в отношении консолидированной группы налогоплательщиков представляются ответственным участником такой группы. При этом налогоплательщик (ответственный участ-

ник консолидированной группы налогоплательщиков) вправе приложить к письменным возражениям документы (их заверенные копии), подтверждающие обоснованность своих возражений.

Новые положения применяются при вынесении решений по результатам налоговых проверок, завершенных после дня вступления в силу Федерального закона № 130-ФЗ.

Также Федеральный закон № 130-ФЗ внес изменения в порядок проведения налогового мониторинга.

Новая редакция коснулась и п. 1 ст. 129.1 НК РФ. Так, теперь данный пункт звучит следующим образом: Неправомерное несообщение (несвоевременное сообщение) лицом сведений, которые в соответствии с НК РФ это лицо должно сообщить налоговому органу, в том числе непредставление (несвоевременное представление) лицом в налоговый орган предусмотренных п. 3 ст. 88 НК РФ пояснений в случае непредставления в установленный срок уточненной налоговой декларации, при отсутствии признаков налогового правонарушения, предусмотренного ст. 126 НК РФ, влечет взыскание штрафа в размере 5 000 руб.

В соответствии с п. 3 ст. 88 НК РФ пояснения могут быть затребованы в случае:

- выявления в ходе камеральной проверки ошибок в декларации и (или) противоречий между имеющимися сведениями: пояснения должны быть представлены в течение пяти дней или нужно внести соответствующие исправления в установленный срок;

- проведения камеральной налоговой проверки на основе уточненной налоговой декларации (расчета), в которой уменьшена сумма налога, подлежащая уплате в бюджетную систему РФ, по сравнению с ранее поданой налоговой декларацией (расчетом): пояснения нужно представить в течение пяти дней;

- проведения камеральной налоговой проверки налоговой декларации (расчета), в которой заявлена сумма полученного в соответствующем отчетном (налоговом) периоде убытка: пояснения представляются в течение пяти дней.

Скорректирован порядок обжалования актов налоговых органов, а также их рассмотрения предусмотрен ст. 137-142 НК РФ в области сроков рассмотрения жалоб и письменном сообщении о вынесенном решении по жалобе.

Также нововведением стало и то, что теперь жалобу можно подать не только в письменной форме, но и в электронной форме по ТКС или через личный кабинет налогоплательщика. Форматы и порядок направления жалобы в электронной форме будут утверждены ФНС. В жалобе теперь нужно будет указать также способ получения решения: на бумажном носителе, в электронной форме по ТКС или через личный кабинет налогоплательщика.

Если ранее все жалобы (апелляционные жалобы) рассматривались вышестоящим налоговым органом без участия лиц, подавших их, то теперь из этого правила есть исключения.

Таким образом, в данной статье были рассмотрены основные изменения, произошедшие в области налогового администрирования в 2016 году (ряд новел налогового законодательства начал действовать с января 2017 года). Большей части изменения были направлены на упрощение работы с документацией (сроков и порядка ее сдачи), а также постепенного перехода на электронную форму работы с документацией.

Список литературы

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 N 146-ФЗ (ред. от 28.12.2016) // «Российская газета», № 148-149, 06.08.1998.
2. Федеральный закон от 01.05.2016 № 130-ФЗ // <http://www.pravo.gov.ru>.
3. Федеральный закон от 03.07.2016 № 243-ФЗ // <http://www.pravo.gov.ru>.
4. Федеральный закон от 03.07.2016 № 244-ФЗ // <http://www.pravo.gov.ru>.
5. Федеральный закон от 30.11.2016 № 401-ФЗ // <http://www.pravo.gov.ru>.
6. Приказ ФНС России от 26.02.2016 N ММВ-7-3/99@ «Об утверждении формы налоговой декларации по налогу, уплачиваемому в связи с применением упрощенной системы налогообложения, порядка ее заполнения, а также формата представления налоговой декларации по налогу, уплачиваемому в связи с применением упрощенной системы налогообложения, в электронной форме» (Зарегистрировано в Минюсте России 25.03.2016 N 41552) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 30.03.2016.
7. Белых О. И. Совершенствование налогового администрирования: очередной этап // Молодой ученый. – 2016. – №20. – С. 266-269.
8. Грошева Е.В., Содномова С.К. Развитие налогового администрирования на современном этапе // Bulletin of Irkutsk State Economics Academy, 2016, vol. 26, №2, pp. 258–265.
9. Зобова Е. П. Налоговая политика до 2018 года: совершенствование налогового администрирования / Е. П. Зобова // Налоговая проверка. – 2015. – № 6. – С. 11.
10. Основные направления налоговой политики Российской Федерации на 2016 год и плановый период 2017 и 2018 годов // <http://minfin.ru/>. URL: <http://www.minfin.ru>
11. Петрова Н. А. Федеральная налоговая служба: 25 лет позади / Н. А. Петрова // Налоговая проверка. – 2016. – № 1. – С. 11.

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШАЮЩЕГО МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ

Васильев Ю.В.

магистрант кафедры уголовного права и криминологии,
Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России), Россия, г. Иркутск

В данной статье рассмотрены вопросы изучения личности преступника, совершающего мошенничество в сфере кредитования. Определено и обосновано, что личность преступника в данной сфере необходимо изучать на групповом уровне, используя приемы «типологизации». Выделение рассмотренных типов личности преступника позволяет констатировать достаточную сложность при выборе и применении мероприятий, имеющих профилактический характер в борьбе с мошенничеством в сфере кредитования.

Ключевые слова: личность преступника, уголовно-правовая характеристика, мошенничество в сфере кредитования.

Новый виток своего развития получил развивающийся мировой финансовый кризис и его последствия, которые, безусловно, сказались и на состоянии экономики Российской Федерации. Данные события весьма наглядно демонстрируют свое негативное влияние на социум и его жизнедеятельность, проявляющиеся в одной из наиболее криминогенной сфере – кредитно-банковской.

Кредитная сфера активно развивается и все происходящие в ней процессы имеют прямое влияние на различные стороны жизни нашего общества. Основную нагрузку по кредитованию приняли на себя не государственные, а коммерческие банки, которые призваны содействовать успешному развитию кредитно-банковской системы. В данной ситуации огромное значение будет составлять выход из такой проблемы, как – необходимые действия для осуществления стабильности в рассматриваемой области, а также защита от преступных посягательств, в том числе и от недобросовестных заемщиков» [6, с. 3].

Стоит отметить, что, так как на сегодняшний день кредитно-денежная сфера банков стала одним из наиболее слабых и уязвимых мест для криминальных посягательств, она стала соответственно отличаться значительным разнообразием, особой изощренностью, высокоинтеллектуальным характером.

Преступники умело используют знания бухгалтерского учета, процедуры проверки добросовестности клиента, на высочайшем уровне ведут подготовку документальной базы преступления. Мошенничества, совершаемые в сфере кредитования, стали обыденным и распространенным преступлением для всех уголков России [2, с. 135].

Мошенники обманным путем получают и не возвращают кредиты, в связи, с чем российские банки несут существенные потери. В борьбе с преступлениями такого типа особое внимание стоит уделить вопросам установления и изучения личности преступника.

Как отмечал Р. С. Белкин, «типичная информация о личности преступника имеет важное криминалистическое значение. Данная информация позволяет определить круг лиц, в числе которых могут находиться преступники, наметить версии, установить цель, мотив, способ совершения и сокрытия преступления, а также место нахождения искомых объектов» [1, с. 191].

О. В. Кругликова в своей статье «приводит статистику по России анализа материалов судебно-следственной практики по делам о мошенничествах, совершаемых в сфере кредитования за 2010 год, она показывает, что 40,7% лиц, совершающих мошенничества в сфере потребительского кредитования, составляют женщины, 59,3% – лица мужского пола» [4, с. 41-42]. За последнее время наблюдается тенденция к увеличению именно женской преступности в рассматриваемой сфере. Так, доля участия женщин по преступлениям, совершаемым «изнутри» банка, где женщины являются работниками банка, хорошо знающими особенности деятельности кредитных учреждений, заметно выросла.

Женщины являются категорией, которая более склонна к совершению мошенничества в кругу своих знакомых. На момент совершения преступного действия у них, как правило, нет четкого плана осуществления преступного замысла и уклонения от ответственности. На долю женщин чаще приходятся многоэпизодные посягательства, совершаемые одним и тем же способом.

Мужчины же в совершении преступлений более изобретательны, в основном потребительские кредиты оформляют на третьих лиц, подысканных ими, которые будучи введенными в заблуждение, доверяя последним, заключали кредитные договоры на свое имя.

Информация об образовательном уровне лиц, которые совершили мошеннические действия, является важной составляющей, так как она показывает интеллектуальный уровень преступников и соответственно находится во взаимосвязи с характером их преступных действий. По результатам тех же исследований

О. В. Кругликовой: «19,1% лиц имели высшее или незаконченное высшее образование; 71,6% лиц – среднее или среднее специальное образование; 9,3% лиц – неполное среднее образование» [4, с. 44].

Интересным является тот факт, что высшим и незаконченным высшим образованием, как правило, обладают «главари» преступных группировок, преступники-одиночки, которые совершают преступное деяние на своем рабочем месте (индивидуальные или частные предприниматели, руководители банков и их филиалов и т. д.).

Рассматривая уголовно-правовую характеристику личности мошенников с точки зрения судимости, О. В. Кругликова отмечает следующее: «81,1% лиц ранее несудимы и к уголовной ответственности не привлекались; 18,9% лиц ранее привлекались к уголовной ответственности или осуждены за совершение аналогичных преступлений» [4, с. 44].

Ю. В. Михайловская по результатам анализа уголовных дел, оконченных производством по делам данной категории преступлений за 2015 год приходит к выводам, что «как правило, преступниками становятся преимущественно молодые люди в возрасте от 21 до 28 лет. Нижний возрастной предел – 21 год обусловлен тем, что кредиты на потребительские нужды предоставляются населению с указанного возраста, хотя по преступлениям данной категории встречаются возрастные группы от 17-20 лет, которые осуществляют мошеннические действия с участием третьих лиц, оформляя потребительские кредиты на их имя» [5, с. 190].

По мнению С. Ю. Журавлева: «у большого количества мошенников существует сильный дар воображения и убеждения, который позволяет им ощущать себя на лидирующем месте в любой ситуации. Данные лица внешне имеют солидный вид, хорошо подобранная одежда, они умеют себя «подать». Такая категория лиц, имея желание оставить о себе более благоприятное впечатление, пытается продемонстрировать дружбу с влиятельными людьми, например при «случайном» предъявлении визитных карточек с реквизитами владельца, телефонных звонков к ним, или делают попытку отнести себя к крупным компаниям, солидным фирмам» [3, с. 42].

Довольно часто используются фальшивые документы существующих и несуществующих компаний. Они обладают коммуникативными способностями, умением произвести впечатление, хитростью, ловкостью, изворотливостью, энергичностью. Именно их решительность позволяю завязывать тесные деловые отношения с ранее незнакомыми людьми, а также умение расположить их к себе и войти к ним в доверие. Многие из рассматриваемого вида мошенников строят конкретную манеру общения с людьми разного типа, для того, чтобы при необходимости они могли выбрать наиболее благоприятный способ поведения.

Преступникам в области потребительского кредитования также присуще в короткое время приспособиться к новым технологиям, использовать для своих целей те или иные изменения в сфере обслуживания населения и в зависимости от этого разрабатывать новые, не известные практике способы совершения преступлений либо совершенствовать прежние.

Подробное изучение конкретной личности, которое совершило преступление данной категории, не может говорить о типовом портрете лица, совершающего такого рода преступления, поэтому личность преступника необходимо изучать на групповом уровне, используя приемы «типологизации». На основании вышеука-

занного, мошенников в сфере кредитования можно выделить на несколько типов, а именно: неустойчивый (случайный), злостный, интеллектуальный.

Первый тип – так называемый «неустойчивый». Для данного типа является характерным преобладание баланса позитивной и негативной направленности. Указанные лица «знают законы», но при этом легкомысленно думают, что их деяния останутся безнаказанными. Они используют удобную возникшую ситуацию и зачастую очень легко находят своим незаконным действиям оправдание.

Такой тип мошенников в сфере кредитования совершает преступления в силу низкого уровня дохода, большого количества долговых обязательств, желания сделать лучше свои бытовые условия, а также условия жизни своих близких, например, оплатить учебу в престижном учебном заведении ребенку, или отдохнуть всей семьей на дорогом курорте. Довольно часто этой категории преступников присуще нежелание работать, им нравится легкий заработок, жить «красиво».

Вторым типом является – «злостный» тип, в котором четко выражена анти-социальная направленность. Данный тип использует свой богатый личный опыт, который основан на нарушении уголовно-правовых норм. Обычно эти лица ранее имели опыт общения с правоохранительными органами, возможно даже были судимы за хулиганство, разбои, кражи, грабежи. В преступной группе этот тип ведет активную деятельность, к трудовой деятельности относится отрицательно, обладает некоторыми знаниями в области экономики и финансов.

Третий тип личности – «интеллектуальный». «Как показывает практика, для такого типа мошенников характерна большая степень латентности преступлений» [4, с. 42]. Данное лицо, как правило, занимается организацией преступного деяния, поэтому чаще всего остается «в тени». По этим причинам правоохранительным органам очень сложно доказать его участие в преступлении, а зачастую и практически невозможно.

Если рассматривать с точки зрения мотивации к совершению преступления, то в большинстве случаев он является корыстным организатором, профессионалом. От других людей в обществе он мало чем отличается, но при этом является интеллектуалом, хорошим специалистом, интеллигентом, имеет хорошее образование, просвещен в культуре, также имеет высокие познания в кредитно-банковской деятельности. В кредитных организациях пользуется доверием и уважением, имеет «чистую» кредитную историю.

Рассматриваемый тип преступника очень тщательно готовится к совершению преступного деяния, подбирает себе соучастников, устраивает проверки, информирует и побуждает к дальнейшим действиям. Также стоит отметить, что интеллектуальным типом в процессе совершения преступления двигают не только корыстные мотивы, но и он получает большое удовлетворение от процесса решения сложной интеллектуальной задачи.

Таким образом, выделение вышеуказанных типов личности преступника позволяет констатировать достаточную сложность при выборе и применении мероприятий, имеющих профилактический характер в борьбе с мошенничеством в сфере кредитования. Правоохранительным органам стоит принимать во внимание такие особенности и свойства личности преступников, как нравственный, социально-психологический, демографический, интеллектуальный, правовой уровни и совершенствовать свою деятельность в данном направлении с учетом вышеуказанных факторов.

Список литературы

1. Белкин Р.С. Курс советской криминалистики. Т. 3. М., 1979. 410 с.
2. Беньяминов Ю.Д. Личность типичного мошенника в сфере кредитования // Закон и право. 2016. № 10. С. 134-137.
3. Журавлев С.Ю. Криминалистика: расследование преступлений в сфере экономики. М., 2002. 297 с.
4. Кругликова О.В. Личность преступника, совершающего мошенничество в сфере потребительского кредитования // Сборник материалов криминалистических чтений. 2010. № 6. С. 41-44.
5. Михайловская Ю.В. Количественные и качественные признаки криминологические характеристики мошенничества в товарно-кредитной сфере // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 3 (8). С. 189-196.
6. Шаляпина М.Ю. Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия кредитно-банковским преступлениям: дис. канд. юрид. наук. Краснодар, 2015. 211 с.

О КОНСТИТУЦИОННОЙ ПРИРОДЕ ОГРАНИЧЕНИЙ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЦ, ОСУЖДЕННЫХ К УГОЛОВНЫМ НАКАЗАНИЯМ БЕЗ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА

Грахова М.И.

инспектор филиала № 8 ФКУ УИИ УФСИН России по г. Москве,
Россия, г. Москва

В настоящей статье автором рассмотрена конституционно-правовая сущность налагаемых на осужденных в силу назначения уголовного наказания без изоляции от общества правоограничения. Отражены основные теоретико-правовые и конституционные особенности правового положения лиц, осужденных к альтернативным видам наказаний, в связи с воздействием на него установленных законодательством и судебным решением требований.

Ключевые слова: ограничения, осужденные, уголовные наказания без изоляции от общества, правовой статус, альтернативные виды наказаний.

Правовое положение личности в своей основе заложено в области взаимоотношений, складывающихся по схеме «общество – государство – личность». Таким образом, выражается важная взаимосвязь, являющаяся основополагающей для любого современного общества, этих трех самостоятельных субъектов.

Жизнедеятельность людей в социуме и государстве нуждается в определенном регулировании, которое осуществляется посредством социальных норм, среди которых особую роль играют правовые. Этот вид социальных норм, упорядочивая взаимоотношения и взаимодействия личностей друг с другом и личности с государством, устанавливает тем самым правовое положение человека в государстве [1].

Правовой статус личности понимается как один из государственно-правовых институтов, включающий в себя права, свободы, законные интересы, обязанности и статус гражданства человека, характеризующий его действительное состояние при взаимодействии с обществом, государством и иными социальными субъектами. Правовое положение человека обусловлено его социальным статусом, то есть его реальным положением в существующей общественной системе, государство

лишь законодательно закрепляет это состояние. Основываясь на вышесказанном, можно утверждать, что социальный и правовой статус личности соотносятся как содержание и форма соответственно [2, с. 44].

Учитывая гуманистический вектор Конституции Российской Федерации, при реализации национальной политики все органы государственной и муниципальной власти должны исходить из принципа «не навреди», то есть в первую очередь руководствоваться интересами общества и его членов, однако в случае необходимости иметь возможность использовать меры принуждения, ограничивающие свободу личности, опять же в интересах большей части общества. Данным основополагающим конституционным идеям следует и политика в сфере исполнения уголовных наказаний и уголовно-исполнительная система, что отражено не только в нормативных актах, но и в специальных документах концептуального характера (в Государственной программе Российской Федерации «Юстиция», Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г) [3, с. 60].

Правовой статус осужденного в уголовно-исполнительном законодательстве исходит из основополагающих принципов положения человека и гражданина, учитывая также международно-правовые нормы и стандарты обращения с осужденными.

Необходимо отметить, что большинство прав, свобод и обязанностей осужденных реализуются в сфере уголовных и уголовно-исполнительных правоотношений.

Как отмечает Э. В. Лядов, содержание правового статуса осужденных составляют специфические обязанности и права осужденных, свободы, законные интересы осужденных, которые свойственны назначенному им наказанию или примененной иной мере уголовно-правового характера на период их реализации, то есть правовое положение осужденных к альтернативным видам наказания определяют порядок и условия отбывания наказания [4, с. 72].

«Под механизмом ограничения прав и свобод осужденного следует понимать различные способы и средства, предусмотренные Конституцией РФ и иными Федеральными законами, при помощи которых обеспечивается результативное правовое воздействие на осужденных с целью защиты общественных отношений (при возникновении посягательств на права и свободы граждан), при этом государство выступает как регулятор» [5, с. 163].

Ограничения прав лиц, отбывающих уголовные наказания, имеют следующие формы:

- осужденный лишается ряда определенных прав, предоставленных остальным гражданам (право на свободу передвижения);
- устанавливаются ограничения, по которым разрешается пользоваться лишь отдельными правами (частичный запрет на пользование собственностью);
- на осужденного возлагаются обязанности, несвойственные остальным гражданам.

Лица, осужденные к наказаниям без изоляции от общества, испытывают значительно меньший объем правоограничений, чем осужденные к лишению свободы, однако данное правовое воздействие также имеют конституционную основу.

Фундаментальным в рассматриваемом контексте является универсальное положение ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, имеющее отсылочный характер, в соответствии с которым допускается ограничение прав и свободы человек и гражданина федеральным законом, но исключительно в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспече-

ния обороны страны и безопасности государства. Кроме того, из данной нормы следует, что установленные федеральным законодательством и реализуемые органами государственной власти ограничения должны иметь соразмерный характер целям, на которые они направлены, а также быть социально оправданными [6, с. 507]. Все связанные с отбыванием наказания без изоляции от общества условия, ограничивающие права и свободы осужденного, находят свое закрепление в Уголовно-исполнительном кодексе РФ, имеющем статус федерального закона.

Современное уголовно-исполнительное законодательство сформировалось под определенным воздействием международно-правовых актов и вобрало из него основные незыблемые правила, определяющие необходимый минимум легальных воздействий на правонарушителя, которые обеспечат его исправление и предупреждение совершения новых правонарушений (в частности, Минимальные стандартные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила). Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Таким образом международные нормы и принципы претворяются в жизнь на национальном уровне.

В целом наказания, не связанные с лишением свободы, по содержанию правоограничений можно дифференцировать на следующие группы [7, с. 17]:

- ограничивающие права в сфере свободного распоряжения своим имуществом, заработной платой, трудовыми способностями (ст. 34-37 Конституции РФ), то есть штраф; лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина или государственных наград; ограничение по военной службе;

- направленные на ограничение предоставленной ст. 37 Конституции РФ возможности реализовывать свои трудовые способности по своему усмотрению, выбирать род деятельности, то есть лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательные работы и исправительные работы;

- предусматривающие ограничения предусмотренного ст. 27 Конституции РФ права граждан на свободное передвижение, выбор места пребывания и жительства, то есть ограничение свободы и содержание в дисциплинарной воинской части.

Итак, составляющие условия отбывания альтернативных видов уголовных наказаний правоограничения выражаются в воздействии на возможность реализации предоставленных Основным законом страны прав и свобод человека и гражданина. При этом они носят абсолютно легальные, социально обусловленные и личностно ориентированные свойства. Названные правоограничения обеспечивают достижение целей уголовного наказания, упорядочение жизнедеятельности осужденного и ограничение требований сотрудников уголовно-исполнительных инспекций рамками формально определенных установлений. Они приводят к изменению конституционного, гражданского, административного и других правовых статусов гражданина.

Список литературы

1. Юнусов Э. А., Юнусов А. А. Институт прав человека как явление цивилизации и культуры // Культура: управление, экономика, право. 2006. № 4. С. 15-24.
2. Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. 448 с.
3. Жезлов Н. В. Правовое регулирование свободы вероисповедания в уголовно-исполнительной системе России // Российское право: образование, практика, наука. 2016. № 6 (96). С. 60-63.

4. Лядов Э. В. Правовой статус осужденных, отбывающих уголовные наказания, не связанные с изоляцией от общества // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 2 (16). С. 70-85.

5. Михеева С. В. Некоторые вопросы, возникающие при ограничении правового статуса осужденных // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2014. №1 (135). С.161-164.

6. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. проф. В.Д. Зорькина. 3-е изд., пересмотр. М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2013. 1040 с.

7. Грушин Ф. В., Коржикова Т. А. Правовое положение осужденных к альтернативным видам наказаний, связанным с обязательным привлечением к труду: монография. Рязань, 2012. 126 с.

РОССИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛИЗМ: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ

Дорохов Н.И.

к.и.н., профессор,

профессор кафедры теории и истории государства и права,

Московский университет им. С.Ю. Витте;

доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности,

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,

Россия, г. Москва

В статье рассматриваются конституционно-правовые основы государственного устройства России, анализируется их состояние, выявляются проблемы и тенденции развития федеративных отношений.

Ключевые слова: государственное устройство, федерализм, федеративная система, субъекты Федерации, федеративные отношения.

Государственное устройство как конституционно-правовой институт есть закрепленное нормами права устройство территории государства, правовое положение его составных частей, принципы взаимоотношения между государством в целом и его составными частями.

Исторически Россия (отечественное государство) всегда являлась сложным по характеру территориального устройства государством: **Древняя Русь** (конфедерация, союз относительно самостоятельных русских княжеств); **Россия (Российская империя)**, сложное монархическое государство; **Советская Россия (РСФСР)**, федерация, построенная на основе национального принципа и права наций на самоопределение; **СССР**, сложное союзное государство, федерация союзных республик с правом свободного выхода союза; **Россия (Российская Федерация)**, федерация как сложная система государственного устройства, сочетающая федерализм, унитаризм и автономию в составе республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области и автономных округов – субъектов федерации, обладающих юридически определенной самостоятельностью [1, с. 12-46, 99-217, 239-252, 274-301, 369-382; 2, с.82-109].

Конституционные основы национально-государственного устройства России (федеративных отношений) установлены в статьях 1,4,5, гл.3 Конституции РФ и включают в себя: принципы государственного устройства (ст.1,4,5); состав (ст.65)

и статус (ст.5, ст.66) субъектов Российской Федерации; порядок принятия в федерацию и образования новых субъектов (ст.65); основы правового положения каждого из видов субъекта (ст.66); порядок изменения статуса субъекта (ст.66); вопросы территории и порядок изменения границ между субъектами федерации (ст.67); государственный язык и право республик на установление своего государственного языка (ст.68); гарантии прав коренных малочисленных народов (ст.69); государственная символика Российской Федерации (ст.70); предметы ведения Российской Федерации (ст.71); предметы совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов (ст.72); порядок действия федеральных законов по предметам ведения и вне их предела, верховенство федеральных законов (ст.73,ст.76); основы формирования системы органов государственной власти субъектов (ст.77); основы деятельности федеральных органов исполнительной власти на территории субъектов (ст.78); право Российской Федерации на участие в межгосударственных объединениях (ст.79).

Важными источниками, детализирующими основы национально-государственного устройства (федеративных отношений) являются также федеральные законы, например, ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» и др.; конституции и уставы субъектов федерации; договоры между федерацией и ее субъектами по вопросам их ведения (особая роль принадлежит Договору о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов, известный как Федеративный договор от 31 марта 1992 г.). Большое значение для регулирования федеративных отношений, особенно в последнее время, имеют указы Президента Российской Федерации, например, Указ Президента России «О структуре федеральных органов исполнительной власти» (от 21 мая 2012 г. №636).

Несмотря на достаточную полноту правового закрепления основ федеративного устройства и характера федеративных отношений отдельные положения Конституции РФ не лишены ряда неточностей, что, безусловно, приводило ранее к деструктивным решениям и действиям со стороны руководителей ряда субъектов; эта тенденция сохраняется и в наши дни.

Справедливости ради отметим, что Конституция РФ 1993 г. принималась в весьма непростых условиях хрупкого гражданского мира и нестабильного соглашения, установленного после вооруженного противоборства (осень 1993 г.), ее проект готовился без должного учета перспектив развития российской государственности, порой с позиции своеобразного представления о государственной власти и государственном суверенитете. В тот период господствовала эйфория «парада суверенитетов», усиленная неоднократными призывами Б.Н.Ельцина: **«Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить»**. Эти высказывания напрямую были подхвачены руководством многих будущих субъектов федерации, существенно пропитали конституционно-правовую модель федеративного устройства России, предопределили характер складывающихся федеративных отношений.

И, как результат, при заключении Договора о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти суверенных республик в составе Российской Федерации (31 марта 1992 г.) республики в составе Российской

Федерации, как можно видеть из заголовка Договора и текста его преамбулы, были названы суверенными государствами.

При принятии Конституции РФ в 1993 г. термин «суверенные» в отношении республик в составе Российской Федерации при определении их статуса (ст.5, ст.66) был исключен. Но при этом в разделе втором «Заключительные и переходные положения» он вновь фигурировал: «В случае несоответствия положениям Конституции Российской Федерации положений Федеративного договора – Договора о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти суверенных республик в составе Российской Федерации... – действуют положения Конституции Российской Федерации» (п.1).

Можно предположить, что разрешение несоответствия указанным путем относилось в большей степени к понятию «суверенные» при характеристике республики в составе Российской Федерации. Но второй аспект оцениваемого несоответствия – определение республики как государства в тексте Конституции Российской Федерации остался. Смеем заметить, что такая конституционная характеристика республики не давала покоя отдельным республикам-государствам и их руководителям и не привносила стабильности в характер и содержание федеративных отношений. И только в последние годы, во многом благодаря жесткой общегосударственной позиции Президента Российской Федерации и инициированным им ряда государственных институтов, прежде всего, института полномочного представителя Президента РФ в федеральном округе (Указ Президента РФ от 13 мая 2000 г. № 849) была обеспечена достаточная стройность федеративных отношений.

Однако проблемы не сняты, их осмысление и решение позволяют говорить о перспективах развития федеративного устройства, совершенствования федеративных отношений. К таковым автор относит:

Первое. Много субъектный состав Российской Федерации и многовидовой состав субъектов федерации, их неоднозначное по Конституции РФ положение. Обратимся к Основному закону Российской Федерации, в частности к ст. 5, ч.1 «Российская Федерация состоит из республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов – равноправных субъектов Российской Федерации», ч.2 «Республика (государство) имеет свою конституцию и законодательство. Край, область, город федерального значения, автономная область, автономный округ имеет свой устав и законодательство.» Подойдем с позиции научного критического анализа и просто здравого смысла: если ч.1 – говорит о равноправном положении (статусе) субъектов, то почему тогда ч.2 – определяет, что республика – это государство, имеет свою конституцию и законодательство; все остальные субъекты имеют свой устав и законодательство, что, безусловно, говорит о не совсем равноправном и равнозначном положении субъектов в составе Российской Федерации.

В настоящее время в России 22 республики, и если следовать формальной логике ч.2 ст.5 Конституции РФ, то на территории России находится 23 государства : Российская Федерация (ст.1) и 22 республики-государства; а если вновь обратиться к ст.5, ч.1 – к положению о равноправных субъектах Российской Федерации, то можно предполагать, что количество государств-субъектов в составе РФ – 85. Каждый из субъектов, заметим, имеют свою особую, свойственную ему государственную власть; свою структуру органов государственной власти, зачастую со своими наименованиями, со свойственным им характером компетенций и объемом полномочий.

В итоге получается, что на сегодняшний день в России, в рамках одной страны, существует 86 государственных властей (федеральная государственная власть и субъектная государственная власть), 86 глав государств (федеральный президент и руководители-главы субъектов), 86 правительств (федеральное правительство и правительства субъектов РФ) и т.д., и все по 86 (систем законодательства, налоговых систем, систем государственной службы и пр.). Все это говорит о наличии множества различных юридических и фактических коллизий, противоречиях, нон-сенсах [3, с. 45-48].

В сегодняшних условиях данную ситуацию можно исправить, но всего лишь частично (через принятие соответствующих федеральных конституционных и федеральных законов, иных решений), однако это будет лишь временная мера. По всей видимости, назрела необходимость проведения цельной федеральной реформы, а точнее общегосударственной реформы в области федеративного устройства, в ходе которой следует разрешить все имеющиеся коллизии, принять необходимые меры по сокращению субъектного состава Российской Федерации и оптимизации их статусного положения. Восемьдесят пять субъектов (а первоначально, с принятием Конституции РФ было 89 субъектов), это просто много, а для России это, как показывает реальность, чрезмерная тяжесть. Даже СССР, государство гораздо более мощное во всех отношениях – экономическом, социально-политическом, демографическом и т.д., и то насчитывало 15 субъектов – союзных республик.

К слову, в 2000-е гг. был подготовлен ряд проектов реформирования федеративного устройства России: от администрации Президента РФ, от общественно-политических объединений (партий), от научного сообщества, в которых состав субъектов фигурировал от 29 до 46 субъектов. Думается, что в будущем, после очередных выборов Президента РФ (март 2018 г.), к этим вопросам необходимо обратиться. Ключевая роль в совершенствовании федеративного устройства и развития федеративных отношений, безусловно, принадлежит Президенту РФ. Существует также Конституционный Суд, который вправе давать официальное толкование конституционных норм на основании запросов определенных органов государственной власти и группы должностных лиц – Президента РФ, Совета Федерации, Государственной Думы, одной пятой части членов Совета Федерации или депутатов Государственной Думы, Правительства РФ, Верховного Суда РФ, органов законодательной и исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Такая инициатива в обращении с запросом в Конституционный Суд за официальными разъяснениями, по крайней мере, на данной стадии государственно-правового развития России позволила бы унифицировать понимание российского общества относительно цельности характера государственного устройства и организации государственной власти, перестала бы вводить в заблуждение общественное мнение о множественности государств на территории России и о своей государственной власти каждого субъекта Российской Федерации.

Второе. В последнее время в научной периодике поднимается и весьма активно обсуждается широкий круг проблем, связанных с системностью российского федерализма как конституционно провозглашенной модели территориального устройства Российского государства, его онтологических основ и системных свойствах федерации [4, с. 15-25; 5, с. 34-45].

В работах Н.М.Добрынина, М.В.Глигич-Золотаревой, В.Д.Зорькина, И.А.Умновой, В.А.Черепанова и др. отмечается, что любые федеративные системы (Россия не исключение) подвергаются постоянным воздействиям как извне, так и

изнутри, что обуславливает их предрасположенность к соответствующим изменениям. Акцентируется внимание на том, что внешние воздействия и вызовы, с которыми в последнее время сталкивается Россия, требуют все более полной имплементации идей субсидиарности во внутригосударственной практике федерализма. Обосновывается вывод о том, что только на этой основе возможно обеспечение системной структурно-функциональной целостности российской модели федеративного государственного устройства.

С данными теоретическими и практическими выводами трудно не согласиться. Оптимизация федеративных отношений, осмысление и поиск решения насущных задач развития российского федерализма связаны не только с дальнейшей проработкой и реализацией норм, принципов, институтов конституционного права, но и совершенствованием политической, экономической, социальной и культурной сфер российского общества.

В связи с этим отметим, что проблемы российского федерализма находятся в диалектической связи со всеми иными проблемами и вызовами, характерными для других сфер общества. Применительно к России в качестве примера выделим в числе таковых:

а) в политической сфере – порядок формирования высших органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов РФ; совершенствование норм избирательного права и избирательных процедур; формирование кадровой политики, как в центре, так и на местах (проблема кадрового резерва высшего административного аппарата) и др.;

б) в экономической области – оптимизация в формировании федерального и регионального бюджетов; создание подлинных основ развития рыночных отношений (достижение баланса «власть – бизнес»); не допускать ухудшения материального положения населения; нахождение баланса, обеспечивающего устойчивое экономическое развитие страны и выполнение всех социальных обязательств государства; оптимизация распределения доходов между федеральным центром и регионами и др.;

в) в социальной сфере – обеспечение гарантированного доступа к пакету социальных благ, установленных государством, каждому российскому гражданину, где бы он не проживал, в каком регионе, субъекте РФ; исключить социальное неравенство регионов, где качество жизни могло быть ниже определенного стандарта; обновление самих социальных основ как общегосударственной, так и региональной политики и др.;

г) в культурной сфере – развитие всех сфер культурного развития общества – театра, кино, литературы, музейного дела, изобразительного искусства, художественного творчества; возрождение и развитие культурной самобытности народов России, народного творчества; формирование поколений патриотов, общества высоко нравственных и образованных людей и др.;

д) в международной сфере – стержневой проблемой выступает соотношение глобализации и суверенитета национальных государств.

При рассмотрении данного (последнего) аспекта поднятой проблемы в литературе нет однозначных оценок. Как замечает В.Д.Зорькин, можно говорить (с некоторой долей условности) о трех основных подходах к рассмотрению модели соотношения «глобализация – суверенитет государства»:

1) гиперглобалистский подход, согласно которому народы и государства попадают в зависимость от порядков, царящих на мировом уровне; в частности,

экономическая глобализация влечет за собой денационализацию экономики: традиционные национальные государства фактически утрачивают позиции субъектов мировой политики; глобализация порождает новые формы социальной организации, которые вытесняют и постепенно вытесняют национальные государства как первичные политические образования мирового сообщества;

2) скептический подход, представители которого считают, что глобализация не является чем-то новым, что современный уровень политической и экономической взаимозависимости не является беспрецедентным в мировой истории; наряду с интернационализацией экономики происходит ее значительная регионализация. Увеличение глобального неравенства в мире, конфликт цивилизаций напротив дает возможности и основания говорить об иллюзорной природе глобального правления, его бесперспективности;

3) компромиссный подход, суть которого состоит в том, что глобализация не устраняет суверенные государства с экономической и политической арены, но при этом основательно перетряхивает национальную экономику, политическое устройство, перенацеливает власть, функции и полномочия властных национальных структур.

Тем не менее, говоря о факторе и тенденциях глобализации нельзя не отметить, что в современных условиях, по мнению многих политиков, теоретиков, ученых перед каждым государством мира, в том числе и перед Российской Федерацией, стоит задача обеспечения незыблемости государственного суверенитета и национальных интересов, выступающих главным мерилом и условием сохранения этно-культурной аутоидентичности соответствующих стран. Россия, российский федерализм, безусловно, не стоит и не может стоять особняком от этих последствий глобализации [5, с. 40].

Таким образом, можно утверждать, что те проблемы, вызовы, приоритеты, которые объективно складываются в отдельных сферах общественного развития во многом предопределяют общую тональность развития федеративных отношений, влияют на совершенствование системной модели российского федерализма.

Заметим также, что обеспечение системности российского федерализма в деятельности государства должно решаться через призму соблюдения национальных интересов России не только в процессе межгосударственного взаимодействия, но и посредством их реализации в практике внутригосударственного регулирования всех сфер жизни российского общества.

В связи с выше изложенным, важное значение в развитии российского федерализма, совершенствовании федеративных отношений приобретает еще одна проблема (**третья**) – проблема субсидиарности во внутригосударственной практике российского федерализма.

Под субсидиарностью в теории и практике российского федерализма понимается оптимальное разграничение предметов ведения, полномочий, ресурсов и (что особенно важно) ответственности между федерацией, ее органами государственной власти и субъектами федерации, их органами государственной власти в осуществлении целей и задач публичной власти [6, с. 47-48].

Важно отметить, принцип субсидиарности предполагает, что публичная власть реализуется преимущественно на том уровне, в том звене, который непосредственно приближен к объектам деятельности (к примеру, это уровень субъектов РФ), при этом вышестоящий уровень власти (в данном случае федерация по отношению к субъектам федерации), сохраняет за собой только те полномочия,

которые будут способствовать более эффективному решению соответствующих задач, утверждению государственного суверенитета и безопасности страны.

При такой модели распределения публичной власти (полномочий) объективно формируются предпосылки для утверждения структурно-функциональной целостности российского федерализма, согласно которой федерация выступает неким гарантом в успешной деятельности субъектов, содействует повышению роли субъектов в реализации их полномочий. Одновременно происходит «разгрузка» федерации, в какой-то мере децентрализация властных полномочий, достигается единое и демократическое решение многих вопросов, как на федеральном, так и региональном уровнях.

Таким образом, субсидиарность в вопросах федерализма – это «двухстороннее движение». С одной стороны, федерация в этих отношениях всегда готова оказать содействие своим субъектам, облегчая, в какой-то степени, их жизнь; с другой стороны субъекты должны быть готовы поддерживать федерацию, прежде всего в таких направлениях как обороноспособность и национальная безопасность; внешне-экономическая деятельность и оборонное производство; защита государственных границ и развитие транспортного комплекса; реализация программ в области государственного, экономического, социального, экологического, культурного и национального развития Российской Федерации.

Иными словами, принцип субсидиарности, во-первых, способствует повышению ответственности субъектов федерации в реализации, отнесенных к ним предметов ведения и полномочий; во-вторых, очищению федерации (центральной власти) от менее значимых, порой второстепенных дел, от излишних функций и полномочий.

Можно предположить, что именно в рамках решения данной проблемы видятся реальные перспективы развития федеративных отношений в России. Для совершенствования российского федерализма есть все необходимые условия и основания. Российская модель разграничения предметов ведения и полномочий (ст.71-73 Конституции РФ) является достаточной гибкой и даже универсальной, поскольку она одновременно предполагает способность и готовность двигаться как к централизации власти, так и ее децентрализации, притом, что основы конституционного строя Российской Федерации останутся незыблемыми [5, с. 43].

Вместе с тем, в литературе подчеркивается, что потенциал принципа субсидиарности не нашел должного воплощения. В годы реформирования системы государственного управления (2002-2017 гг.), произошла некая деформация в системе разграничения предметов ведения и полномочий между федеральным центром и субъектами Российской Федерации, что выразилось с началом 2000-х годов в отмене на двенадцать лет института прямых выборов глав субъектов, возвышению властной деятельности полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах; в ограничении сфер законодательной деятельности субъектов РФ; в отдельных случаях в чрезмерной детализации размежевания полномочий, что объективно вело к усложнению исполнительно-распорядительной деятельности органов исполнительной власти; что в ряде случаев и по отношению к отдельным субъектам выразилось в ориентации регионов не на саморазвитие и здоровую конкуренцию между ними, а на дотационные решения и действия, сомнительные сделки региональной власти с бизнес-структурами. Эта ситуация объективно подвела к увеличению разрыва социально-экономического развития ряда регионов, обострению экономического положения, росту социального напряжения.

В связи с выше изложенным особую актуальность и остроту приобретает еще одна (в нашем случае – **четвертая**) проблема – проблема государственной региональной политики. Подлинный федерализм, федерализм без популизма не мыслим без четких критериев, ясного содержания, реальных перспектив развития региональной политики. Жизненность таковой на сегодняшний день выступает одновременно условием и гарантией обеспечения возможности субъектов федерации реализовывать себя в сфере «общество-государство—конкретная личность». Требуется не только фактическое принятие статусных основ региональной политики, но и систематическое их обновление, что позволяло бы субъектам РФ быть весьма приметными участниками, даже лидерами в общих процессах государственно-правового, социально-экономического, нравственно-духовного развития общества.

На наш взгляд, основы региональной политики должны характеризовать такие области (направления) деятельности как:

а) бюджетная сфера – предоставление субъектам РФ более значительных финансовых прав. Финансовое положение большинства регионов тяжелое, и это надо открыто признать. У большинства субъектов задолженность примерно равна их доходам, что, естественно, объективно не дает возможности субъектам планомерно ставить и решать вопросы их развития. Более того, в четырнадцати регионах финансовая ситуация еще сложнее – задолженность превышает их доходы. Фактически эти субъекты находятся в состоянии банкротства [7, с. 1-2].

Отметим также, что на протяжении последних 15 лет финансовое положение большинства регионов лишь ухудшается. Растет государственный долг, увеличивается дефицит региональных бюджетов, усиливается их зависимость от дотаций из федерального бюджета.

б) сфера качества жизни. Тревожное положение в бюджетной сфере, некачественное состояние межбюджетных отношений непосредственно влияет на стандарты жизни людей. Качество жизни человека в ряде субъектов федерации (а таких немало) сегодня гораздо ниже определенных социальных стандартов. Граждане не редко не имеют гарантированного доступа к пакету социальных благ. Разрыв в качестве жизни между российскими регионами сегодня просто огромный, исчисляется в разы, в порядки. Фактически нужно говорить о социальном неравенстве в обществе, между регионами, соответственно, населением в регионах. Все это, естественно, вызывает негативные эмоции, порождает недовольство граждан.

в) стимулирующая сфера федеральных (межрегиональных) отношений. В уточнении природы межбюджетных отношений (перераспределение бюджетов, как вариант из богатых, состоятельных регионов в пользу более бедных) очень важны мотивирующие, стимулирующие начала. Они должны стать исходным компонентом в государственной региональной политике. Если их не будет, то не будет и заинтересованности субъектов в результате своей деятельности.

В связи с этим, на наш взгляд, уже давно назрела необходимость подготовить государственную программу повышения мотивации регионов в результатах своей работы. Разработку такой программы вполне мог бы взять на себя Совет Федерации Федерального Собрания РФ, вместе с законодательными (представительными) органами самих субъектов, при участии и согласовании с федеральными органами исполнительной власти и исполнительной властью субъектов. В этой программе должны быть соответствующие комментарии и разъяснения для субъектов, прописаны отдельные полномочия, руководства для их реализации, сроки исполнения и др.

Безусловно, такой подход к решению рассматриваемого вопроса повысил бы ответственность субъектов РФ, федеральных округов и федерального центра. В рамках данного направления уместно обозначить еще один аспект стимулирования развития межрегиональных отношений – ревизия и оптимизация рейтинговой системы оценки регионов, определение наиболее устойчивых критериев (показателей) в характеристике региональной политики; создание условий для мотивации повышения рейтинга субъектов; улучшения их экологической и инвестиционной политики, обеспечения граждан социальными услугами; обнародования этих показателей в сопоставлении как с предыдущими годами, так и со средне российскими данными. Такой подход позволил бы более полно и точно оценивать эффективность развития субъектов и, соответственно, их руководителей.

г) определение и совершенствование организационных основ региональной политики. Необходима комплексная система экономических, социальных, управленческих и иных мер в определении условий развития каждого региона. В зависимости от уровня экономического и социального развития субъектов РФ, их инвестиционной привлекательности, наличия конкурентноспособной среды и преимуществ организационно поделить субъекты РФ на определенные группы и в соответствии с их реальным положением выстраивать с ними взаимоотношения, в т.ч. по оказанию дотационной помощи. При этом фактор ответственности руководителей субъектов РФ, их администрации остается, более того, он станет более востребованным и эффективным.

д) тарифная политика в регионах. По мнению многих политиков, ученых, данное направление является одним из самых тревожных звеньев в региональной деятельности. К примеру, в ряде регионов Дальневосточного, Сибирского и ряда иных федеральных округов тарифы по электроэнергии на 20-50 процентов выше средних показателей по России. Безусловно, это снижает конкурентноспособность субъектов, отталкивает инвесторов от таких регионов, снижает их привлекательность. В этих условиях необходимо разработать единую систему экономически обоснованных тарифов с учетом восстановления, реконструкции и развития всего топливно-энергетического хозяйства.

е) региональная жилищная политика. В этом вопросе множество слабых звеньев в современной региональной политике – снижение ипотечной ставки (как минимум, делать ее доступной для населения региона), обеспеченность многодетных семей жильем за счет государства; принятие специальных программ по обеспечению жильем молодежи, учителей, врачей, семей с детьми и т.д., доходы которых не позволяют им приобрести квартиры.

Таким образом, на сегодняшний день сложились очевидные потребности в разумной и результативной региональной политике как одного из непосредственных направлений совершенствования и развития федеративных отношений современной России.

В заключение отметим, что в данной статье автором предприняты попытки актуализировать основные проблемы и тенденции развития федеративных отношений в России; рассмотреть их с позиции системного изложения и качественной характеристики модели российского федерализма.

Список литературы

1. Моисеев В.В., Дорохов Н.И. История государства и права России. Учебник. – М.: МИЭМП, 2008. – 485 с.

2. История государства Российского: истоки, процессы, проблемы (к 1150-летию образования). Колл. авт. Бурковский И.В., Горохов Д.Ю., Дорохов Н.И., Малышева О.Г., Орчакова Л.Г., Правкин С.А., Токарева Е.А., Юрчук В.С. и др. Под общ. ред. Н.И. Дорохова – М.: изд. МУ им. С.Ю.Витте, 2014. – 449 с.
3. Чиркин В.Е. Являются ли республики в составе Российской Федерации государствами, имеют ли субъекты федерации собственную государственную власть (полемиические заметки по поводу диссертационных исследований) // Государство и право, 2017. №9. С. 45-48.
4. Черепанов В.А. О построении системной модели российского государства // Государство и право. 2017. №3. С. 15-25.
5. Добрынин Н.М. Насущные задачи развития российской модели федерализма: онтологический дискурс о системных свойствах федерации // Государство и право. 2017. № 9. С. 34-44.
6. Умнова И.А. Проблемы дефедерализации и перспективы оптимизации современной российской модели разграничения предметов ведения и полномочий в контексте доктрины субсидиарности // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 2. С. 47-48.
7. Федерализм без популизма // Российская газета. 2016. 26 сентября. №216 (7084).

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Косовский В.Б.

преподаватель кафедры специальных дисциплин,
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России,
Россия, г. Симферополь

В устройстве любого государства достаточно опасным социально-криминологическим явлением можно считать – организованную преступность. Данное явление, обретает все новые универсальные формы на нынешнем этапе развития и современной России. Прежде всего, высокий уровень общественной опасности и совокупность других негативных последствий, возникающих в результате деятельности организованных преступных организаций, выводят данную проблему на передовую позицию. Острота данного вопроса требует серьезного аналитического исследования. Изучение и определения алгоритма противодействия организованной преступности возможно только тогда, когда тщательным образом и в полном объеме будут проанализированы условия, при которых появляется возможность образования и развитие преступных формирований, изучены сферы их влияния, формы проявления, задачи и цели. В данной статье рассматриваются только некоторые проблемы противодействия организованной преступности, решения которых должно благоприятным образом повлиять на оздоровление ряда общественных отношений, прямо либо косвенно находящихся под влиянием организованных преступных групп.

Ключевые слова: российское государство, организованная преступность, преступная группа, правоохранительные органы, преступные сообщества, общественная безопасность, криминальные объединения.

На современном этапе исторического развития одну из главных угроз для национальной безопасности и социально-экономической стабильности российского государства представляет организованная преступность. С одной стороны, в опре-

деленный момент позиция власти была такова, что организованная преступность, как основная проблема общества и государства не имеет актуальности, что в результате привело к расформированию профильных подразделений правоохранительных органов по борьбе с этим явлением. Но в то же самое время, достаточную активность преступных групп все же ощущали на себе представители большого и малого бизнеса, простые граждане, другие институты гражданского общества.

В условиях же нынешних непростых реалий, образование и развитие новых организованных преступных формирований, может вызвать возрождение глобальной человеческой проблемы, которая способна трансформировать успешно развивающееся демократическое государство в криминальное.

Таким образом, борьба правоохранительных органов с организованной преступностью в настоящее время приобретает особое значение, поскольку преступления, совершаемые организованными преступными сообществами, влекут за собой не только тяжкие, но и порой необратимые последствия. Также своими действиями криминальные объединения создают обстановку, в которой граждане чувствуют неуверенность в собственной безопасности и возможностях государственной власти в ее обеспечении [1].

На сегодняшний день одним из ведущих факторов национальных угроз можно выделить терроризм, бандитизм, незаконный оборот оружия, наркотических и психотропных веществ, торговлю людьми. Также нельзя не отметить распространение экстремистской деятельности религиозных, националистических и других организаций, которые свою деятельность направляют на разрушение национального единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривластной и социальной ситуации в государстве.

Из отличительных особенностей действий организованных преступных объединений, можно выделить совершение длящихся преступлений, постоянство преступных намерений, четкое распределение ролей каждого члена организации. Рассматривая статистику раскрытых и совершенных преступлений, можно заметить, что все чаще стали вовлекаться в преступную деятельность не только молодое поколение нашего общества, но и несовершеннолетние, при этом большинство из них идут на совершение преступления с вполне сознательной оценкой своих действий. Рассмотрев и проанализировав характер совершённых преступлений, с точки зрения уровня подготовки, материального и финансового обеспечения, задействования сил и средств, сразу можно отметить для себя неприятный факт того, что речь идет о высокопрофессиональной криминальной деятельности, которая осуществляется с тщательной, скрупулёзной подготовкой, детальным планированием. К сожалению, можно так же констатировать, что совершение некоторых преступлений происходит при непосредственном участии сотрудников правоохранительных органов. Не менее вызывает беспокойство и тот факт, что членами преступной организации становятся бывшие и действующие сотрудники силовых структур, что позволяет осуществлять сокрытие преступлений, а зачастую, подтасовывая факты и улики, привлекать к ответственности за совершенные ими преступления невиновных лиц. Несомненно, все эти действия являются фактором дополнительной опасности преступлений, совершаемых преступными сообществами [2].

Организованная преступность не имеет национальных границ. Так же необходимо учитывать, что снижение экономических связей между соседними государствами, бывшими республиками Советского Союза, никак не сказывается на взаимодействии преступных организаций. В итоге организованная преступность из

межрегиональной, перерастает в транснациональную. Отсюда следует, что для борьбы с этим явлением, ситуация требует объединения усилий всех государств на постсоветском пространстве.

Соответственно, насколько на сегодня современная судебноправоохранительная система нашей страны, в которой наблюдается положительная тенденция к развитию и совершенствованию, способна будет выявлять системные факторы развития организованной преступности, ровно настолько можно будет выработать эффективный и слаженный алгоритм противодействий данному криминальному явлению [3].

Исходя из этих данных, можно сделать вывод о снижении показателей и соответственно эффективности в расследовании преступлений, совершенных организованным криминалитетом. Проведя анализ статистических показателей, становятся очевидными некоторые пробелы в деятельности правоохранительных органов в предупреждении, выявлении и раскрытии преступных деяний, совершаемых организованными группами и преступными сообществами.

Несмотря на все усилия, предпринимаемые правительством Российской Федерации, органами государственной и исполнительной власти, организованная преступность до сих пор является тревожной реальностью в жизни нашего государства и одной из основных проблем номер один в 2017-2018 годах.

Проблемы борьбы с организованной преступностью, отдельные аспекты уголовной ответственности за организованную преступную деятельность рассматривались в работах многих отечественных и зарубежных авторов. В материалах исследований рассматривались характеристики преступных сообществ, факторы, способствующие их развитию, также предлагались инновационные методы, способные повлиять на сокращение уровня развития организованных преступных объединений, снижению числа совершения ими преступлений и повышению эффективности их расследования. Изучив материалы некоторых авторов, можно предложить следующие шаги для улучшения ситуации:

1. Совершенствование структуры правоохранительных органов, для этого необходимо создание самостоятельной федеральной службы по борьбе с наиболее опасными видами организованной преступности.

2. Необходимость принятия специального федерального закона, в котором бы нормативно закреплялись правовые основы противодействия организованной преступности.

3. Создание института досудебного соглашения о сотрудничестве. Законодательное оформление данной процедуры повысит результативность в раскрытии и расследовании наиболее опасных преступлений, в том числе совершенных организованными преступными группами и сообществами.

4. Обеспечение надлежащей защиты всем участникам уголовного судопроизводства (потерпевшим, свидетелям, экспертам и иным участникам).

5. Международное сотрудничество на основе реализации Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и дополняющих ее протоколов.

6. Финансовое и материально-техническое обеспечение деятельности субъектов, осуществляющих борьбу с организованной преступностью (в частности правоохранительных органов). Так же очевидно, что требует возобновления работа над государственной программой по проблемам противодействия организованной преступности новой формации с учетом изменяющейся обстановки в обществе и в

государстве в целом, при этом выработанные меры должны иметь свое отражение во всех государственных программах по отдельным направлениям или отраслям экономики и общественной жизни.

Таким образом, комплексное решение проблем современного и эффективного противодействия деятельности организованных преступных сообществ, требует от властей определения четких и однозначных направлений в уголовной политике, принятия неотложных и качественных организационно-управленческих решений, модернизации правоохранительных органов и правоохранительной системы в целом, выработки приоритетных направлений в этой сфере. Это обуславливает необходимость дальнейших теоретических исследований организованной преступной деятельности и на основе полученных результатов разработки концепции действий, которые смогут существенно снизить уровень развития преступных организаций и количество совершенных ими преступлений.

Список литературы

1. Агапов П.В. Основы противодействия организованной преступной деятельности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013.
2. Васильев В.А. Совершенствование борьбы с орг. преступностью и наркобизнесом. М., 2004.
3. Ванюшкин С.В. Организованная преступность в России и направления борьбы с ней: дисс. ... канд. юр. наук. М., 2001.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В ВУЗЕ КАК ФАКТОР ПРОФЕССИОНАЛИЗМА БУДУЩИХ БАКАЛАВРОВ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Кривушин А.В.

студент Института истории и права,
Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Россия, г. Калуга

Магомедова Е.А.

доцент кафедры истории и теории права, кандидат юридических наук, доцент,
Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Россия, г. Калуга

Статья посвящена рассмотрению профессионализма бакалавров юриспруденции в контексте образовательного процесса в вузе. Анализируются некоторые аспекты образовательной деятельности, влияющие на становление профессиональных качеств будущих юристов.

Ключевые слова: образовательный процесс, профессионализм, компетенции, компетентностная модель, студент, преподаватель, бакалавр.

Профессионализм – это главный критерий оценки качества специалиста в любой сфере, и практическая юриспруденция не является исключением. Представляется, что образовательный процесс в высшем учебном заведении – есть первая основательная ступень лестницы, ведущей к профессионализму. В формате данной статьи наиболее конструктивно под профессионализмом понимать особое свойство людей систематически, эффективно и надежно осуществлять сложную деятельность в самых разнообразных условиях, преодолевая объективные и субъективные трудности [1, с. 30-31].

Для формирования профессионализма будущих выпускников высших учебных заведений еще с 1960 – 1970 гг. в научный аппарат был введен термин «компетенция», который со временем перерос в компетентностный подход, реализованный в ФГОС ВО по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата), утвержденный Приказом Минобрнауки от 1 декабря 2016 года № 1511.

О.Е.Лебедев суть компетентностного подхода заключает в совокупности общих принципов определения целей образования, содержания, а также организации процесса обучения и оценки результатов. Основными принципами образовательного процесса, по его мнению, при компетентностном подходе являются:

- развитие у студентов способности самостоятельного решения возникающих проблем на основе социального опыта;
- по своему содержанию обучение должно представлять собой дидактически адаптированный социальный опыт, направленный на решение познавательных, нравственных, мировоззренческих, иных профессиональных проблем;
- оценка результатов подразумевает анализ уровня образованности, достигнутого обучающимся на определенном этапе образования. Результаты обучения в компетентностном подходе рассматриваются не с позиции количества приобретенных студентами знаний, а как способность обучающихся разрешать практические проблемные ситуации профессиональной сферы деятельности [2, с. 3].

Компетентностный подход систематичен и междисциплинарнен, он включает в себя личностные и деятельностные аспекты, прагматическую и гуманистическую составляющую. Компетентностный подход улучшает практическую нацеленность образовательного процесса, его предметно – профессиональный аспект.

Компетентностный подход в понимании Наумовой Е.В. служит для минимизации противоречий между высшим образованием и требованиями работодателя, его сущность формирования профессиональной компетентности бакалавра по направлению подготовки «Юриспруденция» заключается в переориентации обучения от теории к практике [4, с. 42].

Таким образом, формирование у студентов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» общекультурных, общепрофессиональных, профессиональных компетенций – это одна из важных основ становления юриста-профессионала.

Вместе с тем, следует констатировать, что формирование всех компетенций происходит в период обучения студента в вузе, и является неотъемлемой частью образовательного процесса. Считаем необходимым отметить, что важной составляющей обучения является процедура взаимодействия субъектов образовательной деятельности. На наш взгляд, компетентностная модель подготовки бакалавров юриспруденции предусматривает такие отношения субъектов образовательной деятельности, когда преподаватель, вырабатывая информацию, становится для студентов своеобразным катализатором, передающим не только конкретные знания, но и проецирующим свои индивидуально – личностные качества на оценку государственно-правовой действительности.

И.А. Шаршов и Л.Н. Макарова в своей научной статье приходят к выводу, что при установлении позитивных отношений между преподавателем и студентами, последние склонны не замечать отдельные ошибки педагога. И, наоборот, при наличии устойчивых отрицательных отношений студенты склонны в гипертрофированном виде воспринимать любые незначительные промахи преподавателя.

Именно индивидуальность преподавателя позволяет ему «перерастать» рамки системы образования по тому значению, которое он играет для студентов, а не только его профессиональная компетентность и грамотное выполнение педагогических функций [5, с. 96].

Чтобы образовательный процесс в вузе для студента был максимально полезен, ему необходимо пройти профессиональную адаптацию. Её часто адресуют начальной фазе профессионально – трудовой деятельности человека. Тем не менее, на практике профессиональная адаптация возникает на этапе обучения в высшем учебном заведении, когда у студента не только формируются общекультурные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции, но и устанавливается присущий работникам определенной профессии жизненный уклад. Продолжительность стадии профессиональной адаптации обуславливается как характерными чертами конкретной профессии, так и индивидуальными способностями человека, его увлечениями и интересами.

А. К. Маркова отмечает, что профессиональная адаптация выступает в качестве одной из стадий профессионализации (процесса становления профессионала), который включает: выбор человеком профессии с учетом своих собственных возможностей и способностей; освоение правил и норм профессии; формирование и осознание себя как профессионала, обогащение опыта профессии за счет личного вклада, развитие своей личности средствами профессии и др. В то же время она указывает, что профессионализация является одной из сторон социализации, становление профессионала представляет собой один из аспектов развития личности [3, с. 26]. Получение начальной профессиональной адаптации в полной мере осуществляется за счет теоретических (базовых), практических и самостоятельных занятий.

По итогам рассуждений, предложенных в рамках данной статьи, представляется возможным сделать вывод, что каждая составляющая образовательного процесса в ВУЗе – компетентностный подход, взаимодействие субъектов образовательной деятельности, начальная профессиональная адаптация – являются необходимым звеном в системе, отвечающей за становление, развитие и совершенствование будущего бакалавра юриспруденции, в свою очередь, являющегося гарантом законности, справедливости и правопорядка любого цивилизованного государства, например, такого, как Российская Федерация. Именно поэтому конечной целью деятельности всех высших образовательных учреждений должно быть формирование профессионалов, а целью обучающихся – стремление неминуемо стать профессионалом.

Список литературы

1. Дружилов С.А. Психология профессионализма субъекта труда: концептуальные основания: науч. статья// Журнал «Известия российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена». Т. 5, № 12. СПб, Изд.: РГПУ им. Герцена, 2005.
2. Лебедев О.Е. Компетентностный подход в образовании: научн. статья // Журнал «Школьные технологии», № 5, 2004.
3. Маркова А.К. Психология профессионализма // А.К. Маркова – М.: Межд. гуманитарный фонд Знание, 1996.
4. Наумова Е.В. Цели и структура компетентностного подхода в формировании профессиональной компетенции бакалавра по направлению подготовки «Юриспруденция»: научн. статья // Е.В. Наумова, Журнал «АРХИВАРИУС» – Киев, Изд.: Serenity-Group, № 1, 2017.

5. Шаршов И.А., Макарова Л.Н. Взаимодействие субъектов образовательного процесса в вузе как фактор повышения качества высшего образования: научн. статья // И.А. Шаршов, Л.Н. Макарова, Психолого-педагогический журнал «ГАУДЕАМУС» – Тамбов, Изд.: Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина – № 1 (21), 2013.

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ЧУЖИМ ИМУЩЕСТВОМ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Куропацкая Е.Г.

доцент кафедры гражданского и арбитражного процесса, канд. юрид. наук, доцент,
Одинцовский филиал МГИМО МИД России, Россия, г. Одинцово

В статье рассматриваются способы профессионального управления чужим имуществом в российском и англо-саксонском праве. Автор сравнивает правовую конструкцию траста и наследственного фонда, принятую в России и за рубежом.

Ключевые слова: доверительное управление имуществом, наследственное имущество, наследование, охрана наследства, наследственный фонд, нотариус, доверительная собственность, гражданское законодательство.

Правовой институт, посвященный регулированию отношений по профессиональному управлению чужим имуществом, был введен в систему обязательств российского права с принятием второй части Гражданского кодекса РФ. Возникновению в отечественной цивилистике института доверительного управления имуществом способствовал поиск новых эффективных форм обеспечения сохранности и рационального использования государственного имущества посредством его передачи в управление третьим лицам, а также переход на новые способы правового оформления экономических отношений, складывающиеся под влиянием зарубежного опыта.

Доверительное управление имуществом является аналогом «траста» (trust) – института доверительной собственности англосаксонского права, опосредующего отношения по владению и использованию имущества, возникающие между различными лицами (титულным собственником, доверительным собственником и бенефициаром). Институт доверительной собственности появился в Англии в XI – XII веках, первоначально назывался «use», и причинами его возникновения послужили особенности феодального землевладения того времени. Лишь в XIX веке институт доверительной собственности, получивший название «trust», был полностью урегулирован в законодательном порядке после принятия в 1893 году Trustee Act – Закона о доверительной собственности.

Содержание закрепленной в законодательстве концепции доверительной собственности заключалась в том, что «если право собственности на землю или движимое имущество было передано доверительному управляющему, который должен был управлять, владеть и распоряжаться данным имуществом в интересах определенных выгодоприобретателей, либо собственник земли или движимого имущества объявлял себя доверительным управляющим имуществом или землей в интересах выгодоприобретателей, суд должен был рассматривать таких выгодоприобретателей как равных собственников имущества, переданного в доверительное управление» [1, с. 18].

Постепенно правовые нормы, развивая правовое регулирование отношений траста в Великобритании, закреплялись в различных законодательных актах, в числе которых наиболее значимыми являются: *Trustee Act 1925* (Закон о доверительной собственности 1925 года), *Law of Property Act 1925* (Закон об имущественных правах 1925 года), *Administration of Estates Act 1925* (Закон об управлении имуществом 1925), *Variation of Trust Act 1958* (Закон о внесении изменений в нормативные правовые акты о трастах 1958), *Trustees Investments Act 1964* (Закон об инвестиционных правах доверительного управляющего 1964 года).

В настоящее время институт доверительного управления имуществом распространился на многие сферы правовых отношений в странах англосаксонской системы права, и такая гибкость конструкции траста позволяет выделить его условную классификацию [2, с. 12]:

1. Семейные трасты (*Family Settlement Trust*) используются в целях сохранения семейных активов и обеспечения прав несовершеннолетних наследников. Подвидом семейного траста является завещательный траст – *Testamentary Trust*, который позволяет избежать процедуры принятия наследства, и, как следствие, уплаты высокого налога на наследуемое имущество.

2. Целевые трасты (*Trust for Purposes*), которые создаются для решения определенной задачи – например, благотворительности.

3. Предпринимательские трасты (*Nundinal Trusts*) используются в предпринимательских целях.

Таким образом, в англосаксонской системе права траст применяется при регулировании профессиональных отношений, доверительных отношений, складывающихся при управлении наследственным имуществом, и отношений титульного владения, которые предполагают участие доверительного собственника в имущественном обороте от собственного имени, но под непосредственным контролем со стороны учредителя управления (фактического владельца). Институт траста имеет довольно четкое законодательное определение и в отношении предмета, и в отношении способов защиты прав участвующих лиц – учредителя, управляющего и бенефициара.

Попытка ввести институт доверительной собственности в российскую правовую систему была предпринята Указом Президента РФ от 24 декабря 1993 года № 2296 «О доверительной собственности (трасте)» и не увенчалась успехом. Полное заимствование зарубежного правового института, исключая специфику отечественной правовой системы, способы и формы защиты гражданских прав, не могло привести к положительному результату вследствие неизбежного возникновения противоречий и в правовом регулировании, и правоприменительной практике. Вместе с тем, изучение зарубежного опыта регулирования отношений по управлению чужой собственностью позволило отечественному законодателю разработать самостоятельный институт российского гражданского права – доверительное управление имуществом [3, с. 32].

Таким образом, доверительная собственность и доверительное управление имуществом регулируют сходные по своей сути отношения, однако в значительной степени отличаются друг от друга по своему содержанию. В первую очередь, речь идет об отличиях в правовой природе возникающих правоотношений: доверительная собственность относится к категории вещных прав, а доверительное управление имуществом – к сфере обязательственных правоотношений, возникающих из договора между собственником и доверительным управляющим.

Договор о доверительном управлении имуществом заключается на определенный срок. Право собственности на переданное в управление имущество сохраняется у учредителя управления (п.4 ст. 209, п.1 ст. 1012 ГК РФ), который наделяет доверительного управляющего широкими полномочиями по использованию, владению и в некоторых случаях даже распоряжению переданным имуществом. Доверительный управляющий совершает фактические и юридические действия по реализации полномочий собственника в отношении переданного ему имущества в пределах, предусмотренных договором или законом, выступает в гражданско-правовых отношениях от собственного имени, соблюдая чужой имущественный интерес.

В сущности, здесь речь идет о профессиональной услуге, оказываемой доверительным управляющим по осуществлению правомочий собственника в отношении имущества в случаях, когда сам собственник по какой-либо причине не может или не желает лично осуществлять свои правомочия по управлению имуществом. Передача имущества в доверительное управление – это передача его в руки профессионала, чей опыт и знания имеют принципиальное значение, так как позволят доверительному управляющему справиться с возложенными на него обязанностями.

Учредитель, передавая доверительному управляющему имущество и право реализации своих правомочий по управлению, заинтересован, с одной стороны, в грамотном и профессиональном использовании этого имущества и, следовательно, извлечении дохода, а с другой стороны – в сохранности переданного имущества и переложении бремени его содержания на доверительного управляющего. Иными словами, при доверительном управлении имуществом могут быть реализованы две цели – цель сохранения имущества и цель его преумножения. Однако не всегда возможно сочетать обеспечение сохранности имущества со стремлением к извлечению из него максимально возможной прибыли, особенно, когда речь идет о так называемом доверительном управлении имуществом *по закону*.

Гражданский кодекс РФ предусматривает ряд оснований обязательного учреждения доверительного управления имуществом, когда главной, а порой и единственной задачей управляющего становится уже не извлечение из переданного в управление имущества прибыли, а сохранение его. Среди оснований учреждения доверительного управления имуществом, предусмотренных законом в ст. 1026 ГК РФ названы необходимость постоянного управления имуществом подопечного лица в случаях, предусмотренных ст. 38 ГК РФ, а также завещание, в котором назначен душеприказчик.

В первом случае зачастую имеет место просто целевое использование имущества, что обеспечивается целым рядом ограничений и дополнительных обязанностей, налагаемых на доверительного управляющего при осуществлении им доверительного управления имуществом подопечного (п.1 ст. 38 ГК РФ, п.п.2, 3 ст. 37 ГК РФ). В основе возникающих правоотношений лежит не просто договор, в более сложный юридический состав – решение органа опеки и попечительства о назначении опеки (попечительства) и договор с управляющим, заключаемым органом опеки и попечительства в интересах подопечного лица. В этом случае Гражданский кодекс предусматривает дополнительные пределы действия доверительного управляющего (ст. 37, 38 ГК РФ), а также особый случай прекращения договора доверительного управления имуществом – прекращение самой опеки (попечительства).

Если договор доверительного управления имуществом заключается в отношении наследства, то либо наследодатель называет в завещании исполнителя, осо-

зная способность данного душеприказчика управлять наследственным имуществом и передать его наследникам, либо в случаях, когда наследственное имущество требует управления (например, доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью), нотариус удостоверяет договор доверительного управления в соответствии с положениями ст. 1026, 1173 ГК РФ. При этом учредителем доверительного управления является нотариус. Если наследование осуществляется по завещанию, в котором назначен исполнитель завещания, то ему и принадлежат права учредителя доверительного управления.

Согласно ст. 1015 ГК РФ доверительным управляющим может выступать любое лицо, кроме государственного органа и органа местного самоуправления, а также учреждения. В числе существенных условий договора доверительного управления в соответствии с п. 1 ст. 1016 ГК РФ необходимо указать наименование юридического лица или имя гражданина, в интересах которых осуществляется управление имуществом. Все наследники переданного в доверительное управление имущества, должны быть признаны выгодоприобретателями, которые имеют права требования к доверительному управляющему.

Нотариус может истребовать заявления об учреждении доверительного управления наследственным имуществом от всех известных ему наследников в целях согласования кандидатуры доверительного управляющего – такое согласование позволит избежать споров в будущем. Однако если получение таких заявлений от всех лиц невозможно, то нотариус, обязанный учредить доверительное управление, имеет право самостоятельно принять решение о кандидатуре доверительного управляющего. Заключение нотариусом договора доверительного управления наследственным имуществом законодатель относит к способам охраны наследственного имущества (ст. 1171 ГК РФ).

В этой связи следует обратить особое внимание на передачу в доверительное управление долей в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, которая необходима для обеспечения нормальной деятельности общества в период оформления наследниками своих прав.

Если переход указанной доли к наследникам участника общества с ограниченной ответственностью требует согласия остальных участников, то оно должно быть получено до заключения договора доверительного управления. Обращение о получении такого согласия направляется лицом, подавшим нотариусу заявление о необходимости учреждения доверительного управления имуществом. Если наследником является несовершеннолетний, то на заключение соответствующего договора в порядке требований п. 2 ст. 37 ГК РФ необходимо предварительное разрешение органов опеки и попечительства.

Важно отметить, что закон прямо не устанавливает возмездность договора доверительного управления имуществом (ст. 1016 ГК РФ), поэтому в зависимости от основной цели доверительного управления – сохранение имущества или извлечение из него прибыли – определяется возмездность или безвозмездность самого договора [4, с. 110].

С одной стороны, необходимо принимать во внимание экономическую направленность указанного договора, в связи с чем, отношения между доверительным управляющим и учредителем управления не могут являться безвозмездными по своей сути, тем более по общему правилу (ст. 1015 ГК РФ) в качестве доверительного управляющего могут выступать индивидуальные предприниматели или коммерческие организации, основной целью деятельности которых является извле-

чение прибыли из совершаемых ими операций. Тогда и положения ст. 1023 ГК РФ о выплате вознаграждения управляющему за счет средств, полученных от управления имуществом, являются вполне обоснованными, так как в данном случае целью доверительного управления является использование переданного имущества в предпринимательской деятельности.

Но, с другой стороны, когда доверительное управление учреждается по основаниям, предусмотренным законом, и в качестве доверительного управляющего допускается привлечение некоммерческих организаций и физических лиц (ст. 1015 ГК РФ), возникает ситуация, предполагающая безвозмездный характер данного правоотношения, так как целью доверительного управления является, прежде всего, обеспечение максимальной сохранности переданного имущества и поддержание его стоимости. Поэтому ни о каких средствах, полученных от управления этим имуществом в порядке требований ст. 1023 ГК РФ говорить не приходится, и такие правоотношения могут складываться исключительно при наличии фидуциарных отношений между учредителем и доверительным управляющим. Однако нужно иметь в виду, что доверительное управление имуществом – это профессиональная услуга по управлению чужим имуществом, поэтому доверительный характер соответствующих отношений предполагает не личное доверие к конкретному физическому или юридическому лицу, а доверие к деловой репутации, опыту, знаниям и профессионализму управляющего лица.

Таким образом, доверительный управляющий имеет право на вознаграждение, предусмотренное договором, – и в таком случае размер и форма вознаграждения признаются его существенным условием. Тем самым норма ст. 1016 ГК РФ исключает действие общего правила о презумпции возмездности гражданского договора согласно с п. 3 ст. 423 ГК РФ применительно к договору доверительного управления имуществом.

С принятием Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» появилось новое для отечественного гражданского права понятие наследственного фонда.

Наследственный фонд – это способ управления наследственным имуществом и учреждается нотариусом после смерти гражданина-наследодателя. Решение об учреждении фонда принимается наследодателем при составлении завещания и содержит необходимые сведения об утверждении устава фонда, условиях и органах его управления, порядке, размере, способах и сроках аккумулирования наследственного имущества в фонде.

В течение трех рабочих дней после смерти наследодателя нотариус обязан направить в уполномоченный государственный орган заявление о регистрации наследственного фонда с указанием имени физического лица или наименования юридического лица, на которые возлагается управление фондом. К указанному заявлению прикладывается решение наследодателя об учреждении наследственного фонда.

Важно отметить, что наследственный фонд является одним из наследников наряду с указанными в завещании гражданами или юридическими лицами, либо наследниками по закону – это правило обеспечит защиту интересов кредиторов умершего, которые вправе предъявлять свои требования и наследственному фонду. Из имущества фонда осуществляются выплаты указанным в завещании лицам – членам семьи наследодателя, организациям или гражданам, не являющимися

наследниками учредителя. Имущество фонда может увеличиваться за счет доходов от его управления.

Управление фондом осуществляется бессрочно или в течение определенного в завещании срока, и эти условия не могут быть изменены после смерти наследодателя-учредителя фонда.

Наследственные фонды известны зарубежной цивилистике и являются важным инструментом в наследовании, развитии и сохранении бизнеса – одним из эффективных способов профессионального управления чужим имуществом, а в российской правовой практике – еще и значительной анти-оффшорной мерой.

Таким образом, управление имуществом в чужом интересе по общему правилу предполагает совершение широкого круга действий, конкретный набор которых не определен и не может быть определен ни законом, ни договором, так как осуществление охраны чужого интереса находится в прямой зависимости от объективных условий и обстоятельств. В связи с чем, правомерность исполняющей стороны определяется исходя из интереса выгодоприобретателя, а установление ответственности за результат управления чужим имуществом позволяет стимулировать управляющего к наилучшему исполнению своих обязанностей.

Список литературы

1. Wilson W.A., Fratcher W.F. Trust and trust like devirces // Trust in the United States of America. London, 1981. P. 18.
2. Булыгин М.М. Договор доверительного управления имуществом в российском и зарубежном праве. М.: Закон и право, 2006. 96 с.
3. Михеева Л.Ю. Доверительное управление имуществом. М.: Юрист, 1999. 176 с.
4. Витрянский В.В. Договор доверительного управления имуществом. М.: Статут, 2002. 192 с.

ОСОБЕННОСТИ СТАДИЙ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Литучая С.Е.

аспирант кафедры административного и муниципального права,
Саратовская государственная юридическая академия, Россия, г. Саратов

В статье акцентируется внимание на самостоятельности стадии административного расследования и производства по исполнению постановлений по делам об административных правонарушениях. Сделан вывод о существовании стадии, предопределяющей возникновение стадии возбуждения дела об административном правонарушении.

Ключевые слова: стадия, производство по делам об административных правонарушениях.

Стадийность производства по делам об административных правонарушениях предопределяется последовательностью процессуальных действий. Каждой стадии присущи определенные процессуальные документы и принимаемые по итогам ее завершения соответствующие акты.

Согласно энциклопедическому словарю под «стадией» понимается определенная ступень, период, этап в развитии чего-либо, имеющие свои качественные особенности [1].

В юридическом смысле термин «стадии производства по делам об административных правонарушениях» понимается как «логически связанные, со своими только им задачами и кругом участников совокупности следующих одна за другой относительно самостоятельных групп процессуальных действий участников данного вида административно-юрисдикционного процесса, направленных на реализацию их взаимных правил обязанностей, а также на всестороннее, полное, объективное и своевременное выяснение обстоятельств каждого дела и разрешение его в точном соответствии с законом» [6].

Научные деятели в сфере административного права отмечают, что «под стадией производства по делам об административных правонарушениях следует понимать относительно самостоятельную часть производства, которой присущи конкретные задачи, состав участников производства, процессуальное оформление результатов» [21, с. 191; 7, с. 205-206].

Традиционно выделяют четыре стадии производства по делам об административных правонарушениях: 1) возбуждение дела об административном правонарушении; 2) рассмотрение дела; 3) пересмотр постановлений и решений; 4) исполнение постановления по делу [4, с. 475].

В административной литературе существуют и другие версии первой стадии, именуемые в науке неоднозначно.

Н.В. Макареико, И.И. Иванов первую стадию производства по делам об административных правонарушениях называют – возбуждение дела об административном правонарушении и административное расследование [18], К.М. Петров [20, с. 135], Л.В. Акопов [7, с. 206], М.Б. Смоленский [21, с. 191] – возбуждение административного дела и направление его по подведомственности.

В.Ф. Ломакина к первой стадии относит возбуждение дела об административном правонарушении и в необходимых случаях проведение административного расследования [17, с. 267].

Ю.М. Козлов, именуя стадию обжалования и опротестования постановления о наложении административного наказания «особой», определяет ее место «...между стадиями рассмотрения дела и исполнения принятого по делу постановления» [14, с. 514].

Организационно-правовую структуру производства он представляет в виде совокупности обязательных стадий производства: а) возбуждение дела; б) рассмотрение и разрешение дела; в) исполнение постановления по делу.

Факультативная же стадия – стадия обжалования, опротестования и пересмотра является добавлением к ним [14, с. 514].

В.Я. Насонов в производстве по делам об административных правонарушениях выделяет обязательные стадии, которые являются «...непременным атрибутом любого производства», и факультативные стадии, возникновение которых обусловлено волеизъявлением участников производства либо законом. К обязательным стадиям он относит: возбуждение административного дела, его рассмотрение и разрешение, исполнение решения, вынесенного по делу. К факультативным: пересмотр решения, вынесенного по делу, и административное расследование [5, с. 70-71].

В качестве первоначальной стадии, побуждающей «...должностных лиц осуществлять процессуальные действия по установлению фактических данных», Ю.А. Соколова и И.В. Бровко выделяют административное расследование, которую разбивают на ряд последовательных действий: а) возбуждение дела; б) уста-

новление фактических данных обстоятельств дела; в) составление протокола (постановления) об административном правонарушении; г) направление протокола вместе с материалами дела органу (должностному лицу), имеющему право рассматривать его на данной стадии [8, с. 178-179].

Е.В. Ширеева в качестве самостоятельной стадии производства по делам об административных правонарушениях выделяет подготовку к рассмотрению дела об административном правонарушении исходя из того, что «...подготовка к рассмотрению дела об административном правонарушении осуществляет контроль за законностью проведения административного производства по делу до его рассмотрения по существу, то есть служит неким «фильтром», отсеивающим дела об административных правонарушениях, которые фактически не готовы к рассмотрению по существу ввиду серьезных недостатков при их начальном производстве» [25, с. 189].

Говоря о второй стадии производства – рассмотрении дела об административном правонарушении и принятии по нему решения, ученые отмечают, что заканчивается этот этап вынесением постановления по делу об административном правонарушении [8, с. 180].

Некоторые ученые выделяют пятую стадию производства по делам об административных правонарушениях – вынесение решения по делу [13].

Г.Н. Замиралов выделяет шести ступенчатую структуру производства по делам об административных правонарушениях, помимо вышеуказанных стадий, выделяет стадию – административное расследование по делу [11].

Мы солидарны с обозначенной позицией, что стадию административное расследование следует выделять в качестве самостоятельной стадии, а не рассматривать ее в совокупности со стадией возбуждения дела об административном правонарушении, ибо несмотря на то, что административное расследование предусмотрено по определенной категории дел и при определенных обстоятельствах, и не всегда оно необходимо, и как следствие этого носит факультативный характер, на данной стадии предусмотрено совершение определенных действий по итогам которых принимаются самостоятельные процессуальные решения.

Оппонируя, Д.Н. Бахрах отмечает, что «...стадийность производства по делам об административных правонарушениях закреплена КоАП РФ» [3, с. 469].

В соответствии с гл. 28-30 КоАП РФ Ю.И. Мигачев выделяет три стадии производства по делам об административных правонарушениях: возбуждение дела об административном правонарушении; рассмотрение дела об административном правонарушении; пересмотр постановлений и решений по делам об административных правонарушениях [19, с. 263].

По суждению Н.Г. Бузниковой стадия исполнения постановления по делу об административном правонарушении соединена «...с остальными стадиями производства по делам об административных правонарушениях и является их завершением и результатом» [9, с. 12].

Оппонируя в противовес, некоторые авторы утверждают, что исполнение постановлений по делам об административных правонарушениях является самостоятельным производством по делу об административном правонарушении, регламентированным разделом V «Исполнение постановлений по делам об административных правонарушениях» КоАП РФ [2, с. 735].

Данная позиция базируется на том, что производство по делам об административных правонарушениях и производство по исполнению постановлений по

делам об административных правонарушениях различаются по своему содержанию, в частности по субъективному составу. Для производства по делам об административных правонарушениях характерно наличие основного и обязательного субъекта – должностного лица, рассматривающего дело по существу. Основным же субъектом при исполнении постановлений является орган, должностное лицо, приводящее его в исполнение [16, с. 80]. Производство по исполнению постановлений по делам об административных правонарушениях и исполнительное производство различаются между собой стоящими перед ними задачами, правовым статусом участников, сроками их осуществления [12, с. 44]. Помимо этого, производство по исполнению наказания может начинаться многократно и параллельно производству по делу об административном правонарушении (обжалование вступившего в законную силу постановления) [10, с. 63-64].

На основании этого А.А. Гараев констатирует автономность производства по исполнению постановлений по делам об административных правонарушениях [10, с. 63].

Безусловно данная логика прослеживается и в КоАП РФ, ведь рассмотрение дела об административном правонарушении не всегда завершается принятием решения о привлечении к административной ответственности.

В ст. 29.9 КоАП РФ прямо указано, что по результатам рассмотрения дела об административном правонарушении может быть вынесено постановление о назначении административного наказания либо о прекращении производства по делу об административном правонарушении.

Производство по делу об административном правонарушении может быть также прекращено и на стадии пересмотра постановления по делу об административном правонарушении, как вступившего, так и не вступившего в законную силу (ст.ст. 30.7, 30.17 КоАП РФ).

Поэтому исполнение постановления не всегда имеет место быть, что соответственно позволяет сделать вывод о самостоятельности процедуры исполнительного производства и в связи с этим о выделении его в отдельный раздел в КоАП РФ.

Порядок и условия исполнения судебных актов, актов органов и должностных лиц, определен Федеральным законом от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [22] и Федеральным законом от 21.07.1997 № 118-ФЗ «О судебных приставах» [23].

Е.С. Кощеева же исполнительное производство рассматривает как разновидность административного производства [15, с. 15].

Бесспорно, стадийность производства по делам об административных правонарушениях определяется структурой КоАП РФ.

Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что раздел IV «Производство по делам об административных правонарушениях» КоАП РФ помимо глав: 28 «Возбуждение дела об административном правонарушении», 29 «Рассмотрение дела об административном правонарушении», 30 «Пересмотр постановлений и решений по делам об административных правонарушениях», включает в себя главу 24 «Общие положения», определяющую перечень обстоятельств, исключающих производство по делу, главу 26 «Предмет доказывания. Доказательства. Оценка доказательств», в которой перечислены обстоятельства, подлежащие выяснению, и главу 27 «Применение мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях».

Возбуждению дела об административном правонарушении предшествует выяснение всех обстоятельств дела, оснований для возбуждения дела об административном правонарушении, наличия либо отсутствия в действиях лица состава административного правонарушения, необходимости применения мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях.

К примеру, при рассмотрении прокурором заявления о привлечении к административной ответственности по ст. 5.61 КоАП РФ (оскорбление) наличие одного лишь заявления и очевидцев произошедшего события, не дает однозначного основания для возбуждения дела об административном правонарушении. Прежде, чем прийти к выводу о наличии либо отсутствии административного правонарушения, предусмотренного указанной статьей, прокурору предстоит опросить заявителя, свидетелей, предполагаемого правонарушителя, оценить данное специалистом заключение об отнесении высказанных в адрес заявителя слов к разряду оскорбительных в понимании, предусмотренном ст. 5.61 КоАП РФ.

Расценив все обстоятельства дела в совокупности, прокурор принимает решение о наличии либо отсутствии оснований для возбуждения дела об административном правонарушении. При этом при отсутствии оснований прокурор выносит определение об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении, в противном случае постановление о возбуждении производства по делу об административном правонарушении. Вынесением последнего процессуального документа обусловлено начало производства по делу об административном правонарушении и стадии возбуждения дела об административном правонарушении.

Соответственно, если прокурором выносится определение об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении, то и производство по делу об административном правонарушении не начинается.

Поэтому уместно говорить, что стадии возбуждения дела об административном правонарушении предшествует стадия, определяющая наличие административного правонарушения и составляющих его элементов (объект, субъект, объективная и субъективная стороны административного правонарушения).

Классическая стадийность производства по делам об административных правонарушениях предполагает сразу возбуждение дела об административном правонарушении, хотя без наличия достаточных данных, указывающих на административное правонарушение, иными словами доказательств, это невозможно.

Следовательно, стадии возбуждения дела об административном правонарушении предшествует стадия, предопределяющая возникновение стадии возбуждения дела об административном правонарушении. Это первостепенная, искомая стадия, на которой определяется наличие административного правонарушения, – стадия по установлению фактических данных, указывающих на административное правонарушение, в рассматриваемом нами случае прокурорская проверка.

Поддержка нашей позиции прослеживается в трудах О.А. Шевченко, который основываясь на правоприменительной практике органов внутренних дел в области дорожного движения в качестве исходной стадии административного производства выделяет предварительную проверку до возбуждения дела об административном правонарушении [24, с. 120].

Список литературы

1. URL: <http://www.dict.t-mm.ru/all/ctadiya.html> (дата обращения: 06.01.2017).
2. Административное право России: учеб. – 2-е изд., перераб. и доп.-М.: Проспект, 2009. 752 с.

3. Административное право России: учебник / Д.Н. Бахрах. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2006. 528 с.
4. Административное право России: ученик/под ред. Н.М. Кониной и Ю.Н. Старилова. – 2-е изд., пересмотр. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. 784 с.
5. Административное право Российской Федерации: Учеб. для студ. сред. проф. учеб. заведений/В.Я. Насонов, В.А. Коньшин, К.С. Петров, В.М. Редкоус. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. 208 с.
6. Административно-процессуальное право: словарь терминов и понятий. В.В. Степанюк. 2010. URL:<http://www.studfiles.ru/preview/2477583/page:5/> (дата обращения: 06.01.2017).
7. Акопов Л.В. Административное право: Учебник для бакалавров/Л.В. Акопов, М.Б. Смоленский. – 3-е изд., испр. и доп.-М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К»; Академцентр, 2013. 352 с.
8. Бровко И.В., Григорян С.А., Соколова Ю.А. Административное право. Под ред. С.А. Григоряна. /серия «Учебники и учебные пособия». – Ростов Н/Д. Издательство «Феникс», 2002. 288 с.
9. Бузникова Н. Е. Исполнительное производство по делам об административных правонарушениях: автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.14 / Всерос. науч.-исслед. ин-т МВД РФ. – Москва, 2001. 24 с.
10. Гараев А.А. Правовое регулирование исполнения постановлений по делам об административных правонарушениях в области таможенного дела и пути его совершенствования /А.А. Гараев: диссертация ... кандидата юридических наук. – Москва, 2008. 230 с.
11. Замиралов Г.Н. Административное право: Учебное пособие для дистанционного обучения/ Г.Н. Замиралов. – Новосибирск: СибАГС, 2005 – 90 с. URL: http://www.saranet.ru/UMM_1/2435/7_1.htm (дата обращения: 29.03.2017).
12. Зенина Н.В. Исполнение постановлений по делам об административных правонарушениях: место в системе административного процесса // Административное право и процесс. 2015. № 5. С. 41-45.
13. Кашанина Т. В. Российское право: учебник. – 2-е изд., пересмотр. – М.: Норма. – 784 с. 2009. URL: <http://lawbook.online/osnovyi-prava-knigi/proizvodstvo-delam-administrativnyih-24698.html> (дата обращения: 29.03.2017).
14. Козлов Ю.М. Административное право: Учебник. – М.: Юристъ, 2005. 554 с.
15. Кошечеева Е.С. Правовые проблемы административно-исполнительного производства в Российской Федерации: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.14/Ом. акад МВД РФ. – Омск, 2006. 18 с.
16. Лебедева Е.А. Особенности производства и исполнения постановлений по делам об административных правонарушениях // Журнал российского права. 2012. № 9. С. 71-82.
17. Ломакина В.Ф. Административное право Российской Федерации: Учебное пособие. – М.: Эксмо, 2007. 528 с.
18. Макарейко Н.В. Административное право. Конспект лекций. URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/97336/Makareiiko_-_Administrativnoe_pravo.html#label144 (дата обращения 29.03.2017).
19. Мигачев Ю.И. Административное право Российской Федерации: учебник для вузов/Ю.И. Мигачев, Л.Л. Попов, С.В. Тихомиров; под. ред. Л.Л. Попова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2014. 519 с.
20. Петров К.М. Административное право для студентов вузов. Серия «Шпаргалки». – Ростов н/Д: «Феникс», 2004. 224 с.
21. Смоленский М.Б. Административное право/М.Б. Смоленский. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 2005. – 346 с. – (Высшее образование).

22. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» с изм. и доп. на 05 декабря 2017 г. № 382-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2007. – № 41 – Ст. 4849; 2017. – № 50 (Часть III). – Ст. 7553.

23. Федеральный закон от 21.07.1997 № 118-ФЗ «О судебных приставах» с изм. и доп. на 29 декабря 2017 г. № 478-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1997. – № 30. – Ст. 3590; 2018. – № 1 (Часть I). – Ст. 62.

24. Шевченко О.А. К вопросу о начальной стадии производства по делам об административных правонарушениях // «Труды Академии управления МВД России». 2011. № 4 (20). С. 117-121.

25. Ширеева Е.В. К вопросу о сущности подготовки к рассмотрению дела об административном правонарушении // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 2. С. 188-191.

ПСИХОЛОГИЯ ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПРЕСТУПНИКА В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Магомедов Г.Б.

директор, канд. юрид. наук,
Северо-Кавказский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России),
Россия, г. Махачкала

Таилова А.Г.

доцент кафедры юридических и гуманитарных дисциплин, канд. юрид. наук,
Северо-Кавказский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России),
Россия, г. Махачкала

В статье психология поведения несовершеннолетнего преступника, отбывающего наказание в местах лишения свободы, рассмотрена в рамках социально-психологической адаптации лиц, совершивших преступление в ИУ. Проблема адаптации преступников в ИУ проанализирована с учётом несовершеннолетнего возраста осуждённых. Изучен микроклимат в воспитательных колониях и его влияние на малолетних преступников, впервые отбывающих наказание. Указано на необходимость расширения деятельности центров ресоциализации.

Ключевые слова: несовершеннолетние, воспитательные колонии, адаптация преступника, центры ресоциализации.

Речь идет о процессе социально-психологической адаптации несовершеннолетних преступников к новым условиям жизни в местах лишения свободы, там, где им приходится отбывать наказание – в исправительных колониях, спецшколах, специальных ПТУ, других учреждениях подобного рода, вживаться в коллектив «товарищей по несчастью».

Как правило, особенностью пребывания подростка во временной изоляции за совершение какого-либо противоправного деяния является несоответствие морально-этических норм индивида правовому положению, определенному государством, а также моральным «нормам», вносимым самими «воспитанниками» исправительных учреждений в условия жизни в местах принудительного содержания. Другими словами, в исправительном учреждении решающее влияние на неформальную сторону жизни и быта его обитателей оказывает сложившаяся за десятилетия «лагер-

ной» жизни страны «зоновская» культура, либо возводимая в культ, либо нивелируемая, в зависимости от того, кто является лидером в коллективе.

Формальная же сторона жизни в спецучреждениях обычно нацелена на то, чтобы все сферы обитания несовершеннолетних «подопечных» могли быть предметом контроля и вмешательства со стороны администрации учреждения. Поэтому нет ничего удивительного в том, что так называемая личная жизнь новичка протекает в зависимости от его принадлежности к тому или иному уровню неформальной иерархии. Эти процессы обычно формируются незаметно для администрации и базируются не на формальных предпосылках, а на морально-преступных традициях и соответствующих социальных ценностях среды обитания несовершеннолетних в местах с ограничением или лишением свободы. Их основой является криминальный опыт, «авторитет», широта контактов в преступном мире, длительность и частота пребывания «индивида» в подобных местах, знание правил и законов преступного мира, их соблюдение, ловкость и умение обманывать представителей администрации, пренебрежение к труду и общественной морали, культ силы.

Итак, что же представляет собой «обживание» или, говоря языком самих «подопечных», «прописка на жительство»? Прежде всего это сложившийся за многие годы ритуал отбора кандидатов, распространяющийся, как правило, на новичков, прибывших в спецучреждения для отбывания наказания. Обычно «прописка» состоит из разного рода неписаных законов, правил, проверок, тестов, загадок и ситуаций, которые подстроены бывалыми обитателями [3, с. 60-63].

Для прохождения таких «экзаменов» новичкам, или как их еще называют «нулевым», обычно дается около десяти дней для подготовки. В разных учреждениях время, отводимое на подобного рода «занятия», определяется по-разному. Результат же этих унижительных проверок везде и всегда одинаков. Либо подросток, благополучно прошедший «прописку», становится своим для обитателей учреждения, либо «ученик», приобретая определенную масть или масти, как правило позорные, и далее идет по своей «подневольной» жизни с присвоенным ему клеймом.

Сегодня «прописка» как своеобразный ритуал сохранилась не везде. Если быть более точным, в большей степени она существует как спонтанное проявление чьей-либо воли. Это может быть волеизъявление группы, объединенных в своеобразные «землячества» (круги) подростков, оказывающих друг другу моральную и материальную помощь в решении конфликтных ситуаций. Кстати, границы «землячества» довольно расплывчаты, и не все, кто относит себя к тому или иному «кругу», прибегают к помощи «земляков». Такие группы, как правило, быстро выявляются администрацией и существование их недолговечно.

Куда сложнее обстоит дело с личностным влиянием или же с малой социальной группой – «семьей». Именно они оказывают непосредственное влияние на формирование общественного мнения в подростковой среде. Права и обязанности таких групп не имеют четкой регламентации и определяются в первую очередь неписаными нормами, законами, правилами поведения и «авторитетом» ее участников.

Практика показывает, что такие группы подростков есть в любой колонии, спецшколе и спецПТУ, разница лишь в возрасте «подопечных». Обычно именно в малой группе «нулевой» находит людей, которые более опытные и берут на себя роль лидера. Они поддерживают, «защищают», делятся информацией, продуктами. А главное – этим состоянием субъективной независимости индивида пользуются, естественно в своих целях, неформальные «авторитеты». Именно такие малые

группы формируют у подростка, находящегося в учреждениях с временным ограничением либо лишением свободы, состояние ложной защищенности и сопутствующей озлобленности или на другие аналогичные «землячества», группы, или на вновь прибывших, так как они являются наиболее уязвимым звеном в учреждениях подобного рода.

В последние годы жесткие табу на проведение всевозможных прописок и ритуалов, посвященных «мастевой» жизни, отступили на второй, если не на третий план. Результат подобных метаморфоз, наверное, кроется в изменении самих преступных сообществ и их непосредственных лидеров. Но это тема отдельного разговора.

Практических работников интересует тот факт, откуда, несмотря на все изменения преступного мира, произрастает «романтика блатных традиций», поддержка в подростковой среде всевозможных унижительных ритуалов. Говоря проще, как и на каком уровне происходит сегодняшнее «промывание мозгов» новоиспеченным преступникам и тем, кто в результате своего противоправного поведения неминуемо становится на преступный путь? На какие «авторитеты» ровняются эти негласные «лидеры» исправительных и воспитательных учреждений?

Чтобы разобраться в этих непростых вопросах, думается, стоит взглянуть на проблему с учетом возраста несовершеннолетних. А прежде чем говорить о том, кто, где и почему начинает поддерживать воровские законы и традиции и подражать им, необходимо вспомнить, что далеко не всякий совершивший какое-либо преступление подросток попадает в спецучреждение. Если преступление совершает «малолетка» (в зависимости от степени тяжести его вины), его сначала ставят на учет в инспекции по делам несовершеннолетних, проводят с ним предусмотренную различными приказами и инструкциями воспитательно-профилактическую работу, а уж затем наименее поддающихся, тех, с которыми трудно сладить (с учетом объективных особенностей и личных качеств «подопечного»), направляют в спецшколы, спецПТУ, специнтернаты и другие заведения подобного рода [1, с.62].

Если же «подопечный» не «угомонился» даже после пребывания в упомянутых учреждениях и, достигнув 14-летнего возраста, не прекратил совершать противоправные действия, он попадает в воспитательную колонию для несовершеннолетних преступников. Впрочем, нравы спецшкол и спецПТУ подчас таковы, что после них воспитательная колония порой кажется раем. Ведь, как правило, именно в подобных спецучреждениях несовершеннолетние приобретают самые дурные качества и манеры поведения. Именно там они, как губки, впитывают все негативное, блатное: речь, наглость в поведении, ложь, желание иметь наколки, татуировки.

Воспитательная колония – более строгое в режимном отношении учреждение, однако и здесь подобные процессы периодически, но также имеют место, хотя протекают более скрытно. Формирование будущей личности здесь подобно подводному течению, проявления характера «выплескиваются» наружу лишь в исключительных случаях. Всплеск негативных эмоций, подчас накапливающихся годами, может произойти в самый неподходящий момент. Приведем в пример случай, уже ставший своего рода историей и произошедший в 80-е годы в Азовской воспитательной колонии, расположенной недалеко от Ростова-на-Дону.

Казалось бы, какие проблемы могут быть у малолеток? Что они такого могут сотворить? «Бузу» устроить, что ли? Но случаются волнения и в воспитательных колониях. Поводом к противоправным действиям подростков послужил беспредел

со стороны малолеток-«активистов» (их еще называют помощники администрации учреждения), которые в силу различных причин издевались над другими «пацанами». В конце концов «зона» взорвалась. Те, кто был, если так можно выразиться, по другую сторону баррикад, заблокировались кроватными сетками в помещении жилого отряда. К счастью, тогда все обошлось без силовых акций. Беспорядки, благодаря опыту и настойчивости администрации учреждения, удалось погасить с помощью переговоров и убеждений. Кстати, организованы они были отрицательно настроенными «воспитанниками», которые хотели тем самым оказать силовое давление на администрацию колонии. Практика показывает, что «малолетки» – далеко не безобидные мальчуганы, волею судьбы заброшенные в места с ограничением либо лишением свободы. По статистике, как правило, более 60% юношей и 40% девушек, прошедших «негласную» школу подобных исправительных учреждений, не могут приспособиться к жизни законопослушного гражданина и вновь попадают в места лишения свободы [2, с. 123].

Отметим еще один аспект приобщения подростков к тюремной блатной романтике. Детские воспитательные колонии оборудованы так же как и обычные исправительные учреждения, но отличие от взрослых колоний у них все же есть: условия содержания лучше, чем у взрослых. С большей тщательностью обычно отделаны помещения школ, СУ, просторнее и светлее библиотеки, где гораздо шире выбор книг. В отрядах и отделениях больше ухоженности. Нередко здесь можно встретить аквариумы с рыбками, клетки с птицами и т.д.

Воспитанники колонии разделены на отряды. Каждый отряд возглавляет старший воспитатель, отделение – воспитатель. Подростки учатся в общеобразовательной школе и получают профессию в ПТУ. Имеются и компьютерные классы.

После этапа и СИЗО подростки нередко бывают замкнуты, напуганы неизвестностью той жизни, о которой что-то слышали от своих «друзей» или сокамерников. Чаще всего эти сведения носят противоречивый или лживый характер. Когда приходит новый этап, большинство новичков выглядят, как затравленные зверята, только что выпущенные из клетки. Они мечутся, переглядываются, перешептываются, сразу начинают что-то выспрашивать, искать земляков. Такова психологическая реакция подростка, который стремится обезопасить себя. Но проходит неделя, другая, и становится видно, как новичок начинает меняться.

Именно для того, чтобы смягчить тяжелый период адаптации, в учреждениях предусмотрена психологическая служба. Для этих целей в воспитательных колониях есть специально оборудованное отрядное помещение, куда обычно размещают вновь прибывших, где они проходят так называемый карантин. Иначе это помещение называется центром психологической адаптации для вновь поступивших. Здесь с ребятами работают психологи. Им рассказывают о жизни колонии активисты отделений, отрядов, такие же ребята, как они сами. К концу карантина каждый подросток знает, в какому отряду он приписан, в каком отделении будут проходить его ближайшие месяцы пребывания в учреждении, есть ли там земляки, кого стоит остерегаться, а с кем дружить и с кого брать пример, на кого равняться.

А теперь вернемся к психологическим аспектам, порождающим отношения жестокости в среде «малолеток». В местах лишения свободы из-за соответствующего микроклимата, созданного в коллективе, это чувство еще более обостряется. Не секрет, что в места лишения свободы в основном попадают дети из неблагополучных семей. Чаще всего именно эти подростки еще дома бывают втянуты в различные криминальные группы. Как правило, часть из них уже имели контакты с

«представителями» криминального мира старшего поколения. В общении с подобными «авторитетами» подросток-новичок даже за весьма ограниченный промежуток времени успевает впитать «азы» воровской морали. О тех же, кто прошел «крутую» школу спецПТУ, и говорить не приходится. Многолетняя практика позволяет нам сделать следующий вывод: малолетний преступник сначала совершает какое-либо преступление, а уж потом думает о его последствиях. Взрослый же преступник, наоборот, сначала взвесит все «за» и «против» и только потом приступает к реализации своих планов. Отметим, что на «взрослянке» никто из «авторитетов» «зоны» не допустит и десятой части того беспредела, который может твориться среди «пацанов». И это не пустые слова. Это подтверждают большинство практических работников, столкнувшиеся в своей деятельности со взрослыми и детскими исправительно-воспитательными учреждениями.

Сегодня в среде малолетних преступников сохраняется огромное количество всевозможных мастей. В отличие от взрослой «зоны» масти здесь (кроме одной – пацан) даются только позорные, унижающие достоинство человека. Попасть в число мастевых – значит, стать в «зоне» изгоем. И подобные отношения – отличительная черта осужденных-«малолеток», не признающих никаких установлений и законов. В практике бывали случаи, когда такие «малолетки» избивали или морально унижали воспитателя из числа осужденных старшего возраста, которых к ним помещают, чтобы они следили за порядком. А бывает и наоборот. Порой активисты, члены самодельных организаций спецучреждений – «помощники» администрации творят самый настоящий беспредел в отношении простых воспитанников: издеваются над ними, кулаками загоняя в актив, обеспечивая за их счет собственные привилегии [3, с. 60-63].

Естественно, это происходит не везде. В тех исправительных учреждениях, где администрация хорошо контролирует ситуацию, таких случаев меньше, но вообще они, увы, типичны [4, с. 25].

В настоящее время во многих российских воспитательных учреждениях создаются и плодотворно функционируют специальные центры- центры ресоциализации, цель которых – помочь подростку подготовиться к выходу на свободу. Быть может, при помощи этих мер удастся хотя бы часть малолетних нарушителей закона вернуть к нормальной человеческой жизни, помочь им войти в нее не изгоями общества, а полноправными членами, чтобы впредь не повторить сделанных ошибок и вновь не попасть в места лишения свободы.

Список литературы

1. Бойков А.Д. Памяти друга и коллеги // Развитие теории наказания в уголовном и уголовно-исполнительном праве (к 70-летию И.В. Шмарова): Материалы научно-практического семинара / Под ред. В.И. Селиверстова. М., 2000. С. 62.
2. Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность. М., 1992. С. 123.
3. Пургин С. От бродяжничества до преступления всего один шаг. // Закон и право. №8. 2005. с. 60-63
4. Чернов А.Д. Лишение свободы как вид уголовного наказания. М., 1998. С. 25.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИНТЕРЕС КАК ВАЖНЫЙ ГАРАНТ СВОБОДЫ СЛОВА

Пальцева Е.С.

доцент кафедры гражданского права и процесса, доцент,
Петрозаводский государственный университет, Россия, г. Петрозаводск

В статье рассматривается вопрос об общественном интересе как юридически значимом обстоятельстве в судебных спорах с участием средств массовой информации и журналистов. В статье представлены подходы к понятию общественный интерес Верховным судом РФ, так и Европейским судом по правам человека, на примере конкретного судебного дела обосновывается важность общественного интереса как аргумента в защиту свободы слова.

Ключевые слова: общественный интерес, средства массовой информации, журналист, свобода слова, публичное лицо.

Право на свободу слова, на свободу выражения мнения предполагает свободу распространения информации и публичную оценку, даже когда речь идёт о деятельности конкретных частных лиц и высказывание имеет дискредитирующий характер.

Как неоднократно отмечал Европейский суд по правам человека, «пресса не должна выходить за определенные рамки, особенно что касается репутации и прав других лиц, ее обязанность, тем не менее, заключается в распространении – способом, совместимым с ее обязательствами и ответственностью – информации и идей по всем вопросам, представляющим общественный интерес» [2].

Тема общественного интереса при рассмотрении споров по статье 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее Конвенция) проходит буквально красной нитью. Не будет преувеличением отметить, что это основной маркер в решениях Европейского суда при рассмотрении жалоб журналистов, редакторов и блогеров о нарушении их права на свободу выражения мнения, гарантированное в статье 10 Конвенции, при разрешении вопроса о соразмерности вмешательства государства в лице национальных судов в общественную дискуссию, о необходимости вмешательства в редакционную деятельность путем привлечения к ответственности в демократическом обществе.

Отметим, что введение в правовой оборот понятия «общественный интерес» было сделано задолго до ратификации Российской Федерацией Конвенции, что, однако, не позволяет сделать вывод о конкретизации этого понятия ни на практике, ни в законодательных актах.

Применительно к работе средств массовой информации Закон РФ «О средствах массовой информации» и Гражданский кодекс РФ четыре раза упоминают общественный интерес, не раскрывая при этом смыслового содержания этого понятия, в законодательстве Российской Федерации отсутствуют понятия «общественный интерес» и «публичный интерес» (рассматриваем эти понятия как синонимы).

В силу статьи 49 Закона РФ «О СМИ», журналист освобождается от получения согласия (за исключением случаев, когда это необходимо для защиты общественных интересов) на распространение в средстве массовой информации сведений о личной жизни гражданина от самого гражданина или его законных представителей.

Статья 50 этого же закона допускает распространение сообщений и материалов, подготовленных с использованием скрытой аудио- и видеозаписи, кино- и фотосъемки если это необходимо для защиты общественных интересов и приняты меры против возможной идентификации посторонних лиц.

Статья 152.1. ГК РФ содержит норму о том, что не требуется согласие гражданина при использовании его изображения в государственных, общественных или иных публичных интересах.

В соответствии со ст.152.2. ГК РФ, сбор, хранение, распространение и использование информации о частной жизни гражданина в государственных, общественных или иных публичных интересах также допускается без согласия гражданина.

Косвенно важность общественного интереса в работе журналиста признает и федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», который перечисляет случаи, когда возможна обработка персональных данных гражданина без его согласия. Речь идет о пп.7 ч.1 статьи 6 данного закона, содержащей формулировку «для достижения общественно значимых целей при условии, что при этом не нарушаются права и свободы субъекта персональных данных» и пп. 8 ч.1 статьи 6 где указано, что «обработка персональных данных необходима для осуществления профессиональной деятельности журналиста и (или) законной деятельности средства массовой информации».

Общественный интерес является юридически значимым обстоятельством в делах с участием средств массовой информации. Обосновать наличие общественного интереса при распространении информации – это задача ответчика в судебном споре. Ниже данное понятие будет конкретизировано в виде формально-правовой конструкции и на примере судебного дела продемонстрируем важность этого обстоятельства в спорах, связанных с защитой права на свободу слова.

Общественные интересы – это интересы в существовании некоего блага, которое имеет для общества в целом или отдельных социальных групп определенное значение. Под благом здесь мы понимаем то, что с точки зрения общества или отдельной социальной группы несет ему (ей) пользу [1, с. 443].

В целом подход российских судов к понятию «общественный интерес» и «публичное лицо» отличается от европейской правоприменительной практики и норм международного права и является более узким.

В Постановлении Большой палаты Европейского суда по правам человека по делу «Кудерк и компания «Ашетт Филипакки Ассосье» против Франции» от 10 ноября 2015 г., отвечая на вопрос, что следует считать «публичным интересом», отметила: «Публичный интерес относится к вопросам, которые касаются общества в такой степени, что оно может правомерно иметь в них интерес, которые привлекают его внимание или которые заботят его в значительной степени... особенно если они затрагивают благополучие граждан или жизнь общества... Это также относится к вопросам, которые могут порождать значительные противоречия по поводу важного социального вопроса... или касаться проблемы, в информировании которой общество имеет интерес».

При этом Суд подчеркнул, что «публичный интерес» следует отличать от обывательского любопытства: «Публичный интерес не может быть сведен к потребности общества в информации о личной жизни других лиц или потребности читателя в сенсациях... Статьи, направленные исключительно на удовлетворение любопытства определенного круга читателей относительно подробностей личной

жизни лица, каким бы известным оно не было, не могут считаться вкладом в дискуссии, представляющие всеобщий интерес».

Верховный суд РФ под общественным интересом понимает не любой интерес, проявляемый аудиторией, а, например, потребность общества в обнаружении и раскрытии угрозы демократическому правовому государству и гражданскому обществу, общественной безопасности, окружающей среде (Постановление Пленума ВС РФ от 15.06.2010 года № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»).

Понятие «общественный интерес» связано с понятием «публичное лицо», т.к. в силу сложившейся практики, именно деятельность публичного лица (публичной фигуры) может представлять общественный интерес.

В Резолюции Парламентской ассамблеи Совета Европы № 1165 публичными фигурами являются те лица, которые занимают государственную должность и (или) пользуются государственными ресурсами, а также все те, кто играет определенную роль в общественной жизни, будь то в области политики, экономики, искусства, социальной сфере, спорте или в любой иной области (п.7 Резолюции).

Верховный суд РФ под публичной фигурой понимает лицо, которое занимает государственную или муниципальную должность, играет существенную роль в общественной жизни в сфере политики, экономики, искусства, спорта или любой иной области [3].

Общественный интерес понятие «живое» и в случае спора именно журналист должен доказать, что информация является общественно важной, направлена на обсуждение социально-значимых вопросов и не переходит границу «публичного любопытства».

В качестве иллюстрации приведем весьма любопытное судебное дело, в котором заявителем выступил интернет ресурс (на момент публикации спорного текста сайт не был зарегистрирован как средство массовой информации), а ответчиком – Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Республике Карелия (далее по тексту: Управление Роскомнадзора по РК).

9 ноября 2016 года Сегежская районная прокуратура Республики Карелия разослала редакциям карельских сайтов пресс-релиз, в котором сообщала о вынесенном обвинительном приговоре в отношении врача-стоматолога Сегежской ЦРБ А. Манова. В пресс-релизе подробно были описаны обстоятельства уголовного дела и указаны данные осужденного – фамилия, имя, место работы, должность и возраст.

Все новостные ресурсы, получившие пресс-релиз, сообщили эту информацию своим читателям.

Спустя почти полтора месяца редакции получили уведомление от Управления Роскомнадзора по РК с требованием прекратить неправомерную обработку персональных данных Манова А.

Все редакции добросовестно исполнили предписание, а один из сайтов и вовсе удалил публикацию о приговоре. Но вопросы о законности направленного требования остались, что и стало основанием для обращения в суд.

Наличие общественного интереса в спорной публикации было основным аргументом в правовой позиции издания.

Суд полностью поддержал позицию интернет-сайта, отметив «что сведения о факте совершения преступления, обстоятельствах его совершения (в том числе, о

специальности и занимаемой должности), а также о фамилии и инициалах лица, совершившего преступление в связи с ненадлежащим исполнением своих профессиональных обязанностей на занимаемой им должности, имели значительный общественный резонанс.

Это давало заявителю, преследующему, в том числе, цель информирования общества о ненадлежащим образом оказанных медицинских услугах, повлекших причинение смерти, возможность предупреждения неопределенного круга лиц о ненадлежащей квалификации и профессиональных качествах осужденного, право применительно к взаимосвязанным положениям п. 1 ст. 3 Закона № 149-ФЗ, п. 7 ч. 1 ст. 6, п. 3 ч. 2 ст. 10 Закона № 152-ФЗ осуществить обработку его персональных данных для достижения общественно значимых целей и защиты жизни, здоровья или иных жизненно важных интересов других лиц. При этом учитывается, что получение согласия субъекта персональных данных от него самого, исходя из конкретных обстоятельств, было очевидно невозможно» [4].

Учитывая позиции Европейского суда по правам человека и правоприменительную практику российских судов, можно сделать вывод, что общественный интерес – это интерес социальной группы, связанный с благосостоянием и безопасностью общества, с проблемами реализации прав и свобод человека и гражданина (уплотнительная застройка, предоставление земельных участков, задержка выплаты зарплаты, проблемы мигрантов, вопросы финансирования капитального ремонта многоквартирных домов и т.д.). Перечень интересов открытый. Задача журналиста доказать высокую степень интереса общества к поднятой теме, обосновать, какой вклад оспариваемая информация (в том числе и фотография) внесла в обсуждение общественно-значимого (публичного) вопроса.

Список литературы

1. Туманов Д.А. «Что такое общественный интерес и кто обладает правом на обращение в суд в его защиту» // Служение праву. Памяти профессора В.А. Туманова посвящается: Сборник статей. М., Проспект, 2017. С. 441-461.
2. Постановление Европейского суда по правам человека от 24 февраля 1997 по делу «Де Хас и Гейселс против Бельгии», § 37. URL: <http://europeancourt.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/de-xaes-i-gijsels-protiv-belgii-postanovlenie-evropejskogo-suda/> (дата обращения 10.01.2018).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», п. 44. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ (дата обращения 10.01.2018).
4. Решение Петрозаводского городского суда от 02 марта 2017 года по делу № 2а-1740/2017. URL: <https://petrozavodsky--kar.sudrf.ru> (дата обращения 10.01.2018).

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЭФФЕКТИВНОСТИ МИГРАЦИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ВОСТОЧНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙН

Романов И.Е.

кандидат юридических наук, доцент,
Санкт-Петербургский полицейский колледж, Россия, г. Санкт-Петербург

Романова И.В.

доцент кафедры Истории государства и права, кандидат юридических наук,
Санкт-Петербургский университет МВД России, Россия, г. Санкт-Петербург

В статье исследованы формы вынужденных миграций гражданского населения в восточных регионах России в период с 1918 по 1922 гг.

Ключевые слова: миграция, беженцы, переселенцы, внутренние мигранты.

Любая война порождает масштабные миграционные потоки. Люди спасаются от последствий боевых действий и политических преследований, вывозят имущество. С массовым беженством Россия столкнулась еще в годы Первой мировой войны. В этих условиях проявился заметный элемент организованности и управляемости миграционных потоков со стороны государства. В Российской Империя в это время действовали правила эвакуации с территорий, которым угрожало занятие противником, порядок оказания материальной помощи эвакуированным и беженцам. Общественные благотворительные организации получали субсидии от казны, на частные пожертвования оказывали социальную помощь беженцам. Поддержку оказывали земские и городские органы, Красный Крест, и конечно, государственная власть. По разным данным, летом 1917 г. в стране насчитывалось от 3,8 до 7,2 млн. беженцев. Численность беженцев, проследовавших в Азиатскую Россию, определяется исследователями в диапазоне 114-166 тыс. человек, или около 2 % от всей численности беженцев [8, с. 7].

С установлением Советской власти в конце 1917 г. – начале 1918 г. возрос поток внутренних мигрантов, изменился характер миграции. Например, в Сибирь, спасаясь от политического давления усиливающегося советского режима и, в большей степени, от голода, направились тысячи жителей тыловых районов европейской части России. Регистрационный пункт в Екатеринбурге с января по май 1918 г. зарегистрировал 52 622 переселенца, челябинский пункт регистрации беженцев – около 150 тыс. Это только те, кому удалось зарегистрироваться как беженцам либо как аграрным переселенцам [12, с. 211].

Новый поток движения населения усилила начавшаяся Гражданская война, и здесь, ввиду неорганизованности и хаотичности перемещения, количество переселенцев не поддается статистической оценке. Из прифронтовых районов бегство от «красных» было массовым, поволжские города летом 1918 г. оказались наводнены бегущими из Советской России, что потребовало привлечения беженских организаций к работе с новыми контингентами [7, 13 июля; 15, с. 76, 80, 81, 87]. Аналогичное движение происходило и на противоположной стороне фронта, где приверженцы советской власти и сочувствующие ей спасались от контрреволюционного преследования.

На Урале и в Сибири вся тяжесть работы с беженцами стала заботой муниципальных органов. Так, 8 августа 1918 г., МВД Временного сибирского правительства сообщило земским и городским самоуправлениям, а также губернским и областным комиссарам, что не в состоянии проявлять должную заботу о беженцах Первой мировой и Гражданской войн. С этого момента содержание сирот, помощь нетрудоспособным лицам и многодетным семьям, предоставление им медицинского обслуживания и дешевых помещений, обеспечение санитарно-гигиенических мероприятий ложились на городские и земские управы. С октября 1918 г. МВД взялось компенсировать 1,5 руб. в месяц на одного призываемого [16, л. 6].

В Поволжье эвакуация населения происходила крайне неорганизованно. Попытка властей улучшить положение сводилась лишь к созданию системы пропусков и регистрации, что только затрудняло движение людей. Беженцы почти совсем не были информированы о событиях на фронте. Многие эвакуировались в районы отступления войск, а разобравшись впоследствии на месте, были вынуждены немедленно следовать в противоположном направлении. 17 сентября 1918 г. Административный совет Временного сибирского правительства отказал управляющему внутренних дел Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания в размещении беженцев из Поволжья, согласившись принять только уже прибывших в Сибирь [10, с. 421]. Несколько тысяч человек было задержано на западных Сибирских границах.

Директория возобновила прием беженцев и эвакуированных служащих Комуча, учтя переполненность ими Южного Урала [9, с. 28, 40, 48, 68]. 4 октября 1918 г. была учреждена должность Главноуполномоченного по делам беженцев, 4 ноября в МВД организовали отдел призрения, которому передавались в том числе, и вопросы по устройству беженцев [3, 15 нояб.; 9 с. 65-66; 10, с. 110-111, 272, 281]. Вдоль железной дороги от Челябинска до Иркутска были созданы 15 питательных пунктов, а в Новониколаевске – центральное справочное бюро, где беженцев регистрировали, распределяли по местам вселения и подыскивали им службу [17, 9 апр.].

По данным МВД поток беженцев из Поволжья осенью 1918 г. достигал 100 тыс. чел. В Новониколаевске был организован распределительный пункт, откуда, в соответствии с заранее намеченным планом, беженцев расселяли. Территория расселения охватывала районы от Новониколаевска до Иркутска. По плану, Иркутское губернское ведомство должно было принять 4 тыс. беженцев, Томское – 20 тыс., Алтайское – 40 тыс., вся Сибирь – более 60 тыс., остальные же районы считались избыточными по количеству населения. Вновь прибывших беженцев старались разместить в сельской местности, чтобы они могли заняться земледельческим трудом. Казалось бы, продуманный план расселения беженцев должен был способствовать их адаптации на новых местах временного проживания, однако в нем невозможно было учесть специфику беженства – как оказалось, в ее среде количественно преобладала интеллигенция, которая так и не сумела приспособиться к новым условиям. Так, например, из зарегистрированных осенью 1918 г. в Новониколаевском центральном справочном бюро 25 тыс. беженцев трудоустроить смогли лишь 561 чел.

Работникам государственных учреждений и предприятий государство пыталось обеспечить организованную эвакуацию, материальные издержки которой компенсировались в виде эвакуационных пособий [20, с. 135, 147-151]. Для осталь-

ных правительство обещало оказать гарантированную материальную помощь по прибытии в Сибирь, но в сибирских и уральских городах, ввиду огромного потока беженцев, местные власти не в состоянии были обеспечить их жильем, одеждой, создать мало-мальски приемлемые санитарные условия в местах пребывания. Приток мигрантов привел к повышению цен на жилье [13, 6 окт.]. Люди вынуждены были проживать на вокзалах, в вагонах поездов. В Новониколаевске, например, лишь 5 тыс. беженцев разместились в квартирах, заранее подготовленных городской управой, прочие же разместились в 32 эшелонах на линии железной дороги. Аналогичная ситуация была во всех сибирских городах.

В среде беженцев сложилась особая атмосфера: люди, приехавшие в Сибирь раньше и уже успевшие обжиться, помогали адаптироваться вновь прибывающим. Во многих сибирских городах создавались землячества, в некоторых регионах функционировали организации беженцев, предоставляя материальную помощь или протекцию при поиске работы [19, с. 24-25]. Очень сильны были этнические общины беженцев, между местными жителями и беженцами соответствующей национальности быстро устанавливались партнерские отношения, что способствовало их адаптации [18, 13 нояб.].

Однако большинство мигрантов бедствовали и не могли получить серьезную поддержку ни от правительства, ни от общественных организаций. Для этих людей вынужденное переселение на восток одновременно стало шагом, ведущим на дно общества. Некоторые беженцы, коих было немало, пытались обосноваться на земле, главным образом путем самовольных захватов. Очевидно, что такие агрессивные действия мигрантов встречали отпор не только со стороны местного населения, но и со стороны государственной власти. Сибирское население, уставшее от наплыва во всем нуждавшихся и порой совершенно беспомощных масс людей, относилось к ним весьма недружелюбно [5, 21 авг.].

Жители городов выражали недовольство по поводу жилищных уплотнений, в сельской местности крестьяне обязаны были предоставлять подводы для перевозки беженцев, что также вызывало явную их неприязнь к переселенцам. Массы неработающих беженцев вынуждена была нищенствовать или добывать на пропитание противоправными действиями. Источники фиксируют и отдельные случаи вымогательства у сельских жителей большими вооруженными группами беженцев [1, с. 292].

В конце 1918 г. Белая армия стала одерживать успехи на фронте и движение беженцев на восток перестало носить массовый характер. Однако появилась новая группа мигрантов – в Сибирь начали прибывать бывшие российские военнопленные. Численность российских военнопленных была самой большой из всех стран – участниц военных действий. К 1 января 1918 г. в лагерях Германии и Австро-Венгрии находилось чуть более 3,4 млн. солдат, офицеров и классных чинов русской армии [2, с. 15].

По окончании Первой мировой войны началось их медленное и сложное возвращение из плена.

23 апреля 1918 г. Декретом СНК была учреждена Центральная коллегия по делам пленных и беженцев – Центропленбеж, с февраля 1920 г. Центральное управление по эвакуации населения – Центрэвак. Учреждение создавалось для «...согласования, объединения и направления деятельности всех учреждений и организаций, ведавших делами о военнопленных, беженцах, гражданских пленных,

для руководства всеми делами, возникающими в отношении лиц перечисленных категорий» – по сути, для организации обмена военнопленными с участниками Первой мировой войны и для реэвакуации собственных беженцев. По данным Центропленбежа (Центрэвака), на 1 января 1921 года легально оставили территорию РСФСР 3 572 900 беженцев и 1 409 600 военнопленных. Из русских же пленных в страну к 1921 году вернулось 3 171 100 человек [21, с. 50].

В такой сложной обстановке Верховным Правителем А.В. Колчаком 4 июля 1919 г. было принято Постановление Совета Министров об утверждении временного положения о призрении беженцев и об отпуске средств на их призрение и эвакуацию. В соответствии с ним на государственное попечение принимались все неимущие дети до 14 лет, нетрудоспособные по болезни и старости (мужчины с 55 и женщины с 50 лет). Призреваемым оказывалась помощь в объеме 45 руб. в месяц, плюс 10 руб. на квартиру. Пособие выдавалось не только деньгами, но и продуктами питания, предоставлялись места для проживания, оформлялось лечение. Дети беженцев обучались за счет Министерства народного просвещения. Передвижение, питание, лечение всех беженцев, а не только признанных малоимущими, осуществлялось за счет казны [17, 15 авг.]. Несомненно, принятое решение оказалось своевременным.

Следующая сильная волна беженцев захлестнула Сибирь, когда летом – осенью 1919 г. Белая армия отступила из Прикамья и с Урала, а потом оставила и Сибирь. Уральские города покидали служащие со всем казенным имуществом, обыватели, тянущие за собою многочисленные телеги с имуществом, и даже рабочие промышленных предприятий [17, л. 52-52 об., 62-69]. Основная масса беженцев направлялась по Транссибирской магистрали, и серьезной проблемой становилась оседлость беженцев не только на станциях, но и в городах. Только в районе станции Кульмзино в предместье Омска, являвшейся Главным сборным пунктом беженцев, к началу осени скопилось около 100 тыс. беженцев.

Еще одним важным каналом перемещения беженцев являлись реки. Летом по рекам Тобол, Тавда и Иртыш прошло около 30 тыс. чел. По грунтовым дорогам пешком и на подводах также двигались большие массы людей – через Тюменский уезд прошло около 20 тыс. крестьян, 12 тыс. рабочих. Этот поток дополняли и городские жители, убегавшие из недавно оставленных городов.

В городах по Транссибирской магистрали для размещения беженцев пришлось срочно реквизиовать школьные и другие общественные здания, гостиницы, рестораны, строить специальные бараки, проводить уплотнения в частных квартирах и на дачах горожан, чтобы хоть как-то расселить беженцев, эвакуированных и солдат отступавшей армии [13, л. 7-8].

Очевидно, что в 1919 г. степень организованности со стороны государства в отношении мигрантов оказывалась максимальной и более действенной в начале эвакуации. Чем дальше в тыл продвигались люди, имущество, материальные ценности, тем менее управляемым становился этот процесс. Случалось так, что подчас вывозимые в тыл государственные служащие и рабочие казенных предприятий, которые подпадали под опеку государства на начальной стадии, по мере своего продвижения на восток превращались в обыкновенных беженцев, которым местные власти почти не оказывали поддержку, как, впрочем, и всему остальному мигрирующему населению. И все же летом – осенью 1919 г. в общем потоке мигрантов

количество лиц, получивших статус эвакуированных, было значительно больше, чем в 1918 г.

Для разгрузки железной дороги правительство распорядилось запретить выезд беженцев из городов Западной Сибири на восток, а принимать пассажиров только по удостоверениям правительственных учреждений на право выезда или эвакуации [6, 19 нояб.]. Соответственно такая масштабная эвакуация правительственных учреждений создала окончательный затор на железнодорожных путях, поэтому, если у людей имелись деньги, то естественно, многие из них старались купить лошадь, так как гужом можно было продвигаться на восток даже быстрее, чем поездом [14, с. 98-99]. Вереницы подвод тянулись по проселочным дорогам на восток – и статистики количества людей, лишившихся своего имущества на этих путях, не выдержавших тягот и вернувшихся домой – не существует.

Большинство беженцев не хотели продвигаться слишком далеко на восток и города, расположенные в прифронтовой полосе, были переполнены. Одновременно за Байкалом эвакуационные службы могли еще дополнительно принять значительное количество людей. Местная администрация принимала строжайшие меры для распределения беженцев по сельской местности и малым городам, в строгом соответствии с заранее разработанным планом [4, 24 авг.], но основная часть прибывающих неконтролируемо селилась в крупных центрах. Например, на 1 октября 1919 г. в Хабаровске числилось 169 беженцев, хотя места были подготовлены к принятию 1 500 человек. Зато на железнодорожных путях Забайкалья в это время скопилось 355 вагонов с беженцами, служащими эвакуированных учреждений и предприятий и их имуществом.

В Байкальском регионе беженство приобрело массовый масштаб в начале 1920 г. Решением помощника Главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской восточной окраины, с 1 апреля 1920 г. беженцам стали выдавать продовольственные пособия наравне с семьями призванных на военную службу, причем с 26 мая 1920 г. – не деньгами, а продуктами [4, 1920, 5 мая]. Это значительно улучшило положение беженцев в Восточном Забайкалье, гарантировало людям минимальное пропитание.

Высшие органы власти Российской восточной окраины стремились как можно быстрее освободить Забайкалье от массы людей и учреждений, находящихся уже полгода в состоянии эвакуации и совершенно не нужных в таком количестве региону. Этим вопросом занималась в феврале 1920 г. специальная комиссия «для проведения дальнейшей планомерной эвакуации». Приоритетным считали эвакуацию семей военнослужащих и чиновников, во вторую очередь стремились вывезти больных и раненых, в третью – военные учреждения и оставшиеся семьи и лишь после вывоза необходимого беженцам продовольствия предполагали отправить в Маньчжурию правительственные учреждения [11, л. 2, 148-150 об.]. Дело шло медленно, а падение антибольшевистского режима в Восточном Забайкалье обернулось повальным бегством всех противников советской власти.

Не существует источников, благодаря которым можно было бы достоверно определить количество вынужденных мигрантов в восточных регионах России в годы Гражданской войны. Но отдельные крупные группы беженцев и эвакуируемых проследить более-менее достоверно, либо приблизительно все же можно. Большая часть из них выезжала лишь в соседние регионы, в то время как вынуж-

денное переселение длилось несколько месяцев и завершилось возвращением. Попытки органов государственной власти организовать потоки мигрантов не имели серьезных последствий, они преимущественно лишь корректировали стихийное движение. Для большого числа вынужденных мигрантов в период Гражданской войны такое переселение из региона в регион одновременно обернулось движением вниз по социальной лестнице. Это массовое явление, охватившее несколько сотен тысяч людей, стало частью великой трагедии всего народа.

Список литературы

1. Борьба за власть советов в Тобольской (Тюменской) губернии (1918-1920 гг.) : сб. док. материалов/ П. И. Рощевский. – Свердловск, 1967. – 432 с.
2. Васильева С. Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны: учеб. пособие/ С. Н. Васильева. – М., 1999. – 146 с.
3. Вестн. Времен. Всерос. Правительства (Омск). – 1918.
4. Вестн. Забайкалья (Чита). – 1919-1920.
5. Вестн. Тобол. Губернии (Тобольск). – 1919.
6. Вестн. Томск. Губернии (Томск). – 1919.
7. Волжский день (Самара). – 1918.
8. Волков Е. З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет/ Е. З. Волков. – М. ; Л., 1930. – 271 с.
9. Временное Всероссийское правительство(23 сентября– 18 ноября1918 г.) : сб. док. и материалов/ сост., науч. ред. В. И. Шишкин. – Новосибирск, 2010. – 362 с.
10. Временное Сибирское правительство(26 мая– 3 ноября1918 г.) : сб. док. и материалов/ сост., науч. ред. В. И. Шишкин. – Новосибирск, 2007. – 818 с.
11. ГАРФ. Ф. Р-8404. Оп. 1. Д. 9.
12. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 111. Л. 7-8.
13. Голос народа. – Томск. – 1918.
14. Енборисов Г. В. От Урала до Харбина: Оренбургское казачье войско/ Г. В. Енборисов. – М., 2014. – 288 с.
15. Записки белогвардейца-лейтенанта N. N. // Архив русской революции. – М., 1991. Т. X. – С. 56-113.
16. Объединенный архив Челябинской области. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 321. Л. 52-52 об., 62-69.
17. Правительственный вестник. – Омск. – 1919.
18. Приморская жизнь. – Владивосток. – 1918.
19. Рыженко В. Г. Беженцы периода гражданской войны (к вопросу об использовании материалов центральных архивов) / В. Г. Рыженко// Человек и война. XX век: проблемы изучения и преподавания в курсах отечественной истории: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Омск, 2002. – С. 23-26.
20. Рынков В. М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (лето1918–1919 г.) / В. М. Рынков. – Новосибирск, 2008. – 440 с.
21. Щеров И. П. Центропленбеж в России: история создания и деятельности в 1918-1922 гг. / И. П. Щеров. – Смоленск, 2000. – 95 с.

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА ПУТЕМ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ МЕР ПО ПРЕСЕЧЕНИЮ И ВЫЯВЛЕНИЮ ФАКТОВ НЕЦЕЛЕВОГО РАСХОДОВАНИЯ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ

Токбаев А.А.

преподаватель кафедры деятельности ОВД в особых условиях, канд. экон. наук,
Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал)
Краснодарского университета МВД России, Россия, г. Нальчик

В статье проведен анализ российского законодательства в сфере национальной безопасности Российской Федерации, а также экономической безопасности. Преступления, связанные с нецелевым расходованием бюджетных средств, оказывают негативное влияние на развитие страны в целом. В связи с этим предлагаются некоторые меры совершенствованию борьбы с преступлениями подобной направленности.

Ключевые слова: общество, государство, экономическая безопасность, национальная безопасность, стратегия национальной безопасности, нецелевое расходование бюджетных средств.

Под понятием экономическая безопасность понимается состояние национальной экономики, при котором обеспечиваются защита национальных интересов, устойчивость к внутренним и внешним угрозам, способность к развитию и защищенность жизненно важных интересов людей, общества, государства. При этом под жизненно важными интересами подразумевается некоторая совокупность потребностей, которые обеспечивают само существование и прогрессивное развитие личности, общества, государства, а экономическая безопасность в данном случае выступает одним из основных компонентов национальной безопасности, которая охватывает оборонную, экологическую безопасность и т.д. [1] В связи с этим, объектом данного исследования определена практическая реализация в деятельности правоохранительных органов требований Федерального закона «О безопасности» от 28 декабря 2010 года [1] и Указа Президента Российской Федерации «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» [2].

Ранее действовавшим Федеральным законом «О безопасности», под экономической безопасностью России понималась защита жизненно важных интересов всех жителей страны, российского общества в целом и государства в экономической сфере от внутренних и внешних угроз [3].

Рассмотрев указанную формулировку, и, взяв ее за основу данного исследования, необходимо учитывать, что гарантии экономической безопасности, т.е. эффективное противодействие внутренним и внешним угрозам, являются необходимым условием обеспечения стабильного и прогрессивного развития экономики государства.

К внутренним угрозам экономической безопасности России можно отнести имущественное расслоение общества, криминализацию экономики и общества, разрушение научно-технического потенциала страны. К более существенным внешним угрозам экономической безопасности страны можно отнести так называемую утечку умов за границу, вывод капитала за рубеж, нарастание импортной зависимости по продовольствию и потребительским товарам [4].

Статьей 3 действующей редакции Федерального закона «О безопасности»

определены необходимые мероприятия для обеспечения безопасности государства, в частности, касающиеся прогнозирования, выявления, анализа и оценки угроз безопасности, разработки и применения комплекса оперативных и долговременных мер по выявлению, предупреждению и устранению угроз безопасности, локализации и нейтрализации последствий их проявления, применения специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности, разработки, производства и внедрения современных видов вооружения, военной и специальной техники, а также техники двойного и гражданского назначения в целях обеспечения безопасности, организации научной деятельности в области обеспечения безопасности, координации деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления в области обеспечения безопасности, финансирования расходов на обеспечение безопасности, контроля за целевым расходованием выделенных средств.

Данный перечень не исключает осуществление других мероприятий в области обеспечения безопасности, однако, реализация указанной деятельности, в соответствии с действующим законодательством, требуют от государственных органов и учреждений наличия необходимого экономического потенциала, т.е. денежных средств бюджетной системы государства.

В период наиболее быстрого экономического роста 2000-2008 годов, увеличение доходной базы давало возможность существенного увеличения расходов. Что было оправдано, поскольку требовалось скомпенсировать резкое сокращение финансирования бюджетного сектора и социальных обязательств, которое произошло в 90-е годы прошлого столетия.

Сейчас наблюдается, что внешнеэкономическая ситуация, ранее служившая базой для роста бюджетных доходов, изменилась в корне. Снизилась темпы роста мировой экономики, снизились цены на нефть и другие ресурсы, что сокращает возможность роста доходной базы федерального бюджета за счет внешних источников, а возможности для ускоренной компенсации сокращающихся нефтегазовых доходов за счет внутреннего рынка ограничены. В связи с этим, основанная на высоких темпах экономического развития и растущих ценах на ресурсы модель постоянного роста бюджетных расходов Российской Федерации к настоящему моменту практически исчерпала свои возможности.

Пунктом 63 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года определено, что укреплению экономической безопасности будет способствовать совершенствование государственного регулирования экономического роста путем разработки концептуальных и программных документов межрегионального и территориального планирования, создания комплексной системы контроля над рисками, включая: проведение активной государственной, антиинфляционной политики, ориентированной на импортозамещение и поддержку реального сектора экономики; стимулирование и поддержку развития рынка инноваций, наукоемкой продукции и продукции с высокой добавочной стоимостью, развитие перспективных технологий общего, двойного и специального замещения [2].

При этом на первый план выходит обязательное решение вопросов повышения эффективности расходов, а также переориентации бюджетных ассигнований, в рамках существующих бюджетных ограничений на реализацию приоритетных направлений государственной политики, проведение социально-экономических преобразований, направленных на повышение эффективности деятельности всех участников экономических отношений, достижение измеримых, общественно зна-

чимых результатов по обеспечению экономической безопасности государства, наиболее важные из которых установлены Указами Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г.

При этом, необходимое противодействие угрозам экономической безопасности государства может быть организовано путем реализации социально-экономических функций государства, взаимосвязанных, прежде всего, с исполнением государственного бюджета и обеспечением их целевого использования.

Общественная опасность существующих нарушений при реализации бюджетных отношений состоит в том, что их последствия наносят непоправимый ущерб экономическому росту и интересам государственной экономики, а также благосостоянию населения страны.

На сегодняшний день наибольшее количество бюджетных средств выделено в рамках финансирования приоритетных национальных проектов («Образование», «Здравоохранение», «Развитие АПК», «Доступное и комфортное жилье») и различного рода федеральных целевых программ, крупные государственные средства выделялись на финансирование таких целевых проектов, как XXVII Всемирная летняя универсиада, XXII Зимние олимпийские игры и XI Зимние паралимпийские игры.

В связи с присоединением Крыма и определением новой роли Российской Федерации, как равноправного и полноценного конкурента США и странам Евросоюза, в вопросах регулирования межгосударственных социально-экономических отношений, особое значение имеет правовое регулирование вопросов по освоению бюджетных средств, в том числе их целевому использованию, для обеспечения общегосударственных задач и функций.

В Российском законодательстве, наряду с применением норм уголовной ответственности, также предусмотрена административная ответственность должностного лица за нецелевое расходование бюджетных средств. Кроме того, нарушения целевого расходования бюджетных средств рассматриваются также и Бюджетным кодексом Российской Федерации.

В то же время, разъяснения о видах и признаках нецелевого расходования (использования) бюджетных средств не определены соответствующими подзаконными актами. Только в уже недействующем письме Министерства финансов Российской Федерации от 16 апреля 1996 года № 3-А2-02 было указано, что необходимым признаком нецелевого использования бюджетных средств выступают неправомерные действия, результатом которых может являться как недостижение цели, на которую выделялись средства, так и ненадлежащее их расходование, сопровождающееся отсутствием первичных документов, отвлечением выделяемых ассигнований, превышением полномочий по их перераспределению, превышением установленных норм и др. [5]

Сегодня нет конкретного однозначного определения нецелевого расходования (использования) бюджетных средств при определении сущности криминализованного деяния. Преступления, связанные с нецелевым расходованием бюджетных средств, имеют ряд специфических особенностей, прежде всего, связанных с определением обстоятельств, подлежащих доказыванию, порядком сбора доказательств, рассмотрением наличия состава уголовно-наказуемого деяния и проведением дальнейшего предварительного расследования.

Затруднения в области определения нецелевого расходования (использования) бюджетных средств, отсутствие единого решения указанных обстоятельств и

имеющиеся различия в существующих криминалистических методиках, затрудняют правоприменительную деятельность, что обуславливает необходимость реализации мер по предупреждению и профилактике преступлений, совершаемых в бюджетной сфере, в частности, связанных с их нецелевым расходованием.

В связи с этим, по нашему мнению, организованные необходимым образом, скоординированные, последовательные, системные действия всех ветвей власти, эффективное взаимодействие правоохранительных органов и различных контролирующих ведомств по вопросам обеспечения сохранности бюджетных средств, путем противодействия их нецелевому использованию, смогут обеспечить стабильность и устойчивость финансовой системы государства, защитить национальные интересы и обеспечить экономическую безопасность страны.

Список литературы

1. <http://economyinfo.ru/view-article.php?id=143>
2. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537.
3. О безопасности: Сборник законодательных и нормативных документов по состоянию на февраль 1998г. – М., Буквица, 1998 г. (Серия «Федеральное законодательство»).
4. <http://www.grandars.ru/student/nac-ekonomika/ekonomicheskaya-bezopasnost.html>
5. О нецелевом использовании средств, выделенных из федерального бюджета: Письмо Минфина РФ от 16 апреля 1996 г. № 3-А2-02.

Подписано в печать 06.02.2018. Гарнитура Times New Roman.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 11,16. Тираж 500 экз. Заказ № 66
ООО «ЭПИЦЕНТР»

308010, г. Белгород, пр-т Б. Хмельницкого, 135, офис 1
ООО «АПНИ», 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а